

Секция II. История и предыстория русского языка

Ментальность русского средневековья и особенности выражения категории обусловленности в древнерусском мегатексте

Э. Н. Акимова

Мордовский государственный университет

Ментальность, древнерусский мегатекст, категория обусловленности

Summary. The paper, taking into account the main peculiarities of Russian medieval mentality, gives definitions of conceptional category and megatext. The paper describes such methods of explication of the category of conditionality on the megatextual level, such as: biblical quotations and reminiscences, retrospective historical analogies, prophetic dreams, visions.

Ментальность русского средневековья, понимаемая как «миросозерцание в категориях и формах родного языка» (В. В. Колесов), была двойственна и противоречива. Бинарность символически толкуемого мира, провиденциализм Божественной энтелехии, догматизм и авторитарность средневекового мышления, аналогия как основной принцип построения художественного образа в древнерусской литературе и искусстве – все это адекватно отражалось в культурно-исторической парадигме и стиле мышления эпохи и накладывало отпечаток на особенности реализации на мегатекстовом уровне концептуальной категории обусловленности.

Для концептуальных категорий с учетом средневековой русской ментальности даем следующее определение: это релевантные для культурно-исторической парадигмы эпохи психологически сложные интеллектуальные построения, адекватно отражающие логику и стиль мышления данной эпохи. К таким сложно структурированным ментальным категориям можно отнести категорию обусловленности, включающую в себя семантические ситуации условия, уступки, причины, цели и следствия.

Под мегатекстом понимаем совокупность образцов – нормативных текстов эпохи. Понимание мегатекста как совокупности памятников вытекает из отсутствия в средние века исторического отношения к литературе.

Как показал анализ почти трехсот древне- и старорусских памятников письменности, опубликованных в 12-томном издании «Памятники литературы Древней Руси» (все примеры приводятся по этому изданию с указанием названия произведения, тома и страницы), к способам экспликации категории обусловленности на мегатекстовом уровне относятся библейские цитаты и реминисценции, ретроспективная историческая аналогия, пророческие сны, видения и знамения.

Основная функция библейских цитат – объяснение, толкование каких-либо положений, подтверждение важнейших мыслей автора – тесно связана с выражением причинно-следственной семантики и отношений основания-вывода: *И сими казньми казнить нас богъ, нахоженьем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. **Сега ради в празднигы нам наводитъ богъ сѣтованье, яко же пророкъ глаголаше:** «Преложю празднигы ваши в плачь и пѣсни ваши в рыданье»* (Лавр. летопись, т. 3, с. 138). Кроме объяснительно-констатирующей, зафиксированы функции прогнозирующая: *Таче по времени наку нѣкоторѣм слыша въ святѣмъ еуангелии господя глаголюща: «Аще кто не оставитъ отца или матере и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ». **Си же слышавъ богодѣхъновеный Феодосий и раждѣгъся божьственоу рвностию и любвью, и дышаниемъ божиемъ, помышляше, како или кде пострѣтся и утаити матере своея** (Житие Феод. Печерского, т. 1, с. 316) и оценочно-характеризующая: *И призвавъ Бориса... посла и противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостю вставъ иде... О таковыхъ бо рече **Притчѣникъ:** «Сынъ быхъ отцю послушливъ и любимъ предъ лицемъ матере своея»* (Сказ. о Борисе и Глебе, т. 1, с. 280).*

Библейские реминисценции – слова и словесные комплексы, которые не являются цитатами, но их значение обусловлено, мотивировано содержанием Библии, ее стилем. На преваляющую функцию воспоминания часто накладывалась проспективно или ретроспективно оформленное детерминирующее значение: *И по малыхъ днѣхъ ускочи Игорь князь у половець – не оставитъ бо господъ праведнаго в руку грѣшничю: очи бо господни на боящаяся его,*

а уши его в молитву ихъ! Гониша бо по нем и не обрѣтша, якоже и Сауль гони Давида, но богъ избави и, тако и сего богъ избави из руку поганых (Лавр. летопись, т. 2, с. 368).

Ретроспективные исторические аналогии (термин В. В. Кукова) могли, как и библейские цитаты, выполнять функции объяснительно-констатирующую: *Се же бысть, яко при Соломанѣ приде царица эфиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣти и знамяня: **тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божья, но она человекски, а си божья** (Повесть временныхъ лет, т. 1, с. 76); проспективно-прогнозирующую: *Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, **яко Константину побѣду, покори под нозѣ его врагы Амалика, яко же иногда кроткому Давиду** (Сказание о Мамаевомъ побоище, т. 4, с. 164); и оценочно-характеризующую: *Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяи добра челоувѣка, яко всю надежу свою на господя положилъ есть святыи Борисъ, начатъ подвижнѣи бываати, и обрѣте, **яко же преже Каина на братоубийство горяща, тако же и Святотѣкъ** (Сказ. о Борисе и Глебе, т. 1, с. 284).***

Пророческие сны занимают значительное место в древнерусской литературе. В плане трактовки происходящих событий какими-либо условиями, целями или причинами они связаны с феноменом предчувствия. Текст сна обычно предваряется вводной конструкцией (*видѣша сон, явися во сне и под.*), а продолжается послесловием, информирующим о его пророческомъ последствии: *Еще гнѣву божю не преставиши и многимъ скорбию немощи одержимымъ, во едину от ноций **во снѣ является великий чудотворецъ Никонъ понамарю Илинарху, глаголя сице:** «Повѣждь болящимъ людемъ: се падетъ снѣгъ во сию ноць, и хотящеи исцѣление получиши да трутся тѣмъ новопадшимъ снѣгомъ. Рцы же всѣмъ людемъ, яко Никонъ сказа се». **Илинархъ же воспрянувъ трепетен и наутрии повѣда всѣмъ людемъ. И по глаголу чудотворца Никона паде новъ снѣгъ; и иже вѣру сему емшеи и тѣмъ снѣгомъ тершеся, и от тѣхъ мнози здравие получиша** (Сказание Авр. Палицына, т. 9, с. 238).*

Видения в исследованных текстах подразделяются на две группы: 1) видения в полусне, как бы сне (*яко во сне, сон мал, сон тонок*) или в особом состоянии физической немощи и / или духовной экзальтации, вызванной религиозными переживаниями: *Единоу же разболѣвшюся сему блаженному Дамиану и конецъ житию прятати хотящу, и лежащу ему в немощи, и прииде к нему аггелъ въ образѣ Феодосиевѣ, обѣщаа ему царство небесное за трудъ его (Киево-Печер. патерик, т. 2, с. 470) и 2) видения, происходящие не во сне, а наяву – это обстоятельство специально подчеркивается: *И зреть пономарь очима, – **не во снѣ, но явѣ** – из гроба своего исходяща прѣподобнаго чудотворца Варлаама (Видение Тарасия, т. 6, с. 416).**

Пророческую функцию выполняли и небесные знамения: *Бысть нѣкое проявление по многы ноци: являшеся таково знамение на небеси на востоцѣ предъ раннею зарею – **звѣзда нѣкаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ**... Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтамышево на Рускую землю и горкое поганыхъ татаръ нахождение на христианы... (Пов. о нашествии Тахтамышы, т. 4, с. 190).*

Таким образом, употребление библейских цитат и реминисценций было связано с экспликацией причинности в ее средневековом, двойственном восприятии (реальная – сверхреальная), а ретроспективные исторические аналогии ориентировали читателей на провиденциалистский ход Священной истории.

Отвергнутые кальки

Н. С. Арапова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Кальки появляются как протест против лавины заимствований. Часть из них быстро осваивается и воспринимается носителями языка как собственно русские слова. Для всех стали привычными *вечнозеленый, водопад, красавка, приземлиться, себестоимость*. Мы предлагаем остановиться на тех случаях, когда калька предлагалась, но была отвергнута. Так, во второй пол. XVIII в. музыкальному термину *анданте* предлагался «русский» вариант *ходовито* (итал. *andante* – от *andare* идти); в XIX в. *капиллярность* пытались заменить термином *волосность* (лат. *capillaris* волосной); в начале XX в. *дирижабль* предлагали заменить субстантивированным прил. *управляемый*. Почему одни кальки приживаются, а другие отвергаются? Над этим задумывались уже в начале XIX в.: «Наприм[ер] *мистический* можно перевести *чрез таинственный*; но спрашивается, всегда ли последнее будет иметь тот же смысл? Можно ли наприм[ер] сказать: *таинственная книга, таинственный автор*? Далее необходимо, чтобы и все производные и составные слова из первого заменялись производными же и составными, происходящими от принятого в замен оного. Останемся при слове *мистический*. Надобно перевести также слова *мистик, мистика, мистицизм*. Как же например? *Таинственный, таинственница* и проч.? Написать это можно, но – спрашивается, будет ли это когда-либо принято?» («Русский инвалид». 1815 г., 302). Итак, калька отвергается из-за невозможности (неприемлемости) дериватов от нее. Но вот сущ. *антракт* – от него нет и не было производных, однако предлагавшаяся лексикографом С. С. Волчковым калька *междудействие* тоже не прижилась.

Не прижились и кальки, созданные В. И. Далем. Так, для слова *витрина* он предлагает целый набор на выбор: «можно перевести: *скляница, стеклице, стеклянка, стекольница, стекольник, стекольня*» (фр. *vitre* стекло). Вряд ли препятствием в данном случае была нарочитая искусственность этих слов и отсутствие соответствующей базы в разговорном русском языке. Такие слова, как *водород, кислород,*

шелкопряд тоже создавались искусственно, однако беспрепятственно приобрели права гражданства.

Возможно, многие научные термины не стали калькироваться потому, что язык русской науки стремился к быть близким языку общеевропейского культурного сообщества и поэтому предпочитал интернационализмы. В XVIII в. предлагалось заменить слово *микроскоп* на *мелкозор, инерция* на *леность* или *косность*; в XIX в. – *нитрат* на *селитряк, омоним* на *тождеслов*. Победили «непонятные» заимствования. Более того, ряд давно освоенных калек, таких, как *кремний* или *одомашнивание*, во второй половине XX в. вдруг начал вытесняться своими прототипами *силиций* и *доместикация*.

Литературоведческий термин *новелла* в XVIII в. калькировался словом *новость* (*новости Сервантовы* ‘новеллы Сервантеса’). Возникает мысль, не была ли отвергнута такая калька из-за нежелания вводить в исконно русское слово *новость* это искусственное значение? Однако ряд многозначных русских слов не противился появлению новых и совершенно неожиданных калькированных значений, напр., *утка* ‘сознательная дезинформация’. Более того, в ряде случаев калька идет вразрез со сложившейся системой переносных значений слова и тем не менее входит в язык (прил. *левый* и *правый* как политические термины).

Особую область представляет кулинарная терминология и лексика моды. Здесь кальки отвергались по психологическим соображениям. Непонятное иностранное слово как бы гарантировало экзотичность, специфичность, деликатность, изысканность. Ну, как перевести *рюшь* словом *улей*; или *крем-брюле* как *подгорелые сливки*, или *безе* как *поцелуй*; или *рулет* как *крученное* (все эти кальки предлагались)? И вот оказывается, что для человека, не знающего иностранных языков (для которого, вроде бы, и создавались кальки), гораздо привлекательнее непонятная «импортная» лексема. Простой народ не любит простоты, как тонко заметил русский классик И. А. Гончаров в своем незадолго до недооцененном очерке «Слуги старого века».

О языковом статусе союза в парных именовании древнерусского текста

М. В. Артамонова

Владимирский государственный педагогический университет

Summary. The paper is devoted to analyzing language function of conjunction in the binary word-combinations.

Анализ материала древнерусских литературных памятников показывает, что компоненты парных именовании (сочетаний типа *радость и веселье, честь и слава, небо и земля*) могут быть соединены союзной связью (сочинительными соединительными союзами *и, также и, ни ... ни*) или бессоюзной связью. Нередко компоненты одного и того же парного именовании могут быть соединены разными типами связи, например, *нищий и убогий – нищий убогий, слава и честь – слава честь*: «Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ...» (Поуч. Влад. Мономаха) – «...радуйтесь о господи множество вездѣ нищии, убози...» (Жит. Авр. Смол.); «...а возмем до конца свою славу и честь» (Лет. пов. поход. князя Иг.) – «Но поминающе си нашу любовь, о вашемъ спасении потщитесь угодити створшему ны богу, ему же лѣпо вся слава честь» (Серапион). В древнерусском тексте обнаруживается также сращение структурно-семантических компонентов парных именовании, что преобразует исходное сочетание, состоящее из двух знаков, в номинативную единицу, представленную одним знаком, например, *братъ и сестра → братьсестра*: «Разидесе градъ нашъ и волость наша (во время голода) и полни быша чожие грады и страны нашеи *братье и сестръ*» (Новг. I л. 6738) – «...святаго мученика Евлампя и Евлампия присныма *братьсестрома*» (Остр. ев. 228; Арх. ев. 192) – Срезневский).

Наиболее распространенным способом связи структурно-семантических компонентов парных именовании является соединение их союзом *и*. В научной литературе высказаны

две точки зрения на морфологический статус и функцию союза *и* в парных именовании: 1) *и* – «плеонастическая частица» (А. А. Потебня); 2) *и* – «усилительный союз» (А. П. Евгеньева).

А. А. Потебня, останавливаясь в своих исследованиях на своеобразной функции союза *и* в сочетаниях типа *род и племя, рать и сила, хлѣбъ и соль* в древних памятниках, определяет ее так: «союз между сопоставляемыми существительными лишь в редких случаях может быть понят как выражение последовательности восприятия вещей, сопоставленных в пространстве; он служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим» [4, 218–219]. По мнению лингвиста, *и* – это языковая единица, отнесенная в категорию архаичных плеонастических частиц, «заполняющих собою пробелы мысли» [4, 219].

А. П. Евгеньева подвергает критике точку зрения А. А. Потебни и рассматривает *и* как усилительный союз в синонимических парах слов: стилистическая функция синонимических пар, в которых употребляется союз *и*, заключается в усилении значения, в подъеме его, а в бессоюзных сочетаниях – в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения). А. П. Евгеньева в своей работе говорит о невозможности соединения союзом дублетов, слов, полностью совпадающих в своем значении; следовательно, о невозможности употребления союза *и* как средства связи в плеонастических

конструкциях, например, «нельзя сказать «гляжу и смотрю», «знаю и ведаю», «народ и люди», «сказал и молвил», потому что функция союза «и» в русском языке (в простом предложении) – соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза и заставляет воспринимать один из членов как отличный от другого: сочетание «стыд и срам» с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд – более слабая степень, а срам – более высокая степень той общей семантики, которая является основной в каждом из этих слов)» [1, 270–271].

Данные точки зрения, как нам представляется, не дают достаточно точного представления о лингвистической природе и функции союза **и** в парных именовании.

Союз **и** в анализируемых устойчивых сочетаниях древнерусского текста нельзя определять как плеонастическую частицу, связывающую повторяющиеся по смыслу слова, так как компоненты парных именовании не являются лексическими дублетами, также **и** нельзя считать и собственно союзом: роль союза **и** в парных именовании в древнерусском тексте отличается от обычной его роли в современном литературном русском языке, где он связывает слова или части сложного предложения, выражая отношения соединения, присоединения, перечисления, одновременности и др. В парных именовании **и** связывает не самостоятельные слова, а лишь составные части сочетания, осознаваемого как цельная номинативная единица, и эта структурно-семантическая цельность парных именовании указывает на «несочинительную семантику элемента *и* в этих сочетаниях» [3, 158].

Вопрос о статусе и функции союза «и» в парных именовании действительно является дискуссионным. Анализ материала древнерусских текстов позволяет высказать предположение о том, что функция союза **и** в парных именовании близка к функции интерфикса – соединительной гласной,

связывающей части сложного слова, выражающего единое значение, например, ср.: рус. *благ-о-честие*, *дом-о-строй*, *зл-о-верие*, *лж-е-свидетель* и др.-рус.: *мать и отец* ('родители'), *руки и ноги* ('конечности'), *сѣмо и овамо* ('езде').

Союз **и** в исследуемых сочетаниях и интерфикс в сложно-составных словах подобные, но не тождественные единицы. С точки зрения В. В. Колесова, древнерусские союзы обладают семантическим синкретизмом и многофункциональностью ([2, 625]), и мы предполагаем, что союз **и** в парных именовании, рассматриваемых как структурно и семантически цельные сочетания, является синкретичной единицей, совмещающей в себе признаки союза, связывающего самостоятельные слова, и интерфикса – морфемы, связывающей несамостоятельные части одного слова. Данная гипотеза основана на предположении о том, что парные именовании являются лексическими единицами синтагматического уровня, занимающими промежуточное положение между лексическим и синтаксическим языковыми ярусами. Отметим, что в парных именовании союз не является самостоятельной единицей, а выступает только в качестве составной части синкретичного сочетания с единым, обобщенным значением, например, *злато и серебро* – 'богатство', *радость и веселье* – 'праздник', *горы и холмы* – 'возвышенности'.

Таким образом, сочинительный союз в парных именовании выступает в роли соединительного средства компонентов, что функционально сближает его с интерфиксом, связывающим части сложного слова.

Литература

1. *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XIX вв. М.; Л., 1963.
2. *Колесов В. В.* История русского языка. СПб., 2005.
3. *Лопутко О. П.* Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
4. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

Формуляр сибирских отписок XVII века

В. Е. Афанасьева

Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова

Документ, формуляр, отписка, образец

Summary. Business written language of XVII century is unique material for historical investigation of Russian language. Business document have peculiar structure, record of service. This structure support to look at text of the documents of XVII century in a new fashion.

В XVII веке делопроизводство являлось важной стороной общественной жизни. Деловые бумаги, составлявшиеся в центральных и периферийных приказных учреждениях, касались всех сторон жизни русского общества, предназначались для всех социальных слоев. Об этом свидетельствуют как наличие многочисленных документов XVI–XVII вв., так и их разносторонний характер. Возникновение большого количества документов определялось необходимостью ведения тех или иных государственных дел.

Как определенный тип письменности, деловая речь, формировавшаяся на народно-разговорной основе в XVII веке, еще не была кодифицирована, опиралась на определенные узуальные нормы, которые сложились в результате многовековой практики и определяли структуру деловых бумаг. Этими нормами владели все грамотные люди, но, прежде всего, подьячие и дьячки, осуществлявшие не только делопроизводство, но имевшие сплошь и рядом более широкие обязанности вплоть до книгоиздательских.

Деловая переписка XVII века представлена разнообразными жанрами: челобитными, сказками, отписками, памятями, допросами и др. Самыми частотными жанрами деловой письменности XVII века являются отписки. В данной статье мы обратимся к самому распространенному документу XVII века, к отписке. Мы рассмотрим особенности формуляра отписки, самого основного документа частно-управленческой переписки.

Отписка – документ, отправленный местным представителем центральной власти в Москву, в Приказ. По содержанию этот документ всегда имеет отношение к служебным обязанностям ее автора. Отписка – подробное донесение (донесение – служебное сообщение каких-либо сведений властям, начальнику) подведомственного местного учре-

ждения в вышестоящее центральное учреждение на имя царя. Это форма связи представителей местного и центрального управления.

На основании исследования строения этих документов мы можем выделить определенный тип их формуляра.

Формуляр сибирских отписок состоял из обязательных трех частей. Первая часть – зачин – обычно начиналась с обращения к высокопоставленному лицу, а именно к царю: *Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу холоп ваш Стенька Коробьин челом бьет* (Отп., № 149).

Вторая часть – содержательная (основная) – начиналась с указания точной даты совершения того или иного события: *В нынешнем, государь, во 155 году, ноября в 4 день...* (Отп., № 37).

Затем шло сообщение о выполнении поручения, которое было дано автору документа ранее: *Приплыл с Байкала озера Енисейской атаман Василей Колесников с товарищи...* (Отп., № 41).

Следует отметить, что подобного рода формуляр отписки иногда имел отклонения. После указания точной даты совершения действия мы не наблюдаем сообщения о выполнении какого-либо поручения, а встречаем изложение:

а) царской грамоты, которая поступила раньше в Сибирский приказ и на которую надо дать ответ: *В твоей государеве царево и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте писано ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог: В прошлом, во 143 году писал к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси из сибирии воевода Андрей Племянников...* (Отп., № 20).

б) ранее написанной кем-либо отписки: *В нынешнем, великие государи, в 201 году, апреля в... день писал ко мне, хо-*

лопу вашему из Балаганского острогу приказной енисейской сын боярской Борис Серебряников, а в отписке иво написанно... (Отп., № 34).

в) ранее вышедшей памяти: Писал к нам, холопам твоим, в Енисейской острог с Байкала озера атаман Василей Колесников: что в прошлом во 152 году, по указу блаженные памяти отца твоего государева великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, послан он, Василей Колесников для ясачново сбору... (Отп., № 37). В нынешнем во 153-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по вашей наказной памяти писали ко мне в Верхоленской острог... (Отп., № 29).

г) ранее вышедшего царского указа: В нынешнем в 209-м году по указу великого государя велено мне... взять отгонного скота... (Отп., № 155).

Далее мы наблюдаем подробное изложение совершенных автором документа действий: И я пришел на Илимской волок з государевую соболиною ясашиною казною и з десятиным збором и с ясашиными книгами и с прежним целовальником с Артемьем Япанчинцом... (Отп., № 29).

Как видим, содержательная часть отписки строилась по определенному образцу:

1. Указание даты события, которое было совершено ранее и по поводу которого составлялась отписка. Это событие было либо новым для адресата, либо уже известным ему (адресату).

2. Описание самого события.

Третья часть – концовка – всегда в отписках имела такой вид: «И о том, нам, государь, что ты укажешь (изволишь)?»

Таким образом, на основании рассмотрения особенностей формуляра документа мы можем выделить два типа отписок:

1. Отчет о произошедших событиях.

2. Просьба о государственной помощи.

Таким образом, можно предположить, что формуляр сибирических документов имел четко организованную структуру и строгий порядок следования составных частей.

Литература

1. Котков С. И. Деловая письменность и литературный язык // Русская речь. 1980. № 5. С. 102–108.
2. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960.
3. Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: В 2 т. Т. 1: Пашня Илимского Воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001.

14,1ptK вопросу об отражении цоканья в русской деловой письменности XVII в.

И. В. Бегунц

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
История русского языка, историческая фонетика, диалектология

Одним из наиболее сложных аспектов при реконструкции консонантной системы диалекта на материале позднерусских памятников местной деловой письменности является вопрос о характере употребления аффрикат в говоре. Если в раннедревнерусских текстах диалектное цоканье как правило отражается (через смешение букв *ц* и *ч*), то в памятниках XVI–XVII вв., даже созданных на заведомо «цокающих» территориях, буквы *ц* и *ч* употребляются за редкими исключениями этимологически верно. Поэтому при реконструкции типа употребления аффрикат в говоре приходится опираться в первую очередь на данные современной диалектологии. Затем, спорным остается вопрос об определении качества (твердости или мягкости) аффрикат на основании употребления букв *ы* / *и*, *у* / *ю*, *а* / *я* после буквы, обозначающей аффрикату. Ниже будут рассмотрены вопросы интерпретации подобных орфограмм на примере белозерских деловых текстов первой половины XVII в. из собрания РГАДА (отказные книги: фонд 1209, оп. 2, №№ 12769, 12761; хозяйственные книги Кирилло-Белозерского монастыря: фонд 1441, оп. 1, №№ 221, 222, 224, 228, 229, 230; общий объем 2500 листов).

Обращение к диалектологическим материалам позволяет утверждать, что архаическому слою белозерского говора было присуще мягкое цоканье: на это указывают не только работы, основанные на результатах полевых экспедиций XX в., но и фольклорные записи начала века, а также путевые заметки путешественников середины XIX в. (см. [6, 32], [4, СХII], [1, 100–103]). Кроме того, известно, что рассматриваемая территория заселялась преимущественно выходцами из Новгородской земли, а для древненовгородского диалекта было характерно совпадение аффрикат в мягком [ц']. Поэтому представляется весьма вероятным наличие в белозерском говоре мягкого цоканья и в более ранние века, в том числе и в период создания исследованных текстов.

Тем не менее, в белозерских рукописях, как и в большинстве позднерусских текстов, последовательно различаются *ц* и *ч*. На 2500 листах обнаружено только два случая смешения *ц* и *ч*: на реке и А^чиферо^о (фамилия, при регулярном А^циферов). Других примеров с отражением цоканья в текстах нет, но и столь небольшое число случаев можно признать значительным для памятников деловой письменности XVII в., строго нормированных в отношении употребления *ц* и *ч*. Отметим, что о нормированном употреблении *ц* и *ч* говорит еще одно обстоятельство. После буквы *ч* употребляются в основном *я* и *ю*, а также *и*, ср.: Ва^си^еви^чя, с^ме^чья^чи, Не^чья^чко, Ива^нови^чя, ны^не^чя, во^ло^чья^чни^на, жи^во^нач^яны^е, Ни^кити^чя, по^дач^ян, Ключ^ярева и мн.

др. (более 500 примеров; написания с *а* встречаются существенно реже); *ч*юдо^творе^т, Ива^нови^чю, в сво^ем^ь хар^чю, <пустошь> Ч^юрилово, Се^менови^чю, *ч*ю^оские, *ч*юро^о (Р. мн.), еп^ач^ю, Ч^юдинова и мн. др. (также фактически норма; написаний с *у* значительно меньше); *тысячи*, ов^чины, *считаны* и пр.; буква *ы* после *ч* в исследованных текстах не употреблена ни разу. Напротив, после *ц* пишутся *а*, *у*, *ы*, ср.: стар^ца, ч^юдо^твор^ца, м^ца и пр., также в окончаниях возвратных глаголов: став^ит^ца, и^тари ве^де^тц^а, п^итаю^тц^а и мн. др.; только одно написание с *я*: два^тц^ят^ь, стар^цу, воло^диме^тц^у, бело^зе^тц^у, пом^ори^цу, в бол^ни^цу и пр.; единственное исключение – ино^зе^тц^ю; с м^ени^цы, ко^тц^ы, стар^цы, О^тц^ыфо^тка, Ма^тфи^цы, Ма^ти^цы, пи^ени^цы, зу^би^цы мор^жевые, <пустошь> Спи^цыно, Ры^бни^цы ре^ки, тро^иц^ы, п^ят^иц^ы и мн. др.; о менее частотных написаниях с *и* см. ниже.

Таким образом, писцы, носители белозерского цоканья, не только правильно употребляли буквы *ц* и *ч*, но и последовательно использовали после буквы *ч* преимущественно *и*, *я*, *ю*, а после буквы *ц* – в основном *ы*, *а*, *у*. Искусственность такого распределения для белозерской зоны не вызывает сомнения, поскольку буквы *ч* и *ц* передавали один звук – [ц']. Вероятно, употребление одних букв гласного после *ч*, а других после *ц* является частью нормы, сформировавшейся в русской письменности к XVII в. Источником таких написаний, по всей видимости, надо искать в приказном языке центра, т. е. в московских деловых документах XVI–XVII вв. Действительно, в Уложении 1649 г. после *ц* пишется только *ы* и никогда *и*, что закономерно отражает отвердение аффрикаты <ц> в московском говоре [5, 229]. В других памятниках московской деловой письменности XVII в. написания букв *и*, *я*, *ю* после *ц* практически не встречаются, а после *ч*, напротив, вместо *а* и *у* могут писаться *я* и *ю*, что указывает на мягкость <ч>; *ы* после *ч* не используется никогда [3, 183]. Именно такая норма утвердилась и в южнорусских, и в севернорусских деловых текстах XVII в., несмотря на то, что она могла существенно расхожиться с живым диалектным произношением.

Строго говоря, наличие такой нормы делает невозможной интерпретацию написаний с *цы* в деловой письменности XVII в. как отражения твердости <ц>, и белозерские тексты еще раз это доказывают. Кроме того, по той же причине, вероятно, нельзя рассматривать примеры с *чя* и *чю* как свидетельство мягкости <ч> (тем более, что этого [ч] в говоре могло и не быть). Таким образом, своеобразие нормы, сложившейся в деловой письменности к XVII в. применительно к употреблению букв аффрикат, состоит в равной непоказа-

тельности традиционных написаний с *и*, *у*, *а* и «новых», но уже нормативных с *ы* после *ц* и *я* и *ю* после *ч*, поскольку каждый из этих вариантов мог быть мотивирован нефонетически. На этом фоне безошибочно показательными для определения качества аффрикат следует признать случаи с *ы* после *ч* (которые встречаются в западнорусских текстах того же периода и указывают на твердость <ч>). Также заслуживают внимания единичные написания с *я* и *ю* после *ц* (ср. примеры из белозерских текстов – *дваццѣ* и *инозецѣ*, которые можно расценивать как указание на мягкость <ц>). Особенно ценно, если буквы *я* или *ю* употреблены после парного но твердости / мягкости согласного, обозначающего долгую аффрикату: так, в белозерских текстах обнаружены написания числительных на –*дцѣть, однозначно указывающие на мягкость [ц’]: *двенацѣть* (4х) и *пятнацѣть*. Подобные случаи отмечены в новгородских берестяных грамотах (ср. *во осминацѣте* № 750); вероятно, за написанием *цѣ* стоит удвоенная [ц’ц’] [2, 447]. К сожалению, такие примеры встречаются в рукописях чрезвычайно редко.

Наконец, есть еще один класс написаний, имеющий прямое отношение к вопросу об аффрикатах. Речь идет об отражении в текстах результатов изменения в группе <чн>. Известно, что первый согласный в этой группе во многих говорах имеет тенденцию к утрате смычки. Закономерным

для цокающего говора является изменение [ц’н] → [сн]; написания с *сн* на месте *чн, таким образом, следует расценивать как свидетельства диалектного цоканья. Такие случаи отмечены в севернорусских текстах, в том числе и в белозерских (ср. *горшесника*). Что же касается примеров с *шн*, т. е. написаний, передающих изменение [чн] > [шн] (развитие которого фонетическим путем в цокающем говоре невозможно), то их рассматривать как указание на различие аффрикат нельзя, поскольку огромному числу и современных цокающих говоров известно последовательное употребление [ш] в этом сочетании (вероятно, привнесенное из нецокающих говоров или литературного языка).

Литература

1. Бувальцева М. Н. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
3. Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
4. Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
5. Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
6. Шевырев С. П. Поездка в Кирило-Белозерский монастырь. Ваканционные дни проф. С. Шевырева в 1847 г. М., 1850.

Механизмы генетической организации системы русского литературного языка

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

История русского литературного языка

Summary. The paper gives main study results of the genetic language organization mechanisms. The latter makes it possible to explain the diversity in preslavonic reflexes groups, the peculiarities of their joining and interaction in the system of Russian and church and Slavonic literary languages.

Проблема соотношения, функционирования и взаимодействия в истории русского языка восточнославянских и южнославянских по происхождению соотносительных рефлексов праславянского языка по-прежнему остается одной из актуальных. Как диагностирующие признаки церковнославянской (старославянской) и исконной языковых систем данные элементы – неперенный атрибут изучения становления и развития русского литературного языка, специфики его генетической основы, характеристики языковой ситуации древней Руси, описания памятников письменности. Обширная научная литература, в той или иной степени затрагивающая сосуществование и закрепление генетически неоднородных рефлексов, и использование фактов их сложной судьбы для построения – нередко диаметрально противоположных – концепций происхождения русского литературного языка показывают не только важность исследований, но и необходимость корректировки их генетического взаимодействия на разных исторических этапах и учета всех аспектов одной из сложных и дискуссионных проблем русистики.

Комплексный подход к выяснению причин использования одного из имевшихся в арсенале древнерусского языка гетерогенных средств, а в дальнейшем и жесткой его фиксации в определенной словоформе в процессе многовекового совместного функционирования позволил выявить значительные различия в судьбе исследуемых групп рефлексов праславянских сочетаний и определить механизмы их вхождения в систему русского литературного языка.

Наибольшие расхождения в функционировании наблюдаются между группами, представляющими полногласные / неполногласные сочетания и рефлексы *tj, *dj. Независимость реализации полногласных / неполногласных сочетаний от морфонологической позиции, а следовательно, возможность свободной гетерогенной огласовки однокоренных образований обеспечивали наличие высокой морфонологической дублетности, а затем ее семантическую и стилистическую дифференциацию. Южнославянским по происхождению рефлексам *tj, *dj необходимо было пройти этап фонетической адаптации как в восточнославянском, так и в церковнославянском (русской редакции) языках. Фонетический фактор на начальном этапе столкновения генетически неоднородных рефлексов определил различия в их судьбе. Быстрой фонетической ассимиляции рефлекса *tj способ-

ствовали рефлексы *skj, *stj, активно употребляющиеся в памятниках письменности действительные причастия настоящего времени в южнославянском оформлении и наличие лигатуры *цѣ*, во многом определившие «отсутствие параллелизма между *šč* и *žd*» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ). В результате гетерогенные рефлексы *tj в восточнославянском литературном языке вошли в состав генетически неоднородных типов чередования, статус которых способствовал невозможности замены одного по происхождению альтернанта другим, вследствие их закрепленности по всем звеньям формо- и словообразовательной цепочки. Низкая степень фонетической освоенности южнославянского рефлекса *dj определила его фиксацию в виде [жг], [жч], а в большинстве случаев замене исконным рефлексом в памятниках древнерусского и церковнославянского языков. Выбор гетерогенных альтернантов смешанного типа чередования обусловливался целым рядом причин, носящих избирательный, а не запретительный характер, в результате чего возникли морфонологические корреляты. Существующее наряду со смешанным исконное чередование характеризовалось генетической чистотой во всех звеньях морфонологической парадигмы и реализовалось в открытом списке корней, что способствовало его дальнейшей продуктивности.

На смену фонетическому этапу адаптации и взаимодействия генетически неоднородных рефлексов *tj и особенно *dj приходит морфонологический. Первоначальная предпочтительность в памятниках древнерусского и церковнославянского языков рефлексов южнославянского происхождения перед суффиксом существительных *-ени[j]* и их восточнославянских эквивалентов перед окончанием *-у* 1 лица ед. ч. настоящего (простого будущего) времени с активизацией исконного суффикса *-ива-* приводит к формо- и словообразовательной дифференциации слов с генетически неоднородными рефлексимами. В отличие от генетически неоднородных типов чередования с рефлексимами *tj, развивающихся в результате усиления позиций восточнославянского альтернанта и распада в соответствии с новыми критериями немногочисленных коррелятов, смешанный тип чередования с рефлексимами *dj приводит к конкуренции вариантов на *-ждать / -жать / живать* и *-ждение / -жение / -живание*. Расширение словообразовательных возможностей восточнославянских типов чередования способствовало их высокой продуктивности и ограничению потенциалов южносла-

вянских по происхождению рефлексов в системе русского литературного языка.

На третьем этапе, когда в процесс альтернации включаются не только звуки, морфемы и их сочетания, происходит «смысловая альтернация целых слов» (И. А. Бодуэн де Куртенэ). Как уже указывалось, семантическая и стилистическая дифференциация в основном охватывает слова с полногласием / неполногласием, в которых практически не было фонетических запретов и позиционной избирательности определенных по происхождению рефлексов. К этой группе примыкает подгруппа «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова), где отбор и закрепление слов в определенной огласовке регулируется практически теми же критериями, что и *torot-* и *trat-* лексем.

Распад морфонологических вариантов с генетически неоднородными рефлексами *dj смешанного типа чередования происходил в связи с морфонологической специализацией словообразовательных моделей. Семантическая и стилистическая дифференциация некоторых коррелятов была представлена единичными случаями, что дает основание относить их к «эфемеризмам» – намечавшимся, но не закрепившимся в русском языке тенденциям. Качественно новым этапом функционирования гетерогенных рефлексов *dj становится вт. пол. XVII в., когда в результате распространения

новых печатных богослужебных книг, отредактированных в соответствии с требованиями «славянского языка еллиногреческого» направления, закрепился в качестве литературной нормы южнославянский по происхождению рефлекс в образованиях от корней, реализующих в предшествующий период смешанный тип чередования. Однако установившийся в XVIII в. параллелизм генетически неоднородных чередований с рефлексами *dj и *tj нарушается в южнославянской по происхождению альтернации в звене I лица ед. ч. настоящего (простого будущего) времени. Несмотря на попытки искусственной нормализации форм на -жду в грамматиках XVIII–XX вв. генетическая чистота типа не установилась вследствие особого положения данной формы в системе литературного языка и традиционности ее восточнославянского оформления.

Особенность русского языка «претворять в свою собственность все, что ни входит в него извне» (Ф. И. Буслаев), приводит к гетерогенности его системы, при этом образований с исконными элементами не только количественно больше, чем их генетических соответствий, но они обладают более высоким словообразовательным, семантическим и стилистическим потенциалом, в результате чего южнославянские по происхождению рефлексы, обогатив возможности литературного языка, находятся на периферии его системы.

Назализация и деназализация: причины, пути, следствия

Д. Д. Беляев

Тулский государственный педагогический университет

Праславянский язык, восточнославянские языки, назализация, деназализация, механизм

Summary. The author analyses the mechanism of nasalization of vowels in Common Slavic and denasalization in Old Russian. The mutual influence of the phonological, morphological, lexical and derivational systems is at center of attention.

Одним из проявлений оптимизации исхода праславянского слога было образование назализованных гласных: $Vn \times Vm \rightarrow V^N$. В конечной части слова узкие непередние гласные противодействовали процессу, что порождало материал для морфонологической эволюции и формирования древнейшей изоглоссы «Юг (1) – Север (2)».

1. Группа «мягких» падежных форм (нейтральные слоги): акк. мн. *nožę, *ję (1) – -ě (2); ном.-акк. мн. *nošę, *ję (1) – -ě (2); ген. ед. *nošę, *ję (1) – -ě (2).

Исходное противоречие – совпадение ном. и акк. мн. в твердом подтипе *ā-склонения (*nāgŭ) + различие в мягком (*nāšę ≠ *nāše^N). Оно разрешалось путем конвергенции чередований «твердых» и «мягких» флексий. Два равновероятных исхода процесса и дифференцировали ареалы: ном. ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩ × акк. ⟨ŷ⟩ || ⟨e^N⟩ → ⟨ŷ⟩ || ⟨e^N⟩ (1) + ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩ (2). В ареале (2) притяжение плюралных парадигм преобразовало также форму акк. мн. *ō-типа: ⟨ŷ⟩ || ⟨e^N⟩ (*ō-тип) × ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩ (*ā-тип) → ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩.

В парадигме ед. ч. *ā-типа противоречие носило обратный характер: различие номинатива и генитива в твердом подтипе (*nāgā ≠ *nāgŷ) + совпадение в мягком (*nāšę). В ареале (2) они дивергировали за счет притяжения «мягкой» флексии номинатива к «твердой» и переноса той же активной морфемы из парадигмы мн. ч. в генитив: ном. ед. ⟨ā⟩ || ⟨ē⟩ + ген. ед. ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩ × ном.-акк. мн. ⟨ŷ⟩ || ⟨e^N⟩ → ⟨ā⟩ || ⟨ā⟩ : ⟨ŷ⟩ || ⟨e^N⟩.

В ареале (2), где ген. ед. и ном.-акк. мн. уже совпадали, развивался только первый процесс: ном. ед. ⟨ā⟩ || ⟨ē⟩ + ген. ед. ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩ → ном. ед. ⟨ā⟩ || ⟨ā⟩ : ген. ед. ⟨ŷ⟩ || ⟨ē⟩.

2. Ном. м.-ср. р. действ. прич. наст. вр. от глаголов I класса: *nes-y (1) – *nes-a (2). Дифференциация началась еще ранее, в ходе сужения конечных закрытых слогов: *nēsŷnts (1) + *nēsānts (2). Аномальное отсутствие назализации в (2) – результат столкновения с омонимичной формой I ед. презенса в предикативном поле: глаг. -aN : прич. -aNts → -a^N : -ā → -o : -a, *nes-o : *nes-a. В 3 и 4 классах такого столкновения не было, т. к. морфонологическое притяжение отождествило «мягкую» флексию I ед. с «твердой»: ⟨e^N⟩ × ⟨a^N⟩ → ⟨a^N⟩ → ⟨o⟩, *znajō, *nošō (= *nesō) : *znaj-ę, *nos-ę.

Притяжение охватило также: 1) акк. ед. мягкого подтипа *ā-склонения и местоимений ж. р., *nāša^N, *ja^N (= *nāga^N, *ta^N); 2) 3 мн. презенса и причастные формы (кроме начальной) в 3 классе, *znāja^Ntī (= *nēsā^Ntī), *znāj-a^Nt (= *nēs-

a^Nt⁻). В 4 классе (слоги не нейтральные, а дизные) перегиб была невозможна: *nāše^Ntī, *nās-e^Nt⁻.

Механизм дальнейшей интеграции назализованных гласных мог быть двояким: 1) $V^N \rightarrow V$ (доминирование ротового резонатора, носовые гласные); 2) $V^N \rightarrow N$ (доминирование носового резонатора, слоговые сонанты). Но только второй путь может объяснить характер освоения заимствований с сочетаниями VN (лат. *calendā* → ст.-слав. *колѣда*; герм. *kylfingr*, *æmbete* → др.-рус. *къльвягъ*, *ябеда* и др.), а также диалектные различия последующих преобразований. Ср. аналогичный процесс $VL \rightarrow L$.

Разложение подсистемы слоговых сонантов в контексте кризиса вокализма, вызванного монофтонгизацией дифтонгов, также допускало два альтернативных механизма: 1) **конвергентный** $N \rightarrow V$; 2) **дивергентный** $N \rightarrow VN$. Приоритетным был первый путь. Второй реализовался в специфическом пространстве экспрессивной лексики: укр. *brękati* / -čati, *brękati / -čati → рус. *бренчать*, *брунчать*; укр. *бреньчати*, *бриньчати*, *брунчати*; блр. *брынкаць*; *go dęti → рус. *гуindetъ*.

При выборе направления вокализации сонанты прежде всего взаимодействовали с гласными фонемами, парадигматически нестабильными: ⟨u⟩, заполнявшей системную лакуну в переднем ряду; ⟨ā⟩ (ē₁) / ⟨ē⟩ (ē₂), конвергировавшими в переднем ряду. Смещение $N / \langle u \rangle$, $N / \langle ē \rangle$ усиливали факторы синтагматические (соседство с N) и экстрафонологические (лексическое, грамматическое притяжение / отталкивание). Например: постпозиция сонанта + паронимия корней, $dN-n$ - $du-$ → ст.-слав. *доуңжти*, *доуңовеник* (ср. пол. *dać – duńać*); препозиция сонанта + обобщение носовых финалей в чередовании «инфинитив || презенс», $-nu$ -|| $-n$ → $-nN$ -|| $-n$, *minŷ-ti – *min-ŷ.

Следы восточнославянского смещения могут быть обнаружены в переднем ряду. Препозиция сонанта + паронимия: *męzdra «подкожная пленка» → рус. диал. *мядра – мездра* + *męzga «растительный сок» → др.-рус. *мѣзга – мязга*, рус. диал., укр. *меза – мязга*. Постпозиция сонанта, sporadicheski: *dęn-n → рус. диал. *дяницы*, *дянки* «варежки»; *dręmъ → рус. диал. *дрѣм – дрям* «хворост, бурелом»; *grępъjъ → укр. *грений – гряний* «зеленый». Но особенно заметны взаимодействия, связанные с суффиксацией.

1. Прилагательные с производящей *n-основой: *kamy → ст.-слав. *камѣнъ* – др.-рус. *каманъ*, укр. *кам'яний*; *polmy →

ст.-слав. *плагмѣнѣ* – др.-рус. *плагманѣ*, ст.-рус. *поломянный*, укр. *полум'яний*, блр. *палымяны*. Из двух этимологий данных форм: суффиксальная деривация (*kāmēn-pŭ) или безаффиксная адъективация посредством удлинения гласной фонемы (*kāmēn-ŭ) – более вероятна вторая.

Развитие грамматической оппозиции «субстантив : адъектив» усиливало формальное отталкивание между ними. Основное средство дивергенции в старославянском – суффиксальные дериваты типа *камен-ьн-ъ*. В восточнославянском: 1) обобщение в адъективной основе ринезма (прежде всего между носовыми, сущ. *men-* : прил. *mě / ŋn-* → *men- : mŋn-*); 2) переразложение основ (*kam-* / *kamen-* : *kamŋn-* → *kaŋ-ŋn-*). Новый словообразовательный тип «признак по материалу» переформировал лексемы типа: *derǵēpъ → др.-рус. *дереваѣнѣ*, рус. *деревянный*, укр. *дерев'яний*, блр. *дзераваѣны* и т. д. Рус. *камен-ный*, *пламен-ный*, укр. *камен-ний*, блр. *камен-ны* вторичны.

2. Адвербиальные корни: ст.-слав. *прѣѣмо* «напротив», *прѣѣмь* «правильно», *прѣѣмень* «противоположный» – др.-

рус. *прѣмо* / *-ъ* / *-ты*, *прѣамь*, *прѣамнѣн*; ц.-слав. *голѣмо* «много», *голѣмъ*, *голѣмнѣн* – рус. диал. *голямо*, *голямый*, *голяма*. Варьирование усиливали постпозиция сонанта + вторично конкуренция наречных моделей *t-amo – *s-ēmo – *j-amo, в восточнославянском ареале завершившаяся совпадением (*там* и *сѣм*).

Сама вокализация шла альтернативными путями, определявшими также судьбу ⟨ѣ⟩.

1) **Конвергентный** путь, формирование относительно стабильных оппозиций с ИП подъема и ДП ряда: (1) $\dot{N} : \dot{N} \rightarrow \langle \dot{a} : \dot{ä} \rangle$, откуда $\langle \dot{a} / \dot{e} \rangle \rightarrow \langle \dot{ä} \rangle$ (включение ⟨ѣ⟩ в блок оппозиций нижнего подъема, лехитский, болгаро-македонский ареалы). (2) $\dot{N} : \dot{N} \rightarrow \langle \dot{o} : \dot{e} \rangle$, откуда сохранение колебаний ⟨ä / ê⟩ (словенский ареал).

2) **Дивергентный** путь, максимальная дифференциация по ряду и подъему, завершившаяся утратой ринезма: $\dot{N} : \dot{N} \rightarrow \langle \dot{u} : \dot{ä} \rangle \rightarrow \langle \dot{u} : \dot{ä} \rangle$, откуда $\langle \dot{a} / \dot{e} \rangle \rightarrow \langle \dot{e} \rangle$ (вытеснение ⟨ѣ⟩ из нижнего подъема, большая часть Славии, в т. ч. восточнославянский ареал).

Имена на *-тель* в Лексиконе славяно-латинском Е. Славинецкого

А. И. Бовсуновская

Казанский государственный университет

Соотнесенность, композиты, семантика, латинские соответствия

Summary. The paper is a part of the description of Slavic-latin lexicon by E. Slavinetzky. The names with the suffix «-tel-» is the object of linguistic (word-building) analysis in this work.

Лексиконы, создававшиеся украинскими книжниками в середине семнадцатого века, имели важное значение для формирования и нормализации русского литературного языка XVII века. В них нашли отражение проходившие в то время словообразовательные процессы, в частности, постепенное вытеснение одних суффиксов другими, получившее завершение к XVIII в. Особую роль в этом плане играют дву- и многоязычные лексиконы (Ф. Поликарпова, Е. Славинецкого, А. Корецкий-Сатановского, П. Берынды и др.), в которых посредством сопоставления русского и других, не близкородственных, языков исследователь обнаруживает закономерности развития языковой системы, неявные при анализе только русских лексиконов.

Объектом нашего внимания является «Лексикон Славяно-латинский» (в дальнейшем – Лексикон), созданный в середине XVII в. в Москве киевскими книжниками Е. Славинецким и А. Корецким-Сатановским.

Лексикон представляет собой расположенный в алфавитном порядке реестр древнерусских слов, каждому из которых дано одно или несколько латинских соответствий. Помимо алфавитного порядка слова в русской части лексикона расположены по словообразовательным гнездам (при наличии производности), что позволяет определить соотнесенность лексем в период создания словаря. Этой же цели служат и латинские соответствия в случаях, когда сложно установить направление мотивированности.

Наиболее продуктивным словообразовательным типом среди имен со значением лица в рассматриваемом словаре является тип с суффиксом *-тель*. Анализ особенностей функционирования данного типа, нашедших отражение в лексиконе, и является целью данной статьи.

Из 176 имен с суффиксом *-тель* в Лексиконе встретилось лишь одно образование, имеющее значение качества, свойства: *добродѣтель*. В то же время в словаре присутствует и фонетически идентичное образование со значением действующего лица. Дифференцировать значение позволяют латинские соответствия: 1) *Virtus. Probitas*; 2) *Benefactor. Maecenas. Beneficus*. Два соответствия к первому имени имеют семантику свойства, качества («Добродетель, нравственное совершенство, порядочность, благородство», «Честность, порядочность, скромность»); ко второму – значение действующего лица («Благо делающий», «Меценат», «Благотворитель, творящий добро, любезный»).

С точки зрения структуры в исследуемом нами словаре можно выделить две группы имен на *-тель*: простые производные имена (с одной производной основой) и сложные (с двумя производными основами).

Среди латинских соответствий *одноосновным* именам на *-тель* подавляющее большинство составляют существи-

тельные мужского рода на *-or*. Согласно латинской грамматике, имена с этим суффиксом выражают значение «лицо по действию». В рамках данного типа можно выделить три подгруппы славянских соответствий:

- имеющих одно латинское соответствие на *-or (r)*;
- имеющих два и более соответствия, в числе которых имена на *-or (r)*;
- имеющих латинское соответствие на *-or (r)* в составе словосочетания.

Имена первой группы составляют примерно 20% всех имен на *-тель* (33 из 176), (*Блюститель. Conservator. Велитель. Imperator. Взбранитель. Prohibitor* и др.)

Вторая группа составляет основную часть всех имен на *-тель* в Лексиконе (100) (*Родитель. Parens. Procreator. Genitor. Свободитель. Liberator. Assertor. Vindex. Сумнитель. Dubitator. Opinator. Dubius*).

Третья группа включает 15 имен, причем некоторые из них входят и во вторую группу, поскольку имеют в числе соответствий имена на *-or (r)* как отдельно, так и в составе словосочетания (*отвѣщатель. Responsor. Dator responsi*).

Обратимся к представленным в Лексиконе композитам. Имен подобного типа в словаре 27. Если обратиться к структуре их, то можно выделить имена, образованные от существительного и глагола и имеющие значение: «лицо по действию, направленному на то (связанному с тем), что названо в первой части производящей основы», как то: *күроркормитель, копѣделатель, кожерѣзатель, оумопредститель* и единственный пример композита, образованного от прилагательного и глагола и имеющего значение: «лицо по действию, производимому так, как указано в производящей основе (*красногѣтель*)».

Как среди одноосновных имен, так и среди композитов можно выделить имена на *-тель*, не имеющие соответствий на *or (r)*, причем среди последних их больше (*Домостроитель. Oeopotus. Кореннопродатель. Atomatopola*). Это можно объяснить тем, что большинство композитов представляют собой кальки, не имеющие исконных соответствий в латинском языке.

С точки зрения современного состояния системы русского языка можно отметить, что наблюдается тенденция распада прежних композитов и либо замены их на специальные заимствованные термины, либо деэтимологизации (*благотель, добродетель*).

На основании проведенного анализа Лексикона середины XVII в. можно отметить следующие закономерности в системе имен на *-тель* исследуемого периода:

1) данный словообразовательный тип является наиболее продуктивным в системе наименований лица по действию;

2) все представленные имена мотивированы глаголами несовершенного вида, что говорит о наличии в значении имен на *-тель* семы продолжающегося (постоянного) действия, процессуальности и некоей способности, свойства, характеристики обозначаемого лица (**вѣдатель**);

3) для композитов особенно характерен семантический оттенок «функции, выполняемой неким лицом, профессии, рода деятельности» (**кѹрокормитель, бракотворитель, виночерпатель, гробокопатель**).

Данные Лексикона иллюстрируют активное функционирование типа имен на *-тель* в языке XVII века, однако надо

учитывать отбор материала и авторское своеобразие источника, поскольку несомненно, что основной реестр словаря почерпнут автором – монахом-книжником – из текстов, принадлежащих высокому книжному стилю. Можно, следовательно, делать вывод об активном функционировании имен на *-тель* в текстах богослужебного характера, памятниках высокого стиля в значении «лица, производящего действие».

В современном русском языке в сфере имен с суффиксом *-тель* превалирует значение «предмета по действию», в то время как прежнее значение «лица по действию» закрепилось в сфере архаизмов и, в целом, высокого стиля.

Из истории функционирования адъективов в деловой письменности (на материале южноуральских и зауральских деловых документов конца XVIII в.)

О. В. Боярская

Челябинский государственный педагогический университет

Семантические особенности имен прилагательных, деловая письменность конца XVIII в.

Summary. The adjective is significant component in business written language of the South Urals and Transurals of the end XVIII century. The quantity and nature of theirs use are showed this.

Имена прилагательные – один из важнейших компонентов в структуре южноуральских и зауральских деловых документов конца XVIII века. Особенности их употребления обусловлены жанрово-тематической спецификой, а также трафаретом документов, формировавшимся в ходе стандартизации деловой письменности данного периода. В проанализированном материале (в 404 скорописных текстах из исторических фондов архивов Челябинска, Кургана, Тобольска 1,5 тыс. адъективных единиц в 9 тыс. употреблений) определяются следующие тенденции функционирования адъективов:

- многоплановость семантики, полифункциональность (обозначение вида по различным основаниям: *эльзасское белое и красное вино, мраморная фабрика, полосное ординарное железо*; по адресации: *в курганское дховное правление / Мостовскаго села Знаменской церкви / от сиденой церковнослужителей / Репортъ*; происхождения: *салдатской снѣ, слѣжистельскіе дѣти*; идентификации: *Опись конюшенного двора разной / конской сбруи <...> / а имянно / хамутовъ каретныхъ наборныхъ / <...> / узда гусарская / муштукъ уздечной ...*);
- зависимость использования имен прилагательных каки-либо семантических групп в блоке основного содержания от жанрово-коммуникативного плана текста и фиксированность употребления в стандартизованных конструкциях прилагательных с семантикой социального признака и оттопонимических адъективов: *Указъ Ея императорскаго величества / самодержица всероссійская ис таболскаго г8 / бернскаго правления таболскомъ сиротскому суд8*;
- зависимость распространенности адъективов определенных семантических групп от общественной сферы функционирования документов: в промышленной делопроизводственной документации – обилие прилагательных с семантикой материального признака в функциональном значении (вида продукта: *ровное, листовое железо*, сырья: *чистая руда*; способа изготовления: *проварное железо*); в административной документации преобладание адъективных лексем социального признака при наличии их во всех текстах (*Въ третій день всѣ ремѣленное общество собравшись / наки во вешесказанной домъ производъ выборъ ремеслиннаго головы цѣховыхъ управныхъ старшинъ и товарищей а городское въ протчїя общественныхъ службы / и должности и по избранїи оныхъ чрезъ градскаго го / лову представляетъ гражданскому губернатору съ донесенїемъ что всѣ выборы окончили*);

- зависимость распространенности оттопонимических прилагательных от региональной отнесенности документов: в документах какого-либо региона преобладают прилагательные, образованные от названий населенных пунктов, географических объектов, находящихся на его территории или расположенных поблизости, непосредственно связанных с региональным делопроизводством (*вагайский, екатеринбургский, курганский, кыштымский, мостовский, оренбургский, сибирский, тобольский, троицкий, уфимский, челябинский, ялutorовский*);
- субстантивация адъективов со значением социального или экономического признаков в наименованиях лиц по социальному статусу, должности: *вотчинные, выборный, городской, мастеровые, рядовой, прибылые*; в наименованиях денег по видам налогов: *подушные, накладные, оброчные*;
- активное употребление в устойчивых сочетаниях (в наименованиях административных: *духовная консистория, градская дума, губернская канцелярия, монастырское правление, нижний земский судъ, уездное казначейство*; этикетных: *великий князь, милостивый государь, мы нижайшая, покорное доношение, светлѣйшая принцесса, с наизглубочайшимъ почитанїемъ*; терминологических: *доменные выходъ, привесное железо, сартавое железо*; экономических: *валовой перечень, дѣ(е)сятинные де(ѣ)нги, наличные де(ѣ)нги, покупная земля, продажные цѣны*);
- нераспространенность кратких форм и степеней сравнения (превалирование форм простой превосходной степени: *величайший, всемилостивѣйший, высокопреподобенѣйший, малѣйший, покорнѣйший, скорѣйший*; использование в этикетных формулах: *высочайшее ея императорское величество*);
- наличие сложных прилагательных (наиболее распространены единицы с корневыми морфемами **благо-**, **все-**, **высоко-**: *благоверный, благоволительный, благодарственный, благородный, благоразсмотрительный, высокоблагородный, высокославный, высокоторжественный, высокомонарший, высокообрученный, высокографский, высокородный, вселюбезный, всенародный, всеподданнический, всекраиний*);
- превалирование относительных адъективов над качественными, единичное употребление притяжательных.

Объем и характер употребления имен прилагательных в южноуральских и зауральских деловых документах конца XVIII в. указывают на их значимость в текстообразовании делового письма данного периода.

Типология и лексикографическая маркированность тюркизмов в памятниках русской письменности XI–XVII вв.

М. А. Бурибаева

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан)

Вариативность, тюркизмы, памятники русской письменности, языковые контакты

Summary. This report studies the lexical variability of Turkisms in the ancient manuscripts of the Russian written language in the XI–XVII centuries.

1. При изучении явления вариативности в памятниках письменности возникает закономерный вопрос, касающийся

лексикографической маркированности вариантов слов и способа их подачи в словарном контексте. Невозможно ис-

кусственно избавиться от вариативности и отразить в словарях лишь один из способов выражения определенного понятия (содержания), обходя другой.

Перед лексикографами, работающими над Словарем русского языка XI–XVII вв., возникают вопросы, связанные со способами подачи слов в словаре и выборе заголовочной формы слова словарной статьи при множестве вариантов написаний заимствованных слов в текстах XI–XVII вв. Приведем несколько примеров лексических вариантов тюркизмов, обнаруженных в ходе анализа выпусков Словаря: *абабь-обабь*, *абаса-обаса*; *абызь-абаз-обызь-абыс-афызь-афазь*; *ага-ога*; *азямь-озямь*; *алачуга-олачюга-лачюга*; *алафа-олафа*; *алмазь-олмазь*; *алтабась-олтабась*; *аманать-оманать*; *атлась-отлась*; *аргамакь-оргамакь-аргумакь*; *рундук-орондук-урундук* и т. д. Появление многих вариантов с чередованием *а / о* в первом безударном слоге вероятно связано с аканьем в среднерусских и южнорусских говорах.

В результате фонетических субституций тюркизмы в русском языке приобретают различные формы, которые отражаются в памятниках русской письменности. Так, например, вследствие контаминации появляются варианты – *улусь-влусь* и др., диссимилиации – *жемчугь-женчугь-женчюгь-жумчугь-жемчюгь-ямчугь*; *байрамь-баграмь*; *бурметь-барметь*; *балабань-болобань*; *байракь-бойракь-буеракь-буяракь*; *ешань-емшань*; *изюм-изум*; *конак-канакь*; *сакма-сокма* и т. д., метатезы – *муксунь-мускунь*, гиперкоррекции – *буравь-буровь-буравень-буравль-буровль*; *крагуь-крагуиль-крагуе*; немотивированных замен – *бекь-бегь-бекечь-бекеиш*; *ичетыги-ичеготы-ичедоги-ичетоги-ичитыги*; *кумгань-кулгань-кунгань-кунгал-кубань-купбан-кугань-кургань-кубань*; *сандаль-саудал-сандалия* и др.

Несмотря на то, что главным предметом внимания в исследовании являются собственно тюркизмы, в поле рассмотрения попадает ряд словообразовательных моделей, отражающих взаимодействие контактирующих систем двух языков – языка-источника и языка-реципиента. Так, наблюдается вариативность производных слов, возникшая вследствие метатезы, например, *аргамачный-аграмачный*, диссимилиации – *жемчужный-жемчюжный-женчюжный*, паллatalизации – *кинжалище-чинжалище-чинжалище-чинжанище* и т. д.

2. Иллюстративный материал, представленный в словарных статьях заглавными словами, которыми являются тюркизмы в Словаре русского языка XI–XVII вв., можно разделить на два типа: а) к первому относятся контексты, в которых содержатся пояснения анализируемого слова и подобраны русские соответствия, ко второму – контексты, в которых представлен сам факт наличия анализируемого слова в каком-либо памятнике. Например: *Изюмь*. 1. Виноград. *Лозия же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголемы по татарски изюмы, а по писанию гроздие* (М. Гр. неизд. III, 96. XVI в.). 2. Изюм. *Куплено... пуд изюму* (Кн. Ивер. м. I, 50 об. 1666 г.).

Этимологические гнезда и лексико-семантические поля

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
varbot@zebra.ru

Основными системообразующими факторами в лексике являются этимологические гнезда и семантические поля. Этимологические (исторически первично словообразовательные) гнезда создаются последовательными словообразовательными актами, «отвечающими» на ментальные запросы этноса по языковому выражению формирующихся представлений, понятий. Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономастическими предпочтениями, отражающимися в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны – ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ. Потребность в реализации определенного набора мотивационных моделей, организующих одно лексико-семантическое поле, ведет к повторным обращениям к материалу одних и тех же гнезд и к использованию производящих возможностей других гнезд, так что каждое лексико-семантическое поле оказывается исторически стимулом для разрастания целого набора словообразовательных гнезд, а слово-

Тюркизм *киндякъ*, имеющий варианты *кондикъ*, *кандакъ* (*каньдакъ*), *киндядь*, *киндяки* в следующем фрагменте из «Хождения за три моря Афанасия Никитина» отражается с пометой: *Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да нестреди, да киндяки [по вар.] да чинят краску нил* (Х. Афан. Никит., 42. XVI в. ~ 1472 г.). Такая помета в Словаре возникла из-за существования слова *киндякъ* в различных списках «Хождения...» в нескольких вариантах.

Приведем другие примеры с пометой [вар.] в Словаре русского языка XI–XVII вв.:

Князи и уланы, и мурзы [вар.: мурзы, мурзы] и ички (Кн. Степ., 641. XVI–XVII в. ~ 1560 гг.); *А на подоль идучи во градъ Иерусалимъ была церковь греческая, а нынѣ Срацинскый мизгитъ [вар. мизгитъ]* (Ник. Лет. XI, 107).

Пометы [вар.], [по вар.] свидетельствуют о наличии у лексем варианты в других списках данного памятника или же вообще в памятниках различных жанров указанного периода.

Таким образом, вариативность тюркизмов широко представлена в Словаре русского языка XI–XVII вв., в котором составители применяют различные способы лексикографической маркированности лексических вариантов: а) в качестве заголовочного слова словарной статьи помещается наиболее закрепившийся (употребительный) в языке вариант, тогда как в скобках может быть приведено несколько вариантов написания; б) в словарную статью помещается один из «нормализованных» вариантов слова, а остальные варианты имеют отсылочные пометы как «то же, что...»; «см...»; «ср...»; в) в самом контексте словарной статьи употребляются пометы [вар.] или [по вар.], которые означают, что слово варьируется в различных списках памятника.

3. Следующей проблемой при исследовании вариантов тюркизмов оказалась их классификация, при разработке которой мы опираемся на лингвистические работы, посвященные изучению лексических вариантов в памятниках русской письменности различных жанров.

Мы разделяем лексические варианты тюркизмов на два типа: фонематические и собственно-лексические. Характерной особенностью последнего типа вариантов является то, что слова, свободно варьируемые в различных памятниках письменности, со временем могут вступать друг с другом в синонимические отношения. В памятниках письменности данный тип вариантов по сравнению с фонематическим встречается реже. Из этого следует, что ведущим типом лексических вариантов тюркизмов является фонематический.

В докладе на примере интересных иллюстративных материалов из памятников русской письменности будут представлены различные варианты тюркизмов, существовавшие в истории русского языка, а также их отражение в Словаре русского языка XI–XVII вв. и классификация.

образовательные – базой для реализации потребностей в формировании лексики поля, отражающего представления этноса о некотором явлении, понятии, фрагменте мира.

Фонетические, морфологические, морфонологические, семантические и др. изменения и преобразования в истории языка определяют забвение мотивационных связей между некоторыми звеньями словообразовательных цепей, превращая набор их в собственно этимологическое гнездо. Одновременно фонетические, словообразовательные, морфонологические, семантические характеристики способствуют сближению и взаимовлиянию лексики различных гнезд. Это взаимовлияние в процессе этимологической реинтерпретации (народной этимологии) иногда имеет следствием внесение в этимологическое гнездо изначально чуждой ему семантики, соответственно, возникновение исторически ложной мотивационной связи. Последняя может далее стать новой мотивационной моделью в семантическом поле, к которому принадлежит данное слово, и послужить базой для

дальнейшего пополнения поля, так что мотивационное (и лексическое) развитие поля оказывается продуцируемым не собственно представлениями этноса, а вторичными языковыми связями.

В современных исследованиях лексико-семантических полей, акцентирующих их диахронический анализ, весьма перспективным для характеристик полей становится определение порождающих поле этимологических гнезд и структурного (диахронического) положения в них лексем поля.

Этикетные формулы в структуре начального блока документов разных жанров XVIII века г. Тобольска

М. С. Выхристюк

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Тобольский государственный педагогический институт имени Д. И. Менделеева

Скорописные документы XVIII в. древней столицы Сибири, этикет деловой переписки, структура деловых текстов

Summary. Supervision above a variation этикетных formulas of Tobolsk shows structure of the initial block of documents of different genres of XVIII century, that a choice the author of this or that formula, entering of any changes and additions into it is caused by a genre accessory of the document and aspiration of the author to achieve an object in view.

Основным «управляющим» текстом в Российском государстве конца XVIII в. являлся административно-правовой документ. Документ организовывал хозяйственную и культурную деятельность в стране. В строгом и полном наборе сведений и состоит главная традиционная формально-содержательная особенность документа – точность.

В Тобольском государственном архиве хранятся документы Тобольского Абалакского и мужского Знаменского монастыря XVII–XIX вв. (Ф. №№ 70 и 156). Современная официально-деловая письменность характеризуется строгостью, безэмоциональностью штампа. Безэмоциональность свойственна и большинству стандартизованных официально-деловых документов XVIII в. Однако документы монастырей, почти фотографически отражающие живую разговорную речь, сохраняют высокую эмоционально-экспрессивную тональность письменной речи, избыточную глаголами. В формуляре любого документа выделяются три основных клаузулы: **начальная**, содержащая сведения об адресанте, адресате, «самоименовании» документа, место назначения документа и дату его отправления; **средняя**, которую, учитывая содержательность, можно поделить на две части: **казузно-мотивировочную**, раскрывающую, причину создания документа и **констатирующую**, где излагаются факты, события, их оценка и делаются выводы; **конечная**, где указывается дата написания, должность и собственное имя написавшего или составившего документ и (факультативный признак) место создания документа.

Формулы начальных клаузул (блоков) текстов разных жанров существенно отличаются друг от друга, тогда как внутри одного жанра имеют выдержанную композицию. Начальный блок указов состоит из следующих частей: 1. **Указания на адресанта документа.** Эта часть начального блока всегда была представлена одним предложением: *Указ Ея императорскаго величества...* (И-156-14-35). Все собранные указы написаны от лица императрицы Екатерины II после 1762 г., поэтому всегда начинались одинаково. 2. **Сообщения о месте, откуда отправляется документ,** также очерчено одним предложением: *...канцелярии из Тобольской духовной консистории Тобольского Абалакского Мнстрыя* (И-156-13-34), *...из Тобольской духовной консистории Тобольского Знаменского мнстрыя...* (И-156-13-23). 3. **Указания на «коллегальный» адресат, куда документ направляется:** *...в мнстрское тобольского Абалакского мнстрыя правление* (И-156-13-77), *...в Тобольской Абалакской мнстръ* (И-156-13-54), *...в мнстрыское правление* (И-156-13-23), *...мнстрыском правлению* (И-156-25-21). 4. **Сообщения о времени написания указа:** *...сего декабря 22 дня 766 года.* (И-156-25-34), *Ея императорскаго величества имянной высочайший указъ состоялся февраля 20 сего 766 года* (И-156-25-21). Все тексты указов построены по одной и той же схеме. Начальный блок **репортов** не менее строг. Он состоит из следующих частей-формул: 1. **Сообщения о том, куда направляется репорт:** *...В Тобольскую Духовную консисторию Тобольского Абалакского мнстрыя...* (И-156-13-31), *В канцелярию Тобольскую духовную консисторию тобольского Знаменского*

При учете сказанного выше о возможности появления в поле «вторичных» моделей, вызванных к жизни историческими процессами взаимодействия этимологических гнезд, представляется необходимым развитие гнездового анализа семантических полей в направлении выяснения вероятности вторичных лексических включений в некоторые гнезда путем исследования соотношения и возможного взаимодействия гнезд поля с другими гнездами по формальным или семантическим основаниям.

мнстрыя... (И-156-25-15). 2. **Указание, откуда отправлен документ:** *...из монастырского правления* (И-156-25-16), *...из духовнаго правления...* (И-156-11-107), *Из Тобольского Знаменского мнстрыя...* (И-156-11-157). 3. **Самоименование делового документа:** *репорт о получении указа ея императорскаго величества* (И-156-13-110), (И-156-13-100), (И-156-13-62) и др. 4. **Уточнение коллективного адресанта и подтверждение о получении указа:** *Указъ из реченной духовной консистории июля от 6 под № 1147-м...получен того же июля 14 чисел* (И-156-13-100). Эта клаузула в документах оказывается разорванной: причастие *получен* попадает в конечную клаузулу и совмещается с указанием на дату получения документа. Начальный блок **доношений** имеет более свободные части, так как большинство из них написано монахами и служителями монастыря, которые были малограмотны. Тем не менее, отметим общие формулы начального блока (зачина) большинства доношений: 1) **сообщения, куда направляется доношение,** 2) **реже, кто его автор,** 3) **самоименования документа:** *В канцелярию Тобольскую духовную консисторию Тобольского Абалакского мнстрыя из монастырского правления покорныйше доношение...* (И-156-25-35), *Высокопреподобныйше Отцу Михаилу Тобольского Абалакского мнстрыя гдину Архимандриту Покорное доношение* (И-156-25-53), *Великому господину преосвященному Антонию Митрополиту Тобольскому и Сибирскому доношению...* (И-156-4-49). Начальный блок **прошений** состоит: **из указания, кому направляется документ и его названия:** *Высокопреподобныйше Отцу Порфирию Тобольскаго Абалакского монастыря, Гдину Архиепископу Покорныйше Прошение...* (И-156-4-57), (И-156-25-40), (И-156-4-56), (И-156-4-36). Следует отметить, что самоименование документа с определением *покорныйше прошение* выделено в тексте графически отдельной строкой. Из начальной части прошений видно, что чем ниже автор документа по социальному статусу, тем больше его обращение с просьбой, прошением, обращением осложнено этикетными формулами. К прошению примыкает **резюмиция** в императивном тоне с **указанием ее автора:** *Выложить в какую цѣну станеть на всякаго брата вышеписанное одѣяние сукна положил каруновое которое половинкою продается въ 19 рублей а въ нем 20 и 21 аршинъ бывает а холстъ не выше шести копѣек А. Михаил архимандрид* (И-70-25-40 об.). К заключительной фразе резолюции примыкает, **указания на того, кому адресован документ:** *Того ради вашего высокопреподобия покорныйше прошу на вышеписанныя потребности ис казны монастырской коликое число ваше высокопреподобие соблаговолитъ выдать; вашего высокопреподобия нижайший посудишникъ тобольского знаменского монастыря Казначей Иеромонахъ Оеофанъ 1766 года апреля 5 дня* (И-156-21-140 об.).

Анализ формул начального блока документов разных жанров позволяет сделать вывод о сложном характере языка документов, включающих в себя переплетение строгих канцелярских штампов, элементов высокой книжности, стилистически сниженной народно-разговорной речи на нейтральной стилистически немаркированной языковой основе.

Варианты речевых формул текстов находились в зависимости от жанра документа и его содержания, а также от целевой установки и некоторых других факторов. Этикетные формулы XVII–XVIII веков нашли известное продолжение в деловых, а также эпистолярных текстах и последующих столетиях. Особенно ярко это проявилось в первой половине XIX века. В настоящее время в жанрах деловой речи этикетные формулы минимальны, однако, они и сейчас необходимы.

Источники

И-70 – Фонд Тобольского мужского Знаменского монастыря
И-156 – Фонд Тобольской духовной консистории.

Литература

1. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические Очерки. Л., 1990.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1972.
3. Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

Количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII века

Е. А. Галинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Историческая морфология, псковские рукописи XVII в., числительные

Summary. The system of cardinal numerals of the Pskov dialect of the first half of the XVII-th century is reconstructed in this paper.

Истории русских числительных и становлению современной системы их склонения посвящено немало лингвистических работ. Однако если при исследовании бывает использован материал памятников письменности, то он черпается из текстов разной локализации и диалектные особенности на отдельных синхронных срезах систематически не выявляются. При этом современные говоры демонстрируют весьма пеструю картину употребления разнообразных форм числительных, так что с большой долей вероятности она была пестра и в языковом прошлом. Поэтому представляется интересным рассмотреть употребление форм количественных числительных в текстах, происходящих из одного региона и датированных одним и при этом достаточно узким периодом, чтобы выяснить, как могла выглядеть подсистема числительных на определенном синхронном срезе в определенном диалекте. Далее рассматриваются формы числительных, извлеченные из памятников делового письма псковского происхождения первой половины XVII в. Материалом исследования послужили Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (599 лл.) – РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455; Псковская отдельная и отказная книга 1613–1658 гг. (черновые записи с 1626 по 1649 гг. – всего 182 лл.) – РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461; 5 челобитных из столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду 1626 г. – РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349; 26 челобитных из тех же столбцов 1627 г. – РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350; 58 челобитных из тех же столбцов 1628 г. – РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23351 (далее при цитировании первым числом, стоящим после примеров, обозначается номер рукописи или столбца, вторым – номер листа).

Прежде чем говорить о морфологической стороне вопроса, сделаем необходимое предуведомление о необычных с фонетической точки зрения формах слов, обозначающих числа 8, 18, 80, 800: в текстах регулярно употребляются формы И.-В. пп. типа *восми* 23350–113, *восмина^мца^м* 8461–698, *восмидеся^м* 8455–130 об, *восмисо^м* 8455–8 и т. д. Их разумно объяснять тем, что преодоление нежелательной для диалекта слоговости [м] осуществлялось путем вставки гласного не перед сонорным, а после него.

В первой половине XVII в. большинство парадигм числительных в псковском диалекте находилось на стадии переформирования, так что в ряде падежей встречается по несколько вариативных форм (от двух до шести). Вариативность отражает либо процесс вытеснения старой формы новой, либо реализацию и в отдельных случаях столкновение определенных тенденций развития морфологической системы.

В склонении числительного *два* / *двѣ* есть архаичные формы: Р. и М. пп. *дву* и Т. п. *двѣма*. В XVII в. новая форма Р. п. *двухъ*, должно быть, распространилась еще не на все русские диалекты. Так, по свидетельству А. М. Селищева, в сибирских рукописях XVII в. употребляется только старая форма *дву* [1, 104]. Поэтому полное отсутствие формы *двухъ* в исследуемых нами текстах, скорее всего, говорит о ее отсутствии и в псковском диалекте первой половины XVII в. Имеются также переходные особенности, свидетельствующие о модификации системы от старого состояния к новому: Д. п. *двѣмъ* с потерей конечного *-а*; Т. п.

двѣма (наряду со старой формой *двѣма*) под влиянием уже сложившихся в говоре новых форм *тремя*, *четырьмя*. Один раз встречено новообразование *двумя*, появившееся в результате объединения основы *дву-* и влияния формы *двѣма*. Далее, обращает на себя внимание тот факт, что форма *дву* представлена и в Д. п. (*къ дву чѣ^мвертямъ* 8455–211). Возможно, так проявлялась тенденция к формированию единого косвенного падежа числительных.

Числительные *три*, *четыре* демонстрируют систему форм, практически не отличающуюся от той, что представлена в современном русском литературном языке. Однако встречается и необычная форма *тремымы* (*пожалова^т... тремымы соро^ю чѣ^мями* 23350–283), не засвидетельствованная другими исследователями в других памятниках. Думается, что она могла реально существовать в псковском диалекте, так как на это косвенно указывают следующие факты: в западной диалектной зоне – в Брянской обл. – встречаются формы с редупликацией последнего компонента – *двама^{ми}* [2, 89], а у числительных *два*, *три*, *четыре* изредка бывает флексия *-мы* [3, 6]. Формант *-мы*, должно быть, заимствован из склонения существительных и прилагательных; во всяком случае, в грамоте псковского князя Ивана Александровича (между 1463 и 1465 гг.) находим словосочетание *надѣ нашими купчинами*, свидетельствующее о том, что в адъективном и субстантивном склонениях в псковском диалекте по крайней мере XV века присутствовало окончание *-мы*, так что вполне возможно, что оно повлияло на склонение числительного *три*.

У слов, обозначающих числа с 5 до 20 и 30, В Т. п. наблюдаем вариативные окончания: *-ю* (напр., *семьюдеся^м шестью чѣ^мми* 23350–165) и *-ма*, *-мя* (напр., *три^мца^ю шестмя чѣ^мве^тми* 23351, ч.2–255, *тремста^м три^мца^{ма} четми* 23350–200). Числительное *пять* зафиксировано в форме Т. п. *пяти* 23351, ч.1–91, появляющейся, видимо, под влиянием тенденции к формированию одного косвенного падежа, которая, однако, явно подавляется другой, более сильной тенденцией к сохранению различий в косвенных падежах при совпадении форм Д. и Т. пп. Поэтому в Д. п. используется форма Т. п. с окончаниями *-ма*, *-мя*, *-ми* (напр., *гдеся^{ма} чѣ^мя^т* 8455–169 *к три^мца^тмя к пя^ммя чѣ^мвертя^м* 8461–378, *к двемьсто^м чѣ^мнаца^мми чѣ^мвертя^м* 8461–778 об). Если бы Д. и Т. пп. числительных регулярно совпадали, как у существительных, прилагательных и местоимений, в форме Д. п., победила бы тенденция к формированию единого косвенного падежа, но, поскольку она подавлялась стремлением сохранить падежные различия, Д. и Т. пп. были вынуждены совпасть в форме Т. п. (нормативные формы Д. п. на *-и* тоже присутствуют, так что совпадение Д.-Т. было лишь тенденцией, а не законом, поэтому и в Д. п., и в Т. п. сосуществовали разные формы).

Необычны формы Р. п. слов, обозначающих числа второго десятка: вторая часть у них не изменяется: *не дошло двуна^мца^м чѣ^ми* 8455–543, *не дошло трина^мца^м чѣ^ми* 8455–135 об, *не дошло чѣ^мнаца^м чѣ^ми* 8455–543 (в конструкциях с «не дошло» всегда употребляется Р. п.), т. е. мы застаем форму Р. п. *двунацать* в древнем переходном состоянии (первая часть склоняется, а вторая еще нет); формы же Р. п. *тринад-*

цать и четырнадцать развились как бы наполовину: склонение у первой части уже утратилось, а у второй еще не обрвалось.

Числительное *сорок* удерживало формы *о*-склонения, но в Т. п. уже получило флексию женского рода *-ю*: И. п. = В. п. *сорок*, Р. п. *сорока*, Д. п. *сороку*, Т. п. *сорокою*, М. п. *сороке*.

У слов, обозначающих числа 50, 60, 70, 80, устойчиво сохраняется древняя особенность: склоняется только первая часть, а вторая (бывший Р. п. мн. ч. от слова *десять*) остается в неизменном виде, напр., Р. п. *шестидеся*^м 8455–39, Т. п. *семьюдеся*^м 23350–62. При этом и здесь фиксируется совпадение форм Д. и Т. пп. в форме Т. п.: *к пя*^м*юдеся*^м 8455–483 об, 484 об, *к пя*^м*юдеся*^м 8455–283.

У числительного *двѣстѣ* вторая часть под влиянием слов *триста*, *четыреста*, с одной стороны, и *пятьсот – девятьсот* – с другой, либо склоняется по множественному числу, либо застывает в форме *-сот*. Первая часть изменяется, как слово *двѣ*, имея все присущие ему разновидности. Отсюда большая вариативность форм, особенно в Д. п.: *двустотъ*, *двустомъ*, *двемстотъ*, *двемстамъ*, *двумстотъ*, *двумстамъ*. Оказывают друг на друга влияние слова *триста*, *четыре-*

ста, и *пятьсот – девятьсот*: ср. с одной стороны, Д. п. *тремсотъ* (наряду с *тремстотъ* и *тремстамъ*), а с другой стороны – *пятистамъ* (наряду с более древним *пятисотъ*). И, наконец, у этой группы слов наблюдается совпадение Д. и Т. пп. в форме Т. п.: *к тремста*^м 8455–484 об, *к четверьстамъ* (sic) 8461–378.

Итак, специфика многообразного склонения числительных в псковском диалекте первой половины XVII в. объясняется сосуществованием архаичных, переходных и новых форм, действием ослабленной тенденции к формированию единого косвенного падежа и более сильной тенденции к сохранению различий в косвенных падежах, отчего при реализации третьей тенденции – к неразличению Д. и Т. пп. – последние совпадают в форме Д. п., а не Т. п.

Литература

1. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.
2. Матвеева Г. И. Числительные *два*, *три*, *четыре* в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 1. М., 1959.
3. Матвеева Г. И. Числительные в русских говорах. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Языковые свидетельства о предмиграционной эпохе в истории славян

Я. Гвозданович

Гейдельбергский университет им. Рупрехта Карла (Германия)

Предыстория, языковые стыки, лексика, фонология, ономастика

Summary. The paper focuses on language contacts of Slavs with western Indo-Europeans preceding the migration time. It is shown how especially phonological and onomastic data can shed light on vexed topics from Slavic – and in this sense also Russian – prehistory.

В докладе рассматриваются языковые данные, которые свидетельствуют о языковых стыках славян с индоевропейцами западного типа в предмиграционное время. Кроме лек-

сических данных, особое внимание уделяется, с одной стороны, фонологической вариации, а с другой, ономастике на славянской прародине.

Лингвистическое источниковедение скорописных текстов XVIII в. из архивов Челябинска, Кургана, Тобольска*

Л. А. Глинка

Челябинский государственный педагогический университет

Историческое лингвокраеведение, архив, региональная письменность, скоропись, транслитерация, текстология

Summary. The publication of inscriptional manuscripts of record-keeping of XVIII century from South Ural archives broadens scientific basis of linguistic source study, historical lexicography and stylistics, linguistic and regional studies. The theoretical interpretation of newly published manuscripts is connected with fundamental problems of historical Russian philology: standardization of record-keeping and development of new branches of linguistic and regional studies.

I. В отечественном языкознании XIX–XX вв. заложены фундаментальные основы всех современных направлений изучения эволюции языка. А. Х. Востоков, Ф. И. Булаев, А. А. Потемкин, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов обозначили следующие ключевые проблемы развития исторической русистики:

- собиране, хранение и издание древних рукописных и старопечатных текстов с глубоким этнокультурологическим и лингвистическим комментарием;
- формирование литературного языка, его составляющие и их роль в разные эпохи (церковнославянский, старославянский, деловой язык, обиходно-бытовая речь);
- формы бытования и география деловой письменности, ее связь с общегосударственным гражданским языком;
- изучение текстов прошлого в сравнении с живой разговорной речью и ее диалектным членением.

Углубление каждого из этих направлений стало началом для ряда развивающихся специальных историко-лингвистических наук: лингвистической археографии, истории русского литературного языка, исторической фонетики, исторической лексикологии, исторической грамматики, исторического словообразования, исторической стилистики, исторического комментария фактов современного русского языка.

II. Среди них особо выделим **лингвистическое источниковедение**. Это название не вынесено в терминологический указатель Энциклопедического лингвистического словаря, хотя в обобщающей статье Ф. П. Филина «Русистика в

СССР» упоминается, что оно возникло и успешно развивается, «... благодаря чему исследователи получают добротные тексты (с соответствующим аппаратом)» [ЛЭС 1990, 427]. При этом названы имена С. И. Коткова, Л. П. Жуковской и О. А. Князевской.

Параллельное развитие других смежных научных дисциплин, для которых текст также является главным объектом изучения, в последние два десятилетия расширило границы лингвистического источниковедения. Сегодня это не только квалифицированное чтение и подготовка к печати трудно достигаемых текстов со справочным аппаратом, но и ряд других аспектов анализа письменности, хранящейся в центральных и региональных архивах. Это **текстообразование** с позиций жанровой типологии, когнитивно-коммуникативного отражения антропоцентрической картины мира, характеристики лексики и фразеологии, ономастики и личностного авторского начала и др. По существу в зародыше такой интегративный подход сформулирован в многообещающих словах С. И. Коткова: «содержательность и информативность лингвистического источника», а также в ряде обобщающих исследований по фонетике, лексике, синтаксису его и его сподвижников.

III. Углубленное внимание к архивным текстам прошлого, транслитерация скорописи из местных хранилищ стали одними из главных направлений в работе по лингвистическому источниковедению не только в центре, но и на периферии. Почти четверть века межвузовская проблемная группа ис-

* Работа осуществлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 05-04-85-409 а / У.

ториков языка работает в архивах Челябинска, Кургана и Тобольска над скорописными текстами XVIII в. За последние восемь лет коллектив подготовил к печати ~ 180 печ. л. целенаправленно отобранных транслитерированных рукописей, которые удалось опубликовать как тематически цельные книги («Челябинская старина» – семь книг, «Курганская старина» – пять книг, «Тобольская старина» – две книги, «Тобольский лечебник XVII века», «Тобольский травник XVIII века»). В них отражена специфика жизни русской провинции на юго-востоке России XVIII века. Это деловая письменность духовных канцелярий Тобольска и Челябинска, материалы об освоении края русскими первопоселенцами, переписка заводчиков Демидовых с приказами уральских заводов, документы Троицкой таможни, судебные дела, материалы делопроизводства городского магистрата и т. д. Изданные нами тексты оказались востребованными в сфере академической лексикографии: для пополнения картотек «Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.» [М., ИРЯ РАН], «Словаря русского языка XVIII в.» [СПб., ИЛИ РАН].

В текстологическом плане южноуральская проблемная группа ориентируется прежде всего на традиционные подходы, высоко оценивая их обстоятельность в историко-лингвистическом комментировании. Каждый текст характеризуется с позиций археографического и жанрового своеобразия, поуровневой и частеречной специфики, отражения ва-

риативности и стандартизации, соотношения книжного и разговорного начала в языке. Создание объемного банка данных, прежде всего о деловом языке XVIII в., позволило расширить предмет исследования и выделить новые объекты изучения, соотнесенные с современными продуктивными теориями и методиками общего языкознания и исторической русистики (лингвокультурология, социоллингвистика, когнитивно-концептуальная парадигма, лингвокраеведение).

Новый аспект современного лингвистического источниковедения связан также с расширением его региональных, хронологических границ и поиском генетических истоков.

Текстология самых древних переводных церковнославянских памятников сегодня уже невозможна без сравнения перевода с греческим или латинским первоисточником. Это обусловило многочисленные поправки «вдогонку» к уже вышедшим томам историко-лингвистических словарей. Появление публикаций текстов прошлого в Вологде, Хабаровске, Москве, Тюмени расширило возможности топохронного анализа содержательно близких текстов, например, челобитных XV–XVII вв. и прошений XVIII в., что, в свою очередь, сделало более достоверными выводы о динамике текстообразования и регионализмах в определенных жанрах. Комплексное, интегрированное изучение текстообразования – это главная перспектива развития лингвистического источниковедения, для которого Россия хранит в центральных и местных архивах безграничные сокровища.

Деловой эпистолярный XVIII века (по материалам заводских провинциальных канцелярий)

Н. В. Глухих

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Деловой эпистолярный, формуляр, речевой жанр, коммуникант

Summary. Correspondence of South Ural plant offices of late XVIII–XIX centuries serves as study material for consideration of specificity of business epistolary of provincial chancery in functional-stylistic and pragmatic aspects. Statements within epistolary discourse are described, text-forming language components of different levels are discovered. Special attention is given to stylistic heterogeneity of texts and linguistic factors of individualization in private business correspondence.

XVIII век характеризуется в историко-лингвистической литературе как период активного формирования основ национального литературного языка и функциональных стилей. Несмотря на интенсивное развитие в XX веке истории русского литературного языка как науки, многие стороны эволюции и сегодня остаются проблематичными.

К ним относятся вопросы:

- о статусе деловой письменности в структуре русского национального языка, ее отношении к литературному языку XVIII века;
- о функциональном расслоении делового языка от века к веку и формировании в его недрах новых жанрово-стилистических разновидностей;
- о традициях и новациях в отборе книжно-славянских и разговорных пластов языка в зависимости от стиля и жанра текста на этом этапе развития общенародного языка;
- о степени узальной нормализации на разных системно-языковых уровнях оформления текста в провинциальной канцелярии.

Решение многих из вышеназванных проблем требует расширения источниковедческой базы за счет привлечения обширных, слабо изученных региональных материалов, в том числе труднодоступных скорописных текстов XVIII века, периода формирования национального языка.

Материалом для данного исследования послужили скорописные памятники деловой письменности, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Это неизученные фонды исторической части архива – переписка заводских контор Демидовых, Расторгуевых, Мосоловых, Лугининых, Кнауфа.

Эпистолярное общение – специфический вид письменного монологического диалога, участники которого разделены расстоянием и временем. Деловая переписка как вид эпистолярного общения предполагает определенный формуляр и свое содержание, специальные средства его организации.

Все письмо можно представить в виде цепочки блоков: начальный блок – от одного до десятков блоков основного содержания – конечный блок. Перед начальным блоком или после конечного могли указываться дата и способ получения письма, место, время написания, способ отправки, номера писем и другие дополнительные данные, для описания которых существовали соответствующие формулы. Избранные для анализа тексты позволяют проследить варьирование формул не только начала и конца, но и основного содержания в зависимости от социального положения адресата и адресанта.

Формуляр текстов писем конца XVIII – начала XIX века предполагает соответствие структуры текста, а также порядка следования его частей эпистолярным традициям своего времени. Они проявляются в следующем:

1. Наличие штампов, формул, характерных для переписки.
2. Выраженный в содержании и оформлении единый монолог по схеме «вопрос – ответ – уведомление и его получение – следующий вопрос – ...»
3. Блочная структура текста с выделением смысловых акцентов.
4. Выраженное в отборе языковых средств постоянное «присутствие» личности автора.
5. Отражение норм этикета и социальных отношений между адресатом и адресантом.

Анализ переписки в коммуникативном аспекте позволил сделать следующие выводы:

1. Речевые жанры, с помощью которых составлена данная переписка, характерны для письменного делового общения конца XVIII века.
2. Преобладают высказывания, содержащие информацию и инструкции; допускается внедрение элементов информации в другие высказывания.
3. Совокупность текстов представляет собой единый монолог по делам производства и жизни его участников,

который сочетается с оценкой полученной информации, со стремлением побудить адресата к реальному действию, этикетностью и ситуативностью изложения.

4. Переписка Демидовых с приказчиками отражает социальную дифференциацию авторов, проявление личностного начала, что сказывается на наборе высказываний, выборе языкового оформления содержания переписки.

Таким образом, деловое письмо конца XVIII века – это композиционно и содержательно сложившаяся, четко осоз-

знаваемая пишущими структура со специфическим содержанием, рассчитанным на общие фоновые знания коммуникантов. При этом она существует в диалектическом, внутренне противоречивом единстве с другой ее стороной – необходимостью наполнения структуры каждый раз новым содержанием, которое индивидуально, потому не может избежать самых различных влияний (устной речи, индивидуальных особенностей речи автора, степени его грамотности, выучки и т. д.).

К вопросу о формировании приставочных пространственно-направительных моделей глаголов движения в истории русского языка

И. В. Глушкова

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону

Моделирование ситуации движения, пространственные приставки, диахронический аспект

Summary. The thesis investigates the forming of prefixal directional models of motion verbs in the history of Russian language. Directional verbal prefixes are examined as relators, determining the type of space, the direction of motion, its result and so on. Characteristics of situations of motion, which condition the choice of a prefix in the process of linguistic categorization are revealed.

Под пространственно-направительной моделью мы понимаем набор основных характеристик ситуации движения, задаваемых приставкой, проявляющихся во всех глаголах движения с данной приставкой и отличающих их от других близких по значению глаголов (ср.: *ушел – отошел, пришел – подошел*). Так, приставка в составе глагола движения моделирует ситуацию перемещения, определяя его тип (по горизонтали / вертикали; между двумя пунктами / между наружным и внутренним пространством и т. п.), направленность (прибытие / убытие / транзит и т. п.), характер действия (целостное / фрагментарное), его локализацию (движение в пределах одной пространственной области / переход из одной пространственной области в другую), особые характеристики пространства (абстрактное / конкретное), а также результат перемещения. Часть этих функций (в первую очередь характеристика типа и направленности перемещения) наряду с приставкой поддерживается предложно-падежной группой и контекстом в целом.

Исследователи отмечают «объективность» языкового описания движения, имея в виду, что выбор префикса определяется отношением между движущимся предметом и ориентиром. Поэтому изучение приставочных моделей позволяет не только исследовать семантическую индивидуальность приставки, но и охарактеризовать особенности языкового представления ситуации движения. На эту тему есть интересные работы на материале современного русского языка. Однако исследование роли приставки в концептуализации ситуации движения не может ограничиваться только данными современного русского языка, важно проследить эволюцию приставок от пространственных маркеров к реляторам, определяющим основные характеристики перемещения, определить условия возникновения пространственно-направительных моделей и время их появления.

Исследование приставочных глаголов движения в памятниках письменности XI–XIV вв. позволяет заключить, что первоначально приставка была только пространственным конкретизатором действия. С появлением при глаголах движения предложно-падежных форм, которые частично перетягивают на себя пространственно-направительную характеристику действия, складываются условия для развития приставкой дополнительных семантических свойств, позволивших ей впоследствии участвовать в моделировании ситуации движения. Однако на протяжении всего древнерусского периода глаголы движения с разными, хотя и близкими по смыслу пространственными приставками (например, *при-* и *под-*, *от-* и *у-* и другими) могли употребляться как взаимозаменяемые в одних и тех же условиях, что позволяет говорить о синкретизме восприятия процесса движения в древнерусском языке. Для точного понимания значения приставочного глагола был важен внешний контекст, именно он, как правило, содержал указание на локализацию действия в пространстве. Развитие приставками на основе первичного пространственного значения дополнительных семантических характеристик и формирование пространственно-направительных моделей – достаточно длительный и неравномерный процесс. Начало процесса функциональной

дифференциации приставок на основе характеристики ситуации движения относится к XVI–XVII вв. Завершение этого процесса и кристаллизация моделей у одних приставок (например, *при-* и *под-*) происходит уже в XVIII в., у других (например, приставка *от-*) – только в середине XIX в.

Сейчас семантические особенности каждой приставки хорошо видны при сравнении пар однокорневых глаголов с «близкими по значению» префиксами. Проследим это на примере приставок *от-* и *у-*. Эти приставки объединяет то, что они обозначают перемещение по горизонтали между двумя точками с направлением из пункта назначения. Но *от-* предполагает удаление на небольшое расстояние, в пределах обозримого пространства (как следствие, приставка может обозначать движение в течение небольшого отрезка времени и / или с перспективой возвращения), а *у-* – переход из одной пространственной области в другую и завершение движения вне обозримого пространства, причем для приставки *у-* важно, что субъект больше не находится в начальной точке движения. Действие, обозначаемое глаголом с приставкой *у-*, характеризуется как целостное, не делимое на фрагменты, в то время как приставка *от-* акцентирует внимание на начальном этапе действия: объект больше не связан с исходной точкой движения. Пространство, в котором локализуется действие глагола с приставкой *у-*, может мыслиться как абстрактное, в отличие от пространства приставки *от-*.

В древнерусский и старорусский период функционирование приставок было иным, особенно это касается приставки *от-*, которая стабильно употреблялась в контекстах со значением ‘отбыть, удалиться’, характерных для *у-*, т. е. обозначала перемещение с переходом из одной пространственной области в другую, завершающееся вне обозримого пространства. Достаточно регулярно при глаголах с приставкой *от-* замещается позиция конечного пункта движения с помощью конструкций *в* + ВП, *к* + ДП, *на* + ВП, но есть контексты, из которых ясно только, что субъект покинул исходный пункт (это может подчеркиваться наречием *прочь*). Кроме того, в памятниках письменности XI–XVII вв. глаголы с приставкой *от-* часто употребляются параллельно с *при-*глаголами.

Приведем примеры из памятников письменности XI–XIV вв.: *Князю Ярославу не суицу Новгородѣ, нѣ въ Переяславѣ отъшль бѣ* – в знач. ‘ушел’ [ЛН, 243]; *а еп(с)на оболуде бѣ...*, *Ѡѣха* – ‘уехал’ – *проче во тѣ годѣ егда рать остути градѣ* [ЛН, 122 об; ок. 1330 г.]; *а купьцамъ нѣмѣукимъ путь чтѣ...въ Новгородѣ приѣхати и Ѡѣхати* (употреблено параллельно с *приехать*) *бес пакости...* [Гр. 1392 (новг.)]; *и Ѡиедь и Ѡжены и Ѡдетии, и шедь къ апостолу Петру в Римѣ...* [СбГр XIV / XV].

Тоже в XV–XVII вв.: *а придти вашимъ гостемъ въ наши земли и отойти доброволно безо всякие заѣпки* [Крым. д. II, 2; 1508 г.]; *И послѣ тое службы отъѣхаль* – ‘уехал’ – *я на Донѣ и на Дону гуляль полята года...* [ДАИ IV, 182; 1659 г.].

Наряду с этим глаголы с приставкой *от-* употребляются и в значении ‘удалиться на небольшое расстояние в пределах одной пространственной области’: *...въ скорѣ Ѡиде Ѡтьмьницѣ* [ЧудН XII].

Примеры с *от-* на месте *у-* фиксируются и в XVIII в.: ... *отъезжал в Полтаву для излечения...* [А. В. Суворов. Прошение в Герольдмейст. контору; 28 окт. 1790 г.], а у каузативных глаголов – и в первой трети XIX в.: *Явились в наш лагерь армяне, живущие в горах, требуя защиты*

от турков, которые три дня тому назад отогнали – в знач. ‘угнали’ – *их скот* [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум].

О формировании пространственно-направительной модели приставки *от-* можно говорить начиная с середины XIX в.

Приставка *раз-* в русском языке XI–XVII веков

З. И. Годизова

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ

Интенсивность, способы действия, количественная аспектуальность, функционально-семантическая категория, развитие интенсивных значений

Summary. In this paper you can find the beginning and the development of the intensive meanings, expressed by the prefix «раз» in Russian language in XI–XVII c. The functional-semantic category of intensity is determined here and the place of intensive means of action in the sphere of intensity. It is ascertained that the intensive meanings of the prefix «раз» go back to its spatial meaning and develop as a consequence of metaphorical transfers as well as under the influence of the context. The most developed intensive meanings of the prefix «раз» are determined in the paper.

Одним из активно разрабатываемых направлений современной лингвистики является изучение и описание различного рода функционально-семантических категорий. К числу наиболее привлекающих внимание в настоящее время функционально-семантических категорий относятся и категория интенсивности.

В понимании сущности интенсивности среди исследователей имеются некоторые расхождения. Не останавливаясь специально на имеющихся различиях, приведем определение интенсивности Ш. Балли как наиболее универсальное: «Под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли 1961, 202].

Таким образом, придерживаясь в понимании интенсивности точки зрения Ш. Балли, мы можем выделить семантические компоненты, формирующие интенсивность (например, «чрезмерность действия» или, наоборот, «ослабленный характер действия», «крайняя степень в развитии действия», «активность субъекта в осуществлении действия», «отрицательные последствия для субъекта», «усталость, бессилие субъекта продолжать действие», «рассредоточенное воздействие на весь объект», «охват действием всех объектов или субъектов», «множественность результатов»), и семантические компоненты, сопровождающие интенсивные значения (например, «чрезмерная длительность», «чрезмерная частотность», «тщательность и раздельность этапов в осуществлении действия», «процессность», «начинаемость», «прерывистость»).

Как известно, интенсивность является элементом количественной аспектуальности. Диапазон способов глагольного действия в поле интенсивности очень широк. Интенсивные СД можно разделить на собственно интенсивные и несобственно интенсивные. Если собственно интенсивные СД выражают интенсивность эксплицитно, явно, это их основное значение, то несобственно интенсивные СД выражают семантику интенсивности попутно, имплицитно, наряду с какими-то другими аспектуальными значениями.

В данном докладе нас интересует формирование интенсивных значений приставки *раз-* с XI по XVII вв. Пространственная идея приставки *раз-* – это распространение действия в разные стороны. Эта пространственная идея наиболее отчетливо выражена в глаголах движения, а также и в других глаголах с приставкой *раз-*: *расходиться, разиться, распереться, развѣхаться, разгонити, разбѣжаться, разорватися, раздробити, расхытити, распастися, раскрѣшити, раскрошити, разметати, расплодитися, расѣкати*. Во многих глаголах общерезультативного СД отчетливо сохраняется пространственная идея приставки *раз-*: *размыслити* (‘со всех сторон обдумать’. – Г. 3.), *развалитися* (‘развалиться на части’. – Г. 3.), *размиритися* – *разсмориться* (результативно-аннулирующее значение в рамках общерезультативного), *разнитися* – *разгнитися* (‘разложиться на части’. – Г. 3.) и т. д.

Из пространственного значения (распространение действия во все стороны) развиваются интенсивные значения,

в частности усилительно-интенсивное (доходящее до крайней меры развитие интенсивности уже начатого действия, т. е. начало действия и его интенсивное распространение, развитие). Значение распространения действия во все стороны соответствует пространственной семантике приставки *раз-*. Постфикс *-ся* сообщает глаголам усилительно-интенсивного СД значение сосредоточенности действия в сфере субъекта. Словообразовательной базой усилительно-интенсивного СД послужили стальные и эволютивные глаголы. В Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского находим: *располѣтися, разгорѣтися, ражнѣватися* – *вм. разгнѣватися, раждечися, разболѣтися, разгнѣватися, разгърдѣтися, разлѣнитися, разяритися, расплакаться, расмѣяться*. В текстах встречаются следующие глаголы усилительно-интенсивного СД: *разболѣтися, разгнѣватися* (XI–XII вв.), *разгнѣватися, расплакаться, разболѣтися* (XIII в.), *разгнѣватися, разгордѣтися, разболѣтися, разгорѣтися, расплакаться, разлѣнитися, распалитися* (XIV–XV вв.), *разболѣтися, разгорѣтися, разяритися, ражечися* (XVI–XVII вв.).

Интенсивно-усилительное значение (достижение высокой степени в развитии интенсивности действия) тоже развивается непосредственно из пространственного значения приставки *раз-* на базе эволютивных глаголов: *разсмотрити = рассмотрити = разъсмотрити* (‘рассмотреть со всех сторон – рассмотреть как следует’. – Г. 3.), *разглядити, разварити* (‘разварить на части – разварить как следует’. – Г. 3.), *разябсти, роспросити, роздумити, разумѣти, роспытати, размѣсити*.

Дистрибутивно-суммарное значение также восходит к пространственному, произошел перенос значения: действие распространяется во все стороны – действие охватывает все объекты. Очевидно, подобный перенос значения произошел в значительной степени под влиянием контекста (так называемое семантическое заражение Бреалю): *развѣсити, развѣсити, разносити, раздати, разграбити, расхытити, расельчити, расточити, разметати, расыпати, росписати, разгонити, расѣяти, расплѣнити*.

Наконец, из пространственного значения появляется и процессно-длительное значение, выражаемое приставкой *раз-* и итеративным суффиксом *-ива-* и указывающее на длительный и итеративный характер действия исходного эволютивного глагола (например, *раскачивати*).

Наиболее сформированными являются усилительно-интенсивное и дистрибутивно-суммарное значения приставки *раз-*. Эти глаголы зафиксированы в словарях, значительно представлены в текстах и имеют определенную словообразовательную базу. В меньшей степени сформированным оказывается интенсивно-усилительное значение приставки *раз-*, так как глаголы с подобной семантикой гораздо меньше представлены в словарях, реже встречаются в текстах. Процессно-длительное значение приставки *раз-* (в сочетании с итеративным суффиксом *-ива-*) находится на начальной стадии формирования, так как в памятниках эти глаголы не зафиксированы и в словарях представлены незначительно.

К генезису смягчения заднеязычных согласных в истории русского языка и его говоров

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

Дагестанский государственный университет, Махачкала

*Переходное и непереходное ассимилятивное смягчение, древне- и великорусский периоды, южный ареал,
памятники письменности, болгарский язык*

Summary. The paper is devoted to ground on the possibility of the Turkish languages participation in palatalization of the back consonants in the history (early and old periods) of the Russian language and his subdialects.

Одной из устоявшихся точек зрения в изучении истории звуковой системы русского языка является та, согласно которой в древнерусский период мягкие среднеязычные [г], [к], [х] могли характеризовать лишь подсистему заимствованных [из греческого языка] слов. В последующую великорусскую эпоху, когда в XIV веке в (северо-восточных, ростово-суздальских) текстах последовательно реализуются написания *ги, ки, хи*, в говорах имеет место непереходное и переходное ассимилятивное смягчение заднеязычных. При этом наиболее ранние по времени центры возникновения соответствующих процессов локализируются на юге (древне-, велико-)русской области, откуда они распространялись в последующем в другие (северные и иные) регионы: XII век и говоры будущих украинцев для Древней Руси, для непереходного смягчения – Верховские княжества XIV–XV вв., переходного – до XVI в. (когда оно отражается в именах собственных памятников письменности) в области между Москвой и Орлом. Ареально смежными с указанными выше территориальными пределами были регионы, населенные носителями кыпчакских тюркских языков. Речь идет о половцах домонгольской эпохи и известном с рубежа XIII–XIV вв. Крымском ханстве.

Особенности передачи в русских летописях антропонимов половецких ханов свидетельствует о том, что в названную древнерусскую подсистему с мягкими среднеязычными [г'], [к'], [х'] могут быть включены и тюркские слова. Так, на колебание *ки ~ кы* еще в конце XI в. указывает имя *Китанопа ~ Кытанопа ~ Китян* (1095 г.), а на известность в XII в. начального *ги-* – *Гиргень* (1107 г.) в условиях, когда в собственно русских лексемах из южных памятников XII в. среднеязычные мягкие <г'> и <х'> не отмечены.

При этом в кыпчакских языках смягченные перед гласными переднего ряда [г'] и [к'] известны лишь диалектам кумыкского (северным), карачаево-балкарского и крымско-татарского языков. Названные языки вместе с караимским образуют куманскую группу кыпчакских языков, выделение которой, по лингвостатистическим данным, относится ко второй половине XI века – времени появления половцев на южных границах Киевской Руси. Половцы-куманы кочевали западнее Днепра, в том числе в непосредственном соседстве с юго-западной частью Древней Руси, в домонгольских (1229 г.) памятниках письменности которой обнаруживает-

ся более широкий, чем в южных (будущие украинцы), круг соответствующих словоформ – на *ги, ки, хи*.

Показательными в последнем отношении являются аналогичные факты ареально смежного болгарского языка: в нем в позиции перед гласными переднего ряда *и, е* смягчаются только заднеязычные согласные *г, к, х*. Последнее представляется возможным связать с расселением в XII–XIII вв. половцев-куманов в нынешней Северо-Восточной Болгарии, на основе говоров которой в дальнейшем, с середины XIX века, стал формироваться современный болгарский литературный язык.

Явления аналогичного порядка имели место и в великорусский период. Так, одна из позиций (предшествующий *й*), в которой наблюдается непереходное ассимилятивное смягчение заднеязычных, обнаруживает свой аналог в одной из неизвестных другим кыпчакско-половецким языкам особенностей северного (степного) диалекта крымско-татарского языка – палатализации последующего согласного под влиянием предыдущего *й*.

Переходное же смягчение *к' > т'* и *г' > д'* (последнее довольно редко) в позиции ауслаута русских диалектных форм представляется возможным соотнести с подобным явлением в одном из северных (терском) диалектов кумыкского языка. В нем специфичный звукопереход *-к' > -т'* наблюдается преимущественно в ауслауте слов с переднерядным вокализмом. Данное явление поддерживается частичной палатализацией последующего согласного в словах аналогичного типа в вышеупомянутом северном крымско-татарском диалекте и наличием переходов аналута *к' > т'* в татаризмах (кыпчакизмах) чувашского языка и *к'у > т'у* и *г'у > д'у* в караимских (северных) диалектах Литвы и Украины.

Возможность непосредственного территориального контакта с упомянутым кумыкским диалектом подтверждается тем, что еще в конце XIV века часть его носителей, известная под названием борганов (брагунцев), переселилась в Крым, Литву и Польшу, то есть к южным пределам Московского государства. Борганы в Крыму стали одним из главных племен, способствовавших в 1442 году возникновению независимого Крымского ханства, и их глава в дальнейшем занимался охраной границ и наблюдал за ногайскими (северный диалект крымско-татарского языка) ордами вне пределов собственно Крыма.

Русистика в работах проф. Райко Нахтигала

А. А. Дерганц

Люблянский университет (Словения)

В докладе речь идет об отдельных аспектах, отраженных в работах Р. Нахтигала, таких как «Русский язык в научно-популярном освещении» (1946) и в известном издании древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве» (1954), а также статьи «Трения в российской лингвистике» (*Slavistična revija*. 1951. № IV.), «Заблуждения относительно древнерусской письменности» (*Slavistična revija*. 1954. №№ V–VII).

В работе «Русский язык в научно-популярном освещении» автором приводится углубленное, системное описание звукового состава современного русского языка, сопровождаемое историческим и сравнительно-историческим комментарием, в особенности, что касается соотношения между русским, церковнославянским и словенским языками. Подобный вид языкового описания, в настоящее время, когда делается более строгое различие между диахронией и синхронией, выглядит несколько необычным, однако, при

описании родственного языка он приобретает глубокой смысл, благодаря чему указанное сочинение и сегодня не утратило своей ценности и оригинальности.

Предпринятое Нахтигалом издание «Слова о полку Игореве» представляет собой текст, набранный в четыре столбца на странице: в первом столбце приводится текст памятника из *editio princeps* 1800 г., в четвертом – его перевод на словенский язык. Во втором же столбце Нахтигал дает собственную реконструкцию на древнерусском языке эпохи создания самого произведения, а в третьем – фонетическую транскрипцию реконструкции. Во введении и в примечаниях автором комментируются особенности реконструкции. Речь идет об очень смелых реконструкциях, свидетельствующих о глубоком знании Нахтигалом исторической фонетики, акцентологии и морфологии. Однако далеко не все они были встречены в свое время с одобрением. Характерно, что большин-

ство форм из текста *editio princeps*, несущих на себе следы церковнославянского языка, реконструируются Нахтигалом в восточнославянские, поскольку он приписывал изменения позднейшим спискам. Подобный подход вероятно отличался излишней жесткостью, в духе принципов младограмматиков, и потребовал пересмотра уже вскоре после выхода издания памятника. Сомнительность подобного подхода полностью осознавалась Нахтигалом и в некоторых случаях в тексте он даже сохраняет, например, неполногласные

формы (*страны, съдравы*), хотя и делает это, по-видимому, из-за отсутствия достаточно твердых критериев, нечасто.

В статье «Грениа в российской лингвистике» Нахтигал критически оценивает положение в советском языкознании в связи с учением марризма, а в статье «Заблуждения относительно древнерусской письменности» критически отзываясь на мнение некоторых русских языковедов, не согласных с тезисом возникновения письменности у восточных славян в связи с принятием христианства.

Выбор орфографических вариантов перед дефектами пергамента в церковно-славянских рукописях

И. С. Добровольский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Дефекты пергамента, орфография, церковно-славянские рукописи

Summary. Scribes of ancient manuscripts tended to choose a vowel rather than a consonant directly before a defect of parchment as they usually did at the line break. Consequently, letters like *u, ou, ю, ка* may have been replaced by their compact counterparts *ī, ŷ (š), e, л*. One should consider such orthographic variants separately from others when reconstructing orthography of OCS texts.

Как известно, при изучении орфографической системы той или иной церковно-славянской рукописи следует отдельно рассматривать орфографические варианты, находящиеся в следующих особых условиях: 1) недостаток места а) в конце строки, б) между буквами, куда требуется вставить пропущенную; 2) ситуация исправления одной буквы из другой. В особых условиях из той или иной пары (тройки и т. д.) омофоничных букв выбирается наиболее компактная буква и ставится в строку в случаях 1 и 2 или записывается в межстрочном интервале в случае 1. Например, буква *u* заменяется на более узкую *ī (i)*, *ou* после согласной – на *ŷ (y)* или □, □ и □ в начале слога на *e* и □ и т. п. Подобные варианты синхронны созданию рукописи, следовательно, не восходят к ее антиграфу. Существование, что недостаток места может возникнуть не только в конце строки, но и в ситуации, когда писец сталкивается на своем «пути» с тем или иным дефектом пергамента (дырой, разрезом, складкой и т. п.), который он вынужден «обходить». Предварительное изучение ряда древних церковных памятников (преимущественно XIII в.) показывает, что выбор орфографических вариантов в позиции перед дефектом пергамента осуществляется сходным образом с позицией конца строки. А именно, если перед дефектом ставится гласная буква (в большинстве случаев это так), то, согласно изложенному выше, в условиях недостатка места между текстом и дефектом выбирается более компактный орфографический вариант, чем в прочих условиях.

Поскольку гипотеза об указанном параллелизме конца строки и дефекта пергамента ранее, по-видимому, не обсуждалась, целесообразно рассмотреть ее на материале памятников. Для наблюдения за поведением орфографических вариантов перед дефектом пергамента были взяты: три части Саввиной книги кон. XIII – нач. XIV в., XI в. и кон. XI – нач. XII в., в том числе испещренная дырами древнеболгарская часть (далее: Сав₁, Сав₂ и Сав₃), Житие Нифонта 1222 г. (Ниф.), Миния праздничная 1260 г. (Мин.), Новгородская кормчая 1285–1291 гг. (Новг.), Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Панд.). Части Сав₁₋₃ изучены по изданию [2], Ниф., Новг. – по фотокопиям, Мин. и Панд. – *de visu*.

Количественное различие в выборе между гласной и согласной буквами перед дефектом пергамента демонстрируется следующей таблицей. Рукописи даны в хронологическом порядке; о Сав₂ см. ниже.

	Перед дефектом написана	
	гласн. буква	согл. буква
Сав ₃	100% 3	0% 0
Сав ₁	56% 14	44% 11
Ниф.	77% 23	23% 7
Мин.	89% 111	11% 14
Новг.	71% 139	29% 57
Панд.	76% 122	24% 39

Как видно из таблицы, численный перевес во всех памятниках оказывается на стороне гласной буквы. Примерно такое же соотношение между гласными и согласными представлено и в Сав₂ (так сказать, собственно Саввиной книге): гласных букв – 72% (129), согласных – 28% (50). Из этого ряда как будто выпадает Сав₁ с соотношением, близким к «50 на 50», однако высокий показатель у согласных (44%) здесь может быть обусловлен мизерным объемом исходного материала (всего лишь 25 написаний перед дефектом). В Сав₃ и Ниф. по той же причине высокие показатели у гласных, однако это согласуется с данными прочих рукописей.

Относительно малое число согласных букв перед дефектом находит параллель со спорадическими написаниями согласных в конце строки, встречающимися в церк.-слав. рукописях, в том числе в Сав₁ (примеры см. в [2, 39]), Сав₂ (примеры: *влас|ть* – 55, *др|вво* – 41, *з|вѣзды* – 141 об., *коз|да* – 71 об., *прос|то* – 35) и Ниф. (примеры см. в [1]).

Если дефект пергамента (например, обрыв внешнего поля правой страницы) образует конец строки, то в подавляющем большинстве случаев перед дефектом пишется гласная буква (символ | обозначает границу между текстом и дефектом): *прѣдбо|моу* (Панд. 62 об.), *ю|го же* (Новг. 555 в), *глоу|бины* (Ниф. 145 б), *сочи|ма* (Новг. 593 б) и др.

Необходимо различать случаи, 1) когда буква почти вплотную прилегает к дефекту справа, например, *вѣ|дѣнѣа* (Мин. 192), *врѣ|мл* (Новг. 79 в) и 2) когда перед дефектом есть место, достаточное для того, чтобы вписать еще одну и более букв, например, *Ма□|ѡ|моу* (Новг. 113 б), *вь^а|слѣдь* (Сав₂ 37 об.). (Обозначим пространство для каждой потенциально возможной буквы рабочим термином «пробел»). Символы □ и ◻ – пробелы, примерно равные по ширине, соответственно, буквам типа *u* (а также типа *m*) и типа *ī*). Случаи второго рода представляют большую значимость, так как практически снимают подозрения в случайности выбора между гласной и согласной. Пустое место перед дефектом показывает, что у писца были какие-то мотивы для того, чтобы прервать письмо за 1–3 пробела до дефекта. Поскольку написаний с гласной буквой перед дефектом значительно больше, чем с согласной, единственной неслучайной причиной подобных «пустот» может быть лишь стремление переписчика избежать согласной буквы перед дефектом. Так, если бы в написаниях *осмь|деслѣтне□|мь* (Новг. 79 в), *на^а|соушиц|* (Панд. 107 об.), *пою□|ще* Мин. (178 об.), *до□|блиш|* (Мин. 82), *алѣ|лоушѣ□□□| ѡ|тъ*, *нѣ|ма□□| идоу|тъ* (Панд. 114) перед дефектом не были оставлены пробелы, то их место заняли бы идущие в разрез с писцовыми установками одиночные согласные (в приведенных примерах – *m, c, u*) или сочетания с исходом на согласную (*бл, глт, ид*), стоящие после дефекта.

Характерным образом перед дефектом пергамента осуществляется выбор между буквами *u, ou, ю, ка* и их компактными соответствиями *ī, ŷ (š), e, л*. При отсутствии перед дефектом пробелов выбирается либо вариант типа *ī*, если места мало, либо типа *u*, если места достаточно, однако при

наличии пробелов выбирается исключительно вариант типа *и*. Примеры с отсутствием пробелов: варианты типа *и* – *ви¹ноу* (Сав₁ 15 об.), *бл¹оу¹дн¹ицю* (Новг. 77 б), *сь¹е¹д¹инивъ с¹а* (Новг. 595 б), *ка¹ко* Мин. 93 об.; варианты типа *і* – *оч¹і¹ма* (Ниф. 127 б), *с¹бо* Сав₂ 74 об., *ко¹е¹гождо* (Панд. 114), *св¹ѣд¹ѣтельство¹а¹и* (Сав₁ 20). Примеры с наличием пробелов: *сырыи¹мъ* (Мин. 194 об.), *роу¹г¹анише* (Панд. 82), *оумленіе¹ къ словослов¹енію* Новг. 427а, *ка¹же* (Сав₂ 125 об.).

Итак, «правило конца строки» вполне могло быть распространено писцами на позицию «перед дефектом пергамента». На техническом уровне и конец строки, и дефект пергамента

на одинаково требуют переноса того или иного слова: только первый – со строки на строку, а второй – в пределах строки. Это обстоятельство, безусловно, следует учитывать в реконструкции древних церк.-слав. орфографических систем.

Литература

1. Князевская О. А. Об одной графической особенности ростовских рукописей начала XIII в. // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 124–130.
2. Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII в. М., 1999.

Проблема фальсификации и подложных документов в середине XVII века

В. В. Дубовик

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
История русского языка

Summary. The question whether the documents are forged or original becomes vital for any imposter. An imposter Timophey Akindinov, living in the middle of 17th century and posing as a heir of the tsar Vasiliy Shuyskiy, left a great number of handwritten documents. Making documents on behalf of «knyaz Shuyskiy», he did not try to reproduce the style and language of authentic official documents, but formed his own standard of documents, opposing it to the norms of Moscow offices as the standard of «authentic tsars» (Rurukovichy) to the standard of «faked tsars» (Romanovy). Texts not corresponding to the requirements of the «Shuyskiy office» were declared to be faked.

Из подложных текстов XVII века одними из наиболее интересных являются тексты самозванцев. Тимофей Акиндинов – авантюрист середины XVII века, выдававший себя за наследника («последие») царя Василия Шуйского, – представляет особый интерес среди прочих самозванцев, в частности, тем, что написанные им документы сохранились в достаточно большом количестве, которое позволяет систематизировать их определенным образом и выявить основные закономерности их структуры.

Тексты, вышедшие из-под пера «князя Иоанна Тимофея Шуйского», объединяет одна общая особенность: несмотря на то, что жанровая принадлежность документа (челобитная, заемная память, поручная запись, грамота, родословная роспись и т. д.) достаточно очевидна, сам документ не соответствует принятым в московском государстве делопроизводственным стандартам. Формуляр документа, наполнение клаузул, языковое и внешнее оформление текста – то, что, прежде всего, определяло подлинность документа, – последовательно трансформировалось самозванцем. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация: вместо того, чтобы сделать свои документы как можно более похожими на подлинные царские грамоты и документы московских приказов, снимая тем самым вопрос об их подложности, «Иоанн Тимофей» противопоставлял их имевшимся делопроизводственным стандартам, сохраняя только те черты, которые способствовали адекватному восприятию акта.

Подобная трансформация не может быть объяснена слабым знакомством с делопроизводительной практикой, поскольку за более чем десятилетнюю службу в разнообразных канцеляриях (сначала в вологодской съезжей избе, а затем в московском приказе Новая Четверть) Тимофей Акиндинов приобрел устойчивые навыки написания деловых текстов в соответствии с традициями московских приказов, и, соответственно, каждое новое коммуникативное задание у него неизменно соотносилось с набором определенных стереотипов. Следовательно, причины, побуждавшие Лжешуйского изменять общепринятые шаблоны, состояли в ином и были достаточно вескими, поскольку вопрос о подлинности или подложности документов являлся для самозванца буквально вопросом жизни или смерти.

Одно из возможных объяснений состоит в следующем: сопоставление документов, представлявшихся «князем Иоанном Тимофеем Шуйским», с настоящими царскими грамотами и реальными документами московских приказов было бы крайне невыгодно для самозванца с практической точки зрения, а потому он, не следуя существовавшим нормам, создавал свой собственный делопроизводственный ша-

блон и предлагал свою модель правильно оформленного документа, на фоне которой акты, исходившие из московских приказов, оказывались неверно составленными, и, следовательно, подложными. Любопытно в этой связи свидетельство Адама Олеария, сохранившего в своей книге рассуждения Лжешуйского на эту тему, в которых самозванец подчеркивает именно формальную сторону вопроса: «Грамоты, приходившия, ради него, от его царского величества к его княжеской светлости он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. «Богу и людям известно – говорил он – что каждое запечатанное письмо, подобно настоящим, лишенное подписи, не может иметь значения». Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссив или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточным, что оне снабжены большою печатью» [Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 251].

Указанная выше практическая причина непосредственно связана с легендой самозванца и является прямым следствием того, как представлена в ней история московского государства и, в частности, родов Шуйских и Романовых. Род Шуйских, к которому принадлежал «князь Иоанн Тимофей», продолжал династию законных царей Московского государства, тогда как Романовы («ро<д> гостино <и> сотни моско<в>ски<х> купе<ц>ки<х> люде<и> ю<р> евы<х>») «учинились» на престоле «си<л>ны<м> на скакателины<м> обычае<м>» [Извет Приказу новой чети подъячего Тимофея Анкидинова. РГАДА. Фонд 149. Оп. 1. 1646. № 73. Л. 1–5. Цитируемая часть: Л. 4]. Противопоставление «подлинных» и «ложных» царей отражалось в противопоставлении их канцелярий. Документы «последия» рода Шуйских продолжали (подлинную или вымышленную) письменную традицию Рюриковичей, тогда как тексты «злодейных Романовых» были новшеством, введенным людьми, которые «не будучи кн<я>жсково роду рюрикаво колена... не токмо ц<а>рем или великим кн<я>жтем но и кн<я>зем простым быти» не могли [Там же. Л. 2]. Акты, исходившие от подлинного наследника престола, не могли следовать канцелярскому стандарту ложных царей, поскольку подобное обыкновение могло бы не только легитимизировать «подложные» документы Романовых и, опосредованно, их самих, но и поставить под сомнение «истинные» послания самого «Иоанна Тимофея».

Некоторые особенности употребления глагольных форм в Житии Стефана Пермского: специфика восприятия нормы Епифанием Премудрым

А. В. Духанина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Норма стандартного церковнославянского языка, перфект без связки, русский плюсквамперфект, вторичные имперфективы

Summary. The Live of Stephan Permsky by Epiphany Premudry are characterized by specific usage of some verbal forms – the perfect, the plusperfect, forms of imperfective verbs, which differs from that in the most texts of XIV–XV centuries written on standard Church Slavonic. This fact could be explained by specific attitude of Epiphany Premudry towards some morphological norms of hagiographic works.

Житие как текст высокого жанра предполагает соблюдение ряда морфологических норм, образующих оппозицию с вариантами живого древнерусского языка. В Житии Стефана Пермского (ЖСП), созданном Епифанием Премудрым в начале XV века, наблюдаются некоторые особенности употребления глагольных форм, нетипичные для стандартных церковнославянских текстов.

Так, у значительного количества форм перфекта 3 л. (91 форма, что составляет около 63% всех форм 3 л.) отсутствует связка, при том что все они имеют перфектное значение, например:

да елмаже оубв никто же ѿ аїлѣ не бывалѣ || в' Пер'ми, того ради Пер'мская земля штала не кр'чена... (ЖСП, 662 об–663);

Мнѣ же, оубв мнѣ, ннѣ тазыкъ мон приноуѣ гортани моемоу, и гласоу исходу заградилѣ, и не ѡуб ми глсомѣ плакати со восклицаниемъ! (Плач Церкви Пермской) (ЖСП, 758 об) и др.

Кроме того, в одном случае в ЖСП встречается пропуск связки в 1 л. при наличии личного местоимения, которое, очевидно, выступает в качестве синтаксического синонима связки: *онъ же ми ѿвѣща: не оумѣю азъ оумолвити ѡгна и вѣды, не оучилъ азъ сего...* (ЖСП, 711).

Использование форм перфекта без связки было свойственно живому языку, тогда как основным морфологическим признаком стандартного церковнославянского являлось правильное использование всех прошедших времен, в том числе перфекта со связкой ([1, 33], [5, 158, 196–197]).

В одном случае в ЖСП употребляется так называемый русский плюсквамперфект в значении давнопрошедшего действия, характерный для неких текстов ([2, 157–158]): *Бжїи же сщєн'никѣ ѿвѣща, рече емѣ: сим ли хвалѣши, скаанне, многѡвѡжїе в'вѣда, и многы бѡгы нарицаеш, имъ же было подобало постыдѣтисѣ, по реченомоу: да постыдѣтсѣ вси кланѡющїисѣ истоукан'нымъ, хвалѣщїисѣ ѡ идолѣхъ своихъ* (ЖСП, 703 об), в текстах высоких жанров такие формы не использовались.

Еще одной особенностью ЖСП является довольно значительное количество форм вторичных имперфективов на *-ива / -ива*: с учетом разнотений – 24 формы от 16 основ (*оумедливаа* (657), *оумаливаетсѣ* (688об), *не покидывантѣ* (695об), *составиваван* (730 об), *починиваша* (732) и др.). Эта модель имперфективации не характерна для стандартного церковнославянского, по-видимому, в силу близости к живому языку ([4, 47–48]).

В других сочинениях Епифания Премудрого, созданных позднее, – Житии Сергия Радонежского (ЖСР – согласно мнению большинства исследователей, епифаниевская редак-

ция Жития Сергия Радонежского частично сохранилась в составе Пространной редакции ЖСР, см. [6, 62], [3, 155–159] и др.) и Похвальном слове Сергию – указанные особенности представлены не полностью или не представлены вовсе. Так, в епифаниевской части Пространной редакции ЖСР наблюдается такая же картина с использованием перфекта, что и в ЖСП: из всех форм перфекта, употребленных в перфектном значении, 24 формы 3 л. (около 80%) связки не имеют. Отметим также представленную в ЖСР «аномальную» форму *недостало бы* (ЖСР, 90 об) в значении давнопрошедшего действия. Однако форма на *-ива* в ЖСР встречается только один раз: *не наскакывалѣ* (ЖСР, 76 об). В Похвальном слове вообще нет ни одной из отмеченных в ЖСП особенностей.

Таким образом, использование ряда глагольных форм в ЖСП отличается от характерного для стандартных церковнославянских текстов XIV–XV веков. Правильное употребление претеритов (за исключением форм перфекта), сложный синтаксис свидетельствуют о том, что Епифаний Премудрый при создании ЖСП придерживался норм стандартного церковнославянского языка. Однако некоторые глагольные формы он, очевидно, оценивал по-своему, не рассматривая их как некие, недопустимые в житии. Это позволяет сделать вывод об особом восприятии нормы Епифанием Премудрым, которое с течением времени, вероятно, претерпело изменения в сторону общепринятого.

Источники

(Указываются только списки, по которым приводятся цитаты. Всего было исследовано 6 списков ЖСР и по 5 списков ЖСП и Похвального слова.)

ЖСП – по списку: ГИМ, Син. № 91, л. 650–777 (по изд.: Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком.; под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897).

ЖСР – по списку: РГБ, Троиц. № 698, л. 1–107.

Литература

1. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
3. Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
4. Кукушкина О. В., Шевелева М. Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 6.
5. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
6. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

Типы языкового варьирования в повторяющихся фрагментах Пантелеймонова Евангелия XII–XIII вв. (РНБ, Соф. 1)

О. В. Зуга

Удмуртский государственный университет, Ижевск

История русского языка, богослужебные памятники, текстология

Summary. Repetitive readings is an important source for linguistic – textologic learning of the official divinity texts: it allows us to recognize the verge of lexical, word-formative, syntactic, stylistic variants of the creation the manuscript period. There are the models of language variation in repetitive readings of «The Panteleymon Gospel» of XII–XIII centuries shown in the paper.

Известно, что чтения, повторно написанные и представляющие один и тот же текст, могут иметь разную историю в составе одной рукописной книги (см. об этом [4, 130–131]), а следовательно, особенно интересны для лингвиста, изучающего язык того или иного памятника. Материал повторяющихся чтений дает возможность не только определить историю возникновения какого-либо чтения в рукописи, устано-

вить, к какому протографу оно восходит – первому переводу Кирилла или к переводу так называемых комплекторных частей, дополнявших апракос Кирилла до тетра, но и выявить языковые особенности писца последнего (или предшествующего) списка. По сути, тексты, написанные в рукописи два, три, четыре и даже пять раз, позволяют выявить границы лексической, словообразовательной, синтак-

сической, стилистической вариативности периода создания рукописи.

Согласно группировке рукописей полного апракоса Л. П. Жуковской Пантелеймоново Евангелие относится к тем немногочисленным спискам мстиславовского типа и класса, в которых в цикле от пятидесятницы до нового лета содержатся не только дополнительные чтения на субботу и воскресенье 17-й недели, но и предшествующие им чтения на понедельник – пятницу, расположенные непосредственно за чтением на воскресенье, имеющие порядковый номер 16, и в которых «на дни с понедельника по пятницу включены соответствующие чтения 16-й недели цикла новое лето» [4, 286]. Иными словами, тексты Мк XII 13–17 (пн), Мк XII 18–27 (вт), Мк XII 28–37 (ср), Мк XII 38–44 (чт), Мк XIII 1–8 (пт) в пасхальной части рукописи Пантелеймонова Евангелия выписаны два раза: на 16 неделе цикла от пятидесятницы до нового лета (чтения так называемой «дополнительной недели») и на 16 неделе в цикле нового лета.

Вместо ожидаемого совпадения при передаче одного и того же текста наблюдаем существенные различия на всех уровнях языка. Назовем лишь некоторые из них.

В первую очередь обращают на себя внимание *лексические* расхождения (все примеры даются в упрощенном графическом виде; в парах примеров первое слово – из цикла от пятидесятницы до нового лета, второе – из цикла новое лето): Мк XII 13–17 *етери – другья, кинсь – дань, пенязь – цату*; Мк XII 18–27 *воскресить семя брата – вставит племя брата, блудите – прѣльщаетеся, кънигъ – писания, въскръшеиу – въскръсению*; Мк XII 28–37 *съязвощаюся – съвъпрашающяся, искръняго – ближъняго, въ цркви – въ храмѣ*; Мк XII 38–44 *прѣжесѣдания на сънмищихъ – вышьня сѣдания на съборищихъ, язык на язык – страна на страну, будут гласи и мятежи и начало болезнем – будут труси по местом глади и пагуза и мятежи начало болезнем*.

Не менее яркими и показательными являются различия в выборе *морфологических форм*. Примеры интересны отражением разных этапов стяжения полных прилагательных и причастий: Мк XII 18–27 *которому – которууму, мъртвыхъ – мъртвьихъ, живыхъ – живыхъ*; Мк XII 38–44 *поядающихъ – поядающихъ* и т. д.; употреблением разнооформленных глаголов 3 л.: Мк XII 18–27 *поятъ – поя*; Мк XII 38–44 *начать – нача, вметаху – вметаху*; Мк XII 13–17 *глаши – глашиа* и т. д.

Синтаксические отличия: Мк XII 28–37 *ка я есть заповѣдь първая въсѣхъ – яко първѣшии заповѣдь есть въсѣхъ* (в первом примере на месте сравнительной степени употребляется положительная).

Отличительные особенности *словообразования* существительных представлены следующими примерами: Мк XII 13–17 *лицемерие – лицемерство*.

В некоторых случаях текст сокращен. Так, отрывок *и гла имъ чии есть образъ сь и написание они же рекоша ему кеса-рев* отсутствует в стихе Мк XII 16 цикла новое лето, но есть в чтении дополнительной недели.

Кроме того, между сопоставляемыми фрагментами существуют различия *графико-орфографические* и *фонетические*, связанные, например, с разными способами написания слова: под титлом – без сокращений Мк XII 13–17 *члвокомъ – чловѣкомъ*; с употреблением дублетных букв: Мк XII 13–17 *учи / телю – учителю, учи / ши – учи / ши*; имеются расхождения в передаче морфем с редуцированными: Мк XII 13–17 *посълаша – послаша*, а также при передаче сочетаний типа

*tъrt, которые в большинстве случаев передаются в соответствии с «русскими написаниями» (*ѣр, ѣр*), но в некоторых случаях в цикле от пятидесятницы до нового лета эти сочетания передаются «болгарским» способом (*ръ, рь*): Мк XII 38–44 *въвьрь / же – въвьрже, въвьргоша – въвьргоша*, а в цикле «новое лето» обнаружен случай двуерового написания Мк XII 38–44 *въвьрь / же*, правда, в позиции конца строки.

Таким образом, наблюдения над языком повторяющихся отрывков в рукописи Пантелеймонова Евангелия позволяют увидеть существенные различия при передаче одних и тех же текстов.

Анализируемые чтения в дни недели с понедельника по пятницу в обоих циклах не входили в состав краткого апракоса, то есть находятся в той части рукописи, которая дополняет краткий апракос до полного, следовательно, появились в процессе бытования на славянской почве. Обнаруженные в них разночтения могут свидетельствовать о существовании нескольких источников для полноапракосной части рукописи Пантелеймонова Евангелия, яркими отличительными особенностями которых являются употребление стяженных / нестяженных форм прилагательных, причастий и глаголов; разные способы передачи сочетаний типа **tъrt*. Различия могут восходить и к промежуточным спискам, существование которых для анализируемого памятника нами уже доказано ([5] – см. также [2, 97]). Можно также предположить, что указанные расхождения – это результат варьирования форм писцом Пантелеймонова Евангелия (или предшествующего списка). Это тем более вероятно, если учесть, что древнерусские писцы «свободно меняли текст, подчас излагали его своими словами, употребляли разную фразеологию, нередко переписывали не слово в слово, а только передавая общий смысл своего оригинала... даже в богослужебных памятниках, к тексту которых, как ошибочно думают, писцы должны были бы относиться с большим пиететом» [1, 70, 73]. Свобода обращения с текстом в Пантелеймоновом Евангелии приводит к показательным ошибкам при заголовочной идентификации отрывка. Так, в цикле от пятидесятницы до нового лета в заголовках чтений дополнительной недели вместо Марка указан Матфей.

Окончательная интерпретация выявленных расхождений и попытка сделать окончательные лингвистические и текстологические выводы будут возможны только после проведения анализа всех повторяющихся чтений рукописи Пантелеймонова Евангелия и сопоставления выявленных разночтений с другими списками (в первую очередь того же типа и класса) этого памятника.

Литература

1. Жуковская Л. П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопросы языкознания. 1972. № 5.
2. Жуковская Л. П. Повторяющиеся чтения как лингвистический источник // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 72–98.
3. Жуковская Л. П. О текстологическом изучении памятников традиционного содержания // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 183–193.
4. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
5. Зуга О. В. Редуцированные гласные в новгородских Евангелиях XII–XIII вв. (лингвотекстологический анализ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.

Префиксы <пре-> и <пере-> в вестях-курантах XVII века

В. В. Каверина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Деловая письменность XVII в., употребление префиксов

Summary. The report focuses on the use of the prefixes <пре-> and <пере-> in the official newspaper style of the 17-th century in Russia. The analysis of the vast material (300 texts) borrowed from the handwritten newspaper demonstrates a significant turning point in the history of Russian orthography. In particular, the research shows that the prefixes are no longer used homonymously and thus tend to be used discriminately, on their own.

Специфика употребления исследуемых приставок определяется их происхождением. Префикс <пере-> в древнерусском языке являлся полногласным аналогом старославянского неполногласного префикса <прѣ->. Под влиянием церковнославянской письменной традиции последний вошел в русскую письменность наряду с исконно русским <

пере->. Произношение [пре-] способствовало постепенному закреплению в русском языке написания данной приставки через *e – пре-*.

В деловой письменности, строившейся на основе живой разговорной речи, с самых ранних памятников (Грамоты, Русская Правда – [5, 179]) вплоть до XVII в. слова с при-

ставкой *пре-* единичны, предпочтение отдается префиксу с полногласием – <пере-> [4, 109]. Вести-куранты первой половины XVII в. (более 300 текстов, опубликованных Институтом русского языка АН СССР в 4-х книгах: В-К I, В-К II, В-К III, В-К IV), традиционно относящиеся к памятникам деловой письменности, демонстрируют несколько иное соотношение в употреблении префиксов: <пере-> встречается 849 раз, а <пре-> – 472 раза, то есть говорить о единичных словоупотреблениях с неполногласной приставкой здесь не приходится. Исследуемый материал отражает важный этап в процессе «устранения дублетности» [2, 93] указанных префиксов, когда слова с приставкой *пре-* развивают особые значения, употребляясь в определенных, ограниченных контекстах.

В текстах вестей-курантов четко прослеживается закрепленность *пре-* за отдельными лексемами. Это, в первую очередь, формы глагола *пробывать* и образованных от него слов: *пробывают* В-К I 7.248 (число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки – номер воспроизведенного в ней рукописного листа), *пробываю* В-К II 28.175, *пробывате^ны* В-К IV 54.330, *пробывающе^н* В-К III 8.193 (всего 145). Лишь в одном случае с данным корнем употребляется префикс <пере-> – *перебывали* В-К III 1.401, однако если семантика всех слов с <пре-> связана со значением ‘находиться где-либо или в каком-либо состоянии’, то глагол *перебывали* имеет значение ‘были много раз’.

Многочисленна группа слов с префиксом <пре-> и корнем *-свет-*: *пресветлѣше^тва* В-К I 23.70, *пресвѣ^тлость* В-К II 91.20, *пресветлѣшии* В-К IV 48.2 и т. д. (всего 126 словоупотреблений). Префикс <пере-> здесь не употребляется. Вообще, приставка <пре-> часто обозначает превосходную степень, что совсем не характерно для <пере->: *пресла^нные* В-К I 50.173, *превысоко^н* В-К II 50.50, *преди^но^н* В-К III 48.290, *прему^рому* В-К IV 31.74 и под.

Довольно широко представлены в текстах словоупотребления с префиксом <пре-> и корнем *-да-*: *предаю* В-К II 65.327, *предаю^т* В-К III 51.169, *преда^тся* В-К I 6.2 и т. д. (всего 92). Все эти словоупотребления со значением ‘передать’ и ‘передаться’ употребляются в устойчивых конструкциях, характерных для этикета деловой переписки, таких, как *пре^дно тебя г^оря в сохранение б^гу всемогущему* В-К II 84.15, *тебѣ со вѣ^тмь домо^м я в сохранение і в м^лт^ь превыше предаю* В-К I 51.169 и др. Подобного рода «традиционные формулы» [1, 151], или «трафареты» [3, 172], заканчивают едва ли не каждый текст вестей-курантов, и в них не отмечено ни одного случая употребления полногласного <пере->, что, очевидно, объясняется сакральным содержанием указанных выражений и влиянием церковнославянской традиции. Заметим, что в стандартных «формулах» документов делового содержания, напротив, «славянизмов обычно нет» [4, 110]. В контекстах, не связанных с этикетом переписки, в вестях-курантах также употребляется <пере->: *передава^т* В-К I 22.44, *передаем^ь* В-К II 25.126, *пере^дл^яся* В-К III 17.222, *переда^тся* В-К IV 51.254 и т. п. (всего 11). Например: *...ашьби де ла сау^н с во^нсковы^н нарядо^н и с пу^нками к сое^ннымъ люде^н преда^тся*.

Стабильно употребление <пре-> в словах *беспрестанный*, *беспрестанно* и однокоренных. В 49 случаях здесь находим *пре-*: *бе^нпреста^но* В-К I 45.6-7, *беспреста^но* В-К II 6.68, *бе^нпреста^ни* В-К IV 21.20, *беспреста^ная* В-К III 10.63 и т. д. И лишь в 9 *пере-*: *бе^нпереста^но* В-К I 41.202, *беспереста^но^н* В-К III 22.259, *беспереста^но* В-К II П5.1, *бесперестань* В-К IV 28.61 и под. Однако, несмотря на столь очевидное преобладание приставки <пре->, не отмечено ни од-

ного случая замены чернового <пере-> на <пре-> в беливке: черновое *бе^нпереста^ная* В-К II П9.225 переписано без изменения приставки <пере-> – *беспереста^ная* В-К II 23.117. Интересно, что однокоренной глагол *перестать* употребляется только с префиксом <пере->, а в прилагательном *пре^та^но* В-К I 16.24 (в значении ‘беспрестанный’), несмотря на отсутствие приставки *без-*, пишется *пре-*.

Влияние церковнославянской традиции могло бы обусловить большее единообразие в написании глагола *преставиться* и производных, однако в вестях-курантах обнаружено 12 случаев с <пре-> (*преставил^я* В-К I 27.19, *преставля^нца* В-К IV 1.289, *преставлен^я* В-К III 15.181, *преставлѣше^н* В-К IV 39.99 и т. д.) и 6 с <пере-> (*переставил^т* В-К I 30.25, П5.82, *перестави^тся* В-К IV 23.28, В-К II 30.202, 73.514, *перестави^тся* В-К II 73.580). Не отмечено замен <пере-> на <пре->: из черновика В-К I П5.82 написание *переставил^т* перенесено в текст В-К I 30.25 без изменений.

В словах с корнем *-мен-* также могут употребляться оба префикса – <пре-> и <пере->. Здесь предпочтительным является <пере->: *перемени^т* В-К I 37.57, *перемѣ^ны* В-К I 15.183, *перемене^не* В-К II 25.119, *переменьное* В-К IV 1.288 и т. д. (всего 52). Приставку <пре-> находим лишь в 9 случаях: *пременение* В-К I 22.1, *пременьне* В-К III 24.57, В-К IV 1.263 и др. Интересно, что <пре-> отмечен лишь в отглагольном существительном *пременение*, наиболее книжном и отвлеченным из однокоренных.

Кроме приведенных выше случаев, приставку <пре-> находим в единичных словоупотреблениях: *преврати* В-К II 18.249, *преложат* В-К II 23.190, *преступлен^е* В-К III 23.14, *преклоняю^т* В-К IV 13.29, *престола* В-К I 24.118, *пререка^тя* В-К I 6.47, *прево^ннесе^не* В-К I 22.30 и под., где обычно не встречается <пере->.

Итак, употребление <пре-> в вестях-курантах связано с определенными условиями – лексической или фразеологической закрепленностью, тогда как <пере->, более характерный для живой речи, используется чаще и разнообразнее: *перебегаю^н* В-К I 22.15, *переведено* В-К IV 29.51, *переговаривали* В-К I 39.117, *передаю^т* В-К II 25.126, *пере^дх^ан^т* В-К I 16.27, *пере^вать* В-К III 53.387, *перемали* В-К I 38.8, *перекрестити* В-К II 78.487, *пере^нли* В-К I 23.74, *перелазо^т* В-К I 35.6, *переможет^ь* В-К II 45.319, *переедѣ^нся* В-К I 6.28, *перемѣ^нны^н* В-К III 13.190, *перетонил^т* В-К II 7.31, *перети^сывают^ь* В-К III 59.23, *пересы^тки* В-К IV 4.188 и т. д. Интересно написание *переграды* В-К IV 10.30, где исконно русский префикс <пере-> сочетается с церковнославянским неполногласным корнем <град->.

Литература

1. Дерягин В. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важных порядных XVII в.) // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971. С. 151–188.
2. Жученко Н. К. О стилистическом использовании старых и новых форм разноприставочных глаголов // Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Вып. 7. Саратов, 1974. С. 92–98.
3. Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 157–172.
4. Улуханов И. С. Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XV–XVII веков // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 58–121.
5. Улуханов И. С. Славянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI–XIV веков // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978. С. 106–186.

Орфоэпические варианты <ѣ> (ѣ) в поэтическом языке А. Кантемира

В. В. Калугин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Церковно-книжное произношение, поэтический язык, орфоэпический вариант

Summary. Orthoepic variants <ѣ> (ѣ) in Kantemir’s poetic language belong to different styles. Reading the letter ѣ as [i] in versification of psalms continues the tradition of Ukrainian pronunciation and is included into the number of features of lofty style. Kantemir’s satires, which are the works of low genre, is oriented to «simple conversation». In the satires <ѣ> is pronounced as the diphthong [□e] (as in well-educated sphere of Russian society in middle 18th century) and sometimes it is rhymed with stressed [e] because of national speech’s influence (as a poetic licence).

Начиная с середины XVII в. в русском обществе, в кругах светской и духовной знати, быстро распространяется мода

на западноевропейское партесное пение и киевских певчих, греческий и киевский церковные распевы, ученую пропо-

ведь и экзегетику, новую барочную поэзию и театр. Новые вкусы и увлечения способствовали развитию устных форм церковнославянского языка и проникновению фонетических украинизмов в русское книжное произношение. Самый заметный из них – искусственное чтение буквы *ѣ* как [и] [2, 334–335]. Такое произношение стало допустимым орфоэпическим вариантом в высоком стиле. У белоруса Симеона Полоцкого рифмы с перекличкой ударных [ѣ] ~ [и] или [ы] после твердой согласной хотя и не столь обыкновенны, как у украинских писателей, но все же встречаются в стихах и белорусского, и московского периодов творчества. В его «Псалтири рифмоторной» (М., 1680) образуют созвучия: *не храниша ~ не хотѣша, языковѣ ~ челоуѣковѣ, велика ~ челоуѣка* (Пс 77, 78, 89), а в «Рифмологионе»: *владыка ~ вѣка, мирно ~ вѣрно, толкѣ ~ члѣкѣ, невѣсто ~ пречисто, свѣклита ~ свѣта, свѣклита ~ лѣта, міра ~ вѣра, міръ ~ вѣръ* и т. п. [3, 98 об., 126 об., 273 об., 282, 328, 336 об., 371, 375, 391].

Такие случаи можно (а иногда и нужно) рассматривать как обычные в виршах консонансы. Однако не следует думать, что поэты-силлабисты с безразличием относились к ударным гласным в рифмах. В «Рифмологионе» исправлено другой рукой *блѣодѣтелю* на *блѣодателю*, и эта замена вызвана желанием найти более точное соответствие к рифме *со³дателю* [3, 252 об.]. Украинское влияние допускало ударные [ѣ] ~ [и] как полные и точные созвучия в барочной поэзии. В России первой трети XVIII в. такое произношение поддерживалось авторитетом виднейших деятелей украинцев Димитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и др.

В отличие от Феофана Прокоповича, своего старшего товарища по «ученой дружине», Антиох Кантемир произносил <ѣ> как дифтонг [иэ]. При этом он четко отличал его от монофтонга [э] и допускал их рифмовку только как поэтическую вольность. В «Письме Харитона Македнина к приятелю о сложении стихов русских» (гл. 3, § 15.2) среди вольных рифм особо указаны гласный [э] и «двухгласный», дифтонг, [иэ]: *скоротечный ~ вѣчный, хмѣльные ~ цѣльные* [1, 412]. Такие вольные рифмы отражают совпадение [иэ] и [э] в народно-разговорной речи XVIII в.

Совершенно иначе звучит <ѣ> в переложениях Кантемира 36-го и 72-го псалмов, выполненных книжно-славянским языком с аористами и другими многочисленными архаизмами. Здесь последовательно рифмуются ударные [ѣ] ~ [и] или [ы], образуя полные созвучия в словах *нечиста ~ мѣста, излишны ~ грѣшный, премѣна ~ сына, уста ~ мѣста* (*Metaphrasis Ps. 36*, всего 7 примеров на 113 строк), *болѣзни ~ жизни, или ~ стрѣлы, совѣты ~ погрѣшити, дѣла ~ свѣтила, сила ~ дѣла* (*Metaphrasis Ps. 72*, 14 случаев на 176 строк – [1, 252–259]). Так же произносит <ѣ> Кантемир в дружеском послании Прокоповичу *Epodos consolatoria ad oden pastoris Pimini sortem gregis sub tempestatem deplorantis*: *дѣлах ~ творилах, духу ~ умѣху* (5 примеров на 152 строки) [1, 261–262, 264]. Но такое произношение не во всех его стихах.

Рифм с перекличкой ударных [ѣ] ~ [и] вообще нет в сатире писателя, причем они отсутствуют и в их Первоначальной, и в Окончательной редакции с ее установкой на «простой разговор». Их нет и в обращенной к Феофану Прокопо-

вичу 3-й сатире «О различии страстей человеческих», многократно перерабатывавшейся. Здесь, как и в других сатирах, рифмуются созвучные слова с ударным дифтонгом [иэ]: *дѣло ~ смѣло, вѣры ~ мѣры* и мн. др., а изредка допускается вольная рифма с монофтонгом [э]: *передний ~ послѣдний, несчетно ~ примѣтно* [1, 380, 383, 386]. Дело, разумеется, не в смене орфоэпических установок поэтом в ранний и зрелый период творчества, как это утверждается в научной литературе ([1, 437]; [2, 334 – сн. 25]). Эпод Прокоповичу и Первоначальная редакция 3-й сатиры написаны в одном и том же, 1730 г., и его второй половиной датируются по историческим реалиям переложения 36-го и 72-го псалмов [1, 448–449, 476, 477–478].

Орфоэпические варианты <ѣ> в поэзии Кантемира принадлежат разным стилям. В переложениях псалмов чтение буквы *ѣ* как [и] продолжает традиции украинского произношения и входит в число признаков высокого стиля книжной речи, которые использовались наряду с церковнославянскими, «чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога» («Письмо Харитона Македнина...», гл. 1, § 5) [1, 408]. Сатиры же, произведения низкого литературного жанра, ориентированы на «простой разговор» согласно учению о трех стилях. Кантемир постоянно подчеркивал, что они отличаются «низким стилем», «простым и народным почти стилем» и т. п. («Речь к... Анне Иоанновне, императрице... Всероссийской», 1731) [1, 268, ст. 20, 41]. В сатирах <ѣ> произносится как дифтонг [иэ] (как в образованной среде русского общества XVIII в.), а иногда рифмуется с ударным [э] под влиянием живой народной речи, что разрешалось как поэтическая вольность.

Epodos consolatoria Кантемира, принадлежащий к среднему стилю, был написан в ответ на элегию Феофана Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастьи» (1730), где [ѣ] произносится как [и]: *не видно ~ многобѣдно* [1, 477]. Продолжая поэтический диалог, Кантемир сознательно подбирает в эпосе рифмы с перекличкой ударных [ѣ] ~ [и], естественные для Прокоповича. Это социально значимый вариант произношения. Эпод и переложения псалмов были рассчитаны на слово произносимое, звучащее перед слушателями, еще сохранявшими связь с предшествующей литературной традицией и старыми орфоэпическими нормами силлабической поэзии.

Реанимация отжившего церковно-книжного произношения не удалась. В послепетровскую эпоху фонетический украинизм опустился до уровня ненормативного, резко провинциального употребления. В статье «О правописании» (1771–1773) А. П. Сумароков, нетерпимый к украинскому элементу в русском языке, назвал его «малороссийским испорченным выговором» [4, 26–27].

Литература

1. Кантемир А. Собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. 2-е изд. Л., 1956. (Большая серия).
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
3. Симеон Полоцкий. Рифмологион. ГИМ. Синодальное собр. № 287. 1°.
4. Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1782. Ч. 10.

Изучение памятников древнерусской письменности в контексте историко-культурной парадигмы средневековья на филологических факультетах университета

О. Г. Каменская, Э. К. Мустафина

Тольяттинский государственный университет

Антропоцентризм, диахрония, лингвистическая и культурологическая компетенция

Summary. Authors represent experience of realization of the anthropological approach in preparation of students-philologists at studying historical grammar on the basis of monuments of old Russian writing.

Антропологическая ориентация сегодняшней лингвистики приводит к исследованиям, реализуемым на стыке ее с такими дисциплинами, как социология, этнография, культурология. Это касается исследования языка как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, поскольку средневековая культура, как и современная, жила и развивалась

в «языковой оболочке», определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов человека, который отразился в языке.

Известно, что в условиях современного вузовского образования русский язык относится к коммуникативно направленным дисциплинам, обеспечивающим появление нового идеала человека образованного в виде «человека

культуры», обладающего умственной, этической, общественно-духовной культурой. Средством и условием достижения этого идеала, самой целью образования становится культура личности с достаточно высоким мировоззренческим и понятийным уровнем развития, с осознанными мотивами выбора профессии. На достижение данной цели направлены все дисциплины лингвистического цикла, в том числе и историко-лингвистического, формирующие коммуникативную компетенцию студента, складывающуюся, на наш взгляд, как из лингвистической, так и из культурологической компетенции. Другими словами, формирование лингвистической компетенции должно включать в себя лингвистическое и нравственное содержание, когда в процессе изучения русского языка, знакомства с его историей происходит приобщение студентов-филологов к национальной культуре, формирование у молодого поколения общечеловеческих ценностей и возрождение русских национальных и культурных традиций, т. е. расширение их общей культурологической компетенции. Обращение к памятникам древнерусской письменности на занятиях по истории русского языка дает возможность студентам не только в полной мере представить развитие языковой системы восточных славян, но и оценить средневекового человека, его культуру и в известном смысле «реконструировать» культурные факты и духовные ценности наших предков. А если принять во внимание тот факт, что любая культура, по определению Ф. Ницше, – это «самореализация человека» [1, 98], то, постигая человека, и в частности его язык, мы можем, погружаясь на разную глубину его истории, понять древнего человека и архетип его культуры.

Работа с древнерусскими текстами на занятиях по исторической грамматике, позволяет ввести студентов в культурный контекст Древней Руси, чтобы воспитать из них людей духовных, почитающих предков своих, понимающих свою историческую миссию; чтобы ценности усваивались ими не через лозунги и пропаганду, а через культуру русского народа, через его духовные ценности.

Именно язык формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира, которая в разных культурах моделируется, естественно, по-разному. Только язык позволяет увидеть и понять человека «изнутри» [2, 6]. А для того, чтобы, хотя бы в самом общем виде, представить жизнь далекого предка, нужно попытаться взглянуть на мир его глазами. Понять особенности видения этого мира, восстановить его представление о жизни и ее ценностях, попытаться понять его «изнутри». Но чтобы понять человека, надо, в первую очередь, познать его духовный мир. «Разгадать тайну о человеке, – писал в свое время Н. Бердяев, – значит разгадать тайну бытия. Познать самого себя, и через это познать мир» [3, 86]. Но познать древнего русича, жившего в далеком средневековье, понять, «каким видел он средневековый мир, каким видел самого себя» можно только через обращение к памятникам древнерусской письменности, раскрывающим тайны картины мира и общественной психологии.

Поэтому чрезвычайно важное значение для изучения исторической грамматики русского языка играет подбор текстов, т. к. при анализе языка древнерусских текстов в цен-

тре нашего внимания оказывается человек как личность, включающий, с одной стороны, психологические особенности, определяющие его индивидуальность, а с другой – социальные, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе, т. е., по сути дела, в центре нашего внимания на занятиях по исторической грамматике должен быть именно этот «фактический человек», человек социальный в контексте интеллектуального языка и культуры Древней Руси, отразившейся в древнерусском языке.

Для анализа на занятиях по исторической грамматике должны отбираться тексты самых различных жанров: художественные (например, «Слово о полку Игореве»), летописные повествовательные (например, отрывки из знаменитой «Повести временных лет» – легенды «О смерти Олега», «О крещении Ольги», «О мести Ольги» и др.), нравоучительные («Поучение Владимира Мономаха», «Домострой»), тексты делового характера («Русская правда»), бытовые тексты (берестяные грамоты) и др.

Так например, выбор для анализа «Слова о полку Игореве» обусловлен прежде всего его художественной ценностью в культурном наследии русского народа. Ведь этот памятник, посвященный горестному историческому событию – поражению русских в походе против половцев, оказался одной из самых больших побед древнерусского образного слова.

Совсем иной характер имеет другой памятник русской культуры – «Повесть временных лет», который представляет собой своеобразную историческую энциклопедию, из которой можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многих важных событиях русского государства, и об исторических личностях, ставших легендой.

В лингвокультурологическом аспекте безусловный интерес представляет текст делового характера – «Русская правда». Он погружает студента в особый мир восприятий и ощущений древнего русича, его понимания добра и зла и их оценки, позволяет сравнить их с современными представлениями о морали. Здесь нашла свое выражение живая речь восточных славян, а также письменная речь княжеских канцелярий.

Не менее важным может быть обращение к материалу писем на бересте. С одной стороны, берестяные грамоты дают возможность познакомиться с живой разговорной речью древних русичей, а с другой, эти «послания из глубины веков» позволяют проникнуть в далекое прошлое, услышать голос далекого предка.

Избранный нами путь изучения истории языка на основе памятников древнерусской письменности позволяет эксплицировать средневековую языковую личность в ее языко-творческом акте.

Литература

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
3. Бердяев Н. Смысл творчества // Бердяев Н. Собр. соч. Т. 2. Paris, 1985.

О семантической сопряженности единиц *добро, благо, зло* в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку*

Л. Ф. Килина

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Историческая семантика, летопись, оценочный аспект текста, семантический синкретизм

Summary. In the paper analyzed semantic relations between units *добро, благо, зло* in «Tales of temporary years» on Lavrentjev's list, are defined the particularities of semantics and specifics of expression.

Историческая семантика, в отличие от семантики современной, не имеет возможности апеллировать к информантам, а лишь к тем письменным памятникам, которые дошли до наших дней. Одним из таких текстов является «Повесть

временных лет», где, по нашему мнению, отражается культурно-языковой мир древнего русича, и именно семантический анализ дает возможность выявить наиболее значимые для этого времени концепты, определить их содержание.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5366.2006.6.

Рассматриваемые языковые единицы входят в семантическое поле, которое условно можно обозначить 'добро/зло'. Единицами данного поля будут являться все слова (большой частью имена), связанные не только по смыслу, но и по принадлежности к категории оценочных слов.

В первую очередь нас интересует, как связаны по смыслу *добро* и *благо*. Все, что доступно для понимания человека, что он может увидеть, почувствовать, осознать, определить, может быть только добром, но не благом, поскольку последнее слишком отвлеченное понятие. Не случайно в исторических словарях мы находим *благо* 'благо, добро' ([1]), а *добро* 'все положительное, хорошее; то, что хорошо, полезно, приятно; добро, имущество, пожитки' ([1]), 'благо; доброта; имение' ([3]), 'все хорошее, доброе, честное, благопристойное; счастье; имущество, богатство' ([2]).

Таким образом, авторы словарей не смогли толковать *благо* иначе, как через *добро*, поскольку именно последнее конкретизировано в нашем сознании. Однако, как видим, и *добро* может трактоваться как *благо*, но в этом случае *добро* – наивысшая степень проявления этого качества, поскольку изначально *благо* – атрибут сферы Бога, Бог и есть благо.

В тексте «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку указанные имена употребляются не так часто (*добро* – 16 раз, *благо* – 4 раза), что, конечно, обусловлено жанровой спецификой летописи как памятника светского характера. В то же время эти немногочисленные примеры невозможно анализировать без учета достаточно широкого контекста, а также без учета структуры текста, его композиционных особенностей, а потому в конечном итоге при исследовании задействован большой арсенал языковых единиц.

При подсчете мы не учитывали те случаи, когда категориальный статус единиц вполне определен (адъектив, субстантиват), в анализируемых же контекстах далеко не во всех случаях это можно четко установить, и в этом мы видим проявление семантического синкретизма древнего имени. Наиболее прозрачными с точки зрения смыслового наполнения являются фрагменты, где речь идет о признаке, т. е. о характеризующем имени (*добръ* и *благъ*), во всех же остальных примерах можно говорить о качественном имени, обозначающем либо средоточие всего положительного, что есть на свете, либо вполне конкретное доброе дело.

Человек может оценить то, что полезно, приятно, хорошо для него, именно поэтому может творить добро: *колико добра створишь Русьстѣи земли крѣтивъ ю* (45), *велико добро створиши землѣ Русскѣи* (93 об.). В данном случае *добро* вполне конкретно и понятно, субъектом оценки здесь является человек, а объектом – его действия, в то время как *благо* (в силу его отвлеченности) не всегда можно оценить и понять. Только Бог владеет знанием о том, что такое *благо*, и только Бог может даровать *благо* как собственную милость.

Этот тезис находит подтверждение в рассказе о нападении половцев на Русь (год 1068): *Наводит бо Бъ по гнѣву своему иноплемьники на землю и тако скрушенымъ имъ въспоманутсѣ къ Бу оубоная же рать бѣваетъ от соблажненъ дьявола Бъ бо не хоцетъ зла члвкъ но бла* (56 об.). Здесь мы видим противопоставление *зло* – *благо*, которое фактически сводится к противопоставлению *Дьявол* – *Бог*, причем именно Бог посылает иноземников с тем, чтобы люди отрелись от зла, т. е. обратились к Богу, тогда как междоусобные войны – происки Дьявола, соблазняющего людей, склоняющего их ко злу. Таким образом, авторская позиция обозначена здесь весьма четко: победа половцев над русскими – это Божья кара: *грѣхъ же ради нашихъ пусти Бъ на ны поганья* (56 об.), и с этой точки зрения отнюдь не зло, а, напротив, ступень к благо.

Таким образом, *добро*, *благо* и *зло* – единицы, которые, безусловно, обладают семантической близостью, кроме того, семантически дополняют друг друга: *добро* и *зло* могут обозначать конкретные, земные, внешние проявления, действия человека, когда последний является субъектом (а иногда и объектом) оценки, *благо* и *зло* могут обозначать сферу божественного и дьявольского (в этом случае субъект оценки Бог). То, что человек может оценить как *зло* (нападение врагов), Бог может оценить как *благо*, как возможность познания божественной истины, и в этом случае у *добра* и *блага* нет общего.

Литература

1. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988–.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979–.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Статус и формы «чужой речи» в древнерусской житийной литературе (на материале житий XII–XIII вв.)

В. П. Киржаева

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск

Концепция «чужой речи» М. М. Бахтина, линейный и живописный стили передачи чужой речи, агиография, прямая и косвенная речь, внутренний монолог

Summary. The main idea of the paper is the analysis of the «another's speech» functions in Old Russian hagiographic texts and the different forms of its representation.

Строгая детерминированность литературных канонов «этикетностью» литературы, отражающей этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный, которые складываются в единую нормативную систему, определяемую не внутренними требованиями жанра, а предметом изображения, определяют и иной, чем в современной литературе, языковой статус автора, рассказчика и героев.

Одна из возможных интерпретаций данной темы связана с разработкой проблемы «чужой речи» М. М. Бахтиным («Марксизм и философия языка» ([1] – в дискуссии о «спорных текстах» мы придерживаемся мнения о бахтинском авторстве книг, изданных под именами В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева – см.: С. Г. Бочаров, В. Л. Махлин, Н. Н. Николаев, О. Е. Осовский), «Проблемы поэтики Достоевского»). Определяя это понятие как «синтаксические шаблоны (“прямая речь”, “косвенная речь”, “несобственно прямая речь”)... для передачи чужих высказываний и для включения этих высказываний именно как чужих в связный монологический контекст», он указывает, что «авторское высказывание, принявшее в свой состав другое высказывание, вырабатывает синтаксические, стилистические и композиционные нормы для его частичной ассимиляции...

сохраняя... хотя бы в рудиментарной форме, первичную самостоятельность... чужого высказывания». Динамика взаимоотношений авторской и чужой речи может развиваться в рамках линейного стиля передачи чужой речи, когда наблюдаются строгое соблюдение ее аутентичности и стремление к созданию устойчивых моделей, служащих «оградению ее от проникновения авторских интонаций, к сокращению и развитию ее индивидуально-языковых особенностей», и живописного стиля, когда реализуется тенденция «стереть внешние контуры чужого слова» через восприятие не только предметного смысла чужого высказывания, но и всех языковых особенностей его словесного воплощения. По мнению М. М. Бахтина, в памятниках древнерусской литературы отражен именно линейный стиль – при почти полном отсутствии шаблона косвенной речи и господстве обезличенной (в языковом смысле) прямой речи в них.

Анализ форм взаимодействия авторской и чужой речи в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского и Житии Авраамия Смоленского подтверждает наблюдения историков русского языка (Л. Е. Лопатина, А. И. Молотков, Е. С. Отин, В. Л. Ринберг, Я. А. Спринчак и др.) о наибольшей характерности для раннего периода развития пись-

менного языка бессоюзной конструкции прямой речи, передающей чужую речь с наибольшей степенью аутентичности (и моляше ся богу глаголю господи иисусь христе мои услыши молитву мою – ЖФП), и союзной конструкций прямой речи, где самый частотный союз *яко* выполняет формальную функцию присоединителя чужой речи и показателя этой речи, выделяющего сообщение в сообщении и, в соответствии со своим значением, ослабляет эффект непосредственного восприятия «чужой» речи, акцентирует ее отдаленность от авторского повествования (рассказ с чужих слов, о прошедших событиях, высказывание, имеющее вневременное значение и т. п.) или приблизительность (и яко съказаши Святотѣлку, яко сътворихом повеленое тобою, и си слышав, възнесеся срѣдцею – СБГ).

Косвенная речь оформляется союзными конструкциями, что наиболее употребительно (*нача съ молбою увещевати и да не отбежитъ от нея* – ЖФП; и тогда съказаши ему яже слышаша от приходящихъ отътуда како видеша свет и свеще въ пустее месте – СБГ), и – значительно реже – бессоюзными (*но яко есть пасущихъ душа приимати беды, и швед зотона в сердца бесчинныхъ, въздвиже на нь и начаша овии клеветати епископу, инии же хулити и досажати, овии еретика и досажати, овии еретика нарицати, а инии глаголаху на нь глубинныя книги почитаетъ, инии же к жезнамъ прикладающе* – ЖАС).

В исследованных источниках выделяются и диффузные, контаминированные конструкции, отражающие, очевидно, степень перехода от формы прямой речи к косвенной и содержащие как элементы прямой речи, так и элементы косвенной (*И то слышавъ посла Смоленску на възискание презвутеры, рекый яко то есть брат мои* – СБГ; *И заповѣдано же бысть по всей странѣ той аще кѣде видѣше такого отрока да пришѣдше възвѣстите матери его и велику мзду примуть о възвещении его* – ЖФП).

Традиционное представление о подавляющем доминировании конструкций прямой речи над косвенной в древнерусской письменности требует определенной коррекции: так, если в Сказании о Борисе и Глебе оно очевидно (76 случаев к 12), то в более позднем Житии Авраамия Смоленско-

го расхождения в употребительности не столь существенны (43 случая к 30).

Анализ «степени объективности» в слове изображенного лица показывает, что без прямого указания автора речи невозможно определить, кому она принадлежит, поскольку в ней не содержится даже элементов социально-типической или индивидуально-характерологической определенности. Объектное слово, таким образом, совпадает в своих функциях с прямым и непосредственным предметно-направленным словом. Обе формы чужой речи как бы растворены в авторском контексте, не различаясь с ним в ориентации лишь на предметный смысл, оставаясь «выражением последней смысловой интонации говорящего». В «Проблемах поэтики Достоевского» (Собр. соч. Т.6. М., 2002) Бахтин выделяет одностолосое и двустолосое слово. Если первое связано с «прямым и непосредственным предметно направленным словом – называющим, сообщающим, выражающим, изображающим, рассчитанным на непосредственное же предметное понимание», и представляет собой «изображенное или объектное слово», наиболее типичный и распространенный вид которого – прямая речь героев; то второе реализуется, когда автор использует «чужое слово для своих целей и тем путем, что он вкладывает новую смысловую направленность в слово; уже имеющее свою собственную направленность и сохраняющее ее. При этом такое слово, по заданию, должно ощущаться как чужое» (ППД. С. 209, 210).

Объектное слово представлено и цитатами из авторитетных текстов, использующимися не столько как средство придания большей значимости, подтверждения истинности авторской позиции, сколько как средство выявления того образа, на который ориентируется автор жития в своем повествовании, что еще раз подтверждает мнение о житии святого как прямом предметно направленном слове, знающем «только себя и свой предмет, которому оно стремится быть максимально адекватным» (ППД. С.217).

Литература

Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

Типы грамматической нормы публичной церковной проповеди 1740-х гг.

Е. И. Кислова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Норма, проповедь, XVIII в., церковнославянский, история русского литературного языка

Summary. In this paper we discuss the norm of public church sermon, its types that existed in the 1740s, show the specificity of co-existence of Russian and church Slavonic grammatical elements in texts of the genre.

Жанр публичной церковной проповеди является одним из наиболее значимых жанров духовного красноречия XVIII в. С середины XVII в. началось активное проникновение сложившегося в Юго-Западной Руси типа новой школьной или схоластической проповеди в Московскую Русь. В течение всего XVIII в. шло постепенное развитие и укоренение этого жанра в русской культуре. 1740-е гг. являются периодом наивысшего расцвета проповеднического искусства и наибольшей роли проповеди в культуре. К 1750-м представленное многообразие нивелируется, происходит выработка стандартного языка проповеди, реализовавшегося в проповедях Гедеона Криновского и затем получившего государственную поддержку в публикации сборника «Собрание разных слов и поучений на все воскресные и праздничные дни» Гавриила Попова и Платона Левшина в 1775 г. Язык проповеди проходит в течение XVIII в. путь от церковнославянского к русскому, и пик этого процесса падает именно на 1740-е гг.

Публичные проповеди в начальные годы правления Елизаветы Петровны произносятся и издаются крайне активно, упоминается о 120 проповедях, произнесенных и изданных с 1741 по 1754 более чем 40 проповедниками. Эти тексты публиковались непосредственно после произнесения, однако никогда не переиздавались и никогда ранее комплексно не исследовались.

Они являются уникальным источником для истории русского литературного языка XVIII в., которая традиционно строится на описании текстов художественной литературы и языка отдельных авторов. Язык деловой и канцелярской

письменности и язык духовной литературы остаются вне истории русского литературного языка. Между тем, именно на материале проповеди наглядно видно, как постепенно формируется отношение авторов к церковнославянским языковым элементам в русском литературном языке, как проповедь переходит от церковнославянского языка к русскому, который содержит только отдельные «генетические» церковнославянизмы типа звательного падежа *отче* или аориста *рече*.

Норма данного жанра находится в зоне влияния церковной книжности и церковнославянского языка, однако для проповеди важнейшей целью является понятность читателю или слушателю, что провоцирует проникновение в текст элементов русского языка. Проповедь является риторическим жанром, что сводит к минимуму случайность употребления той или иной формы. Язык проповеди представляет собой сложное сочетание значимых церковнославянских и собственно русских элементов, употребляемых не хаотично, но по определенным принципам. Эти принципы, повторяясь у разных авторов, формируют представление о единой грамматической норме проповеди данной эпохи.

Норму мы понимаем как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» [1, 27]. Иными словами, мы будем понимать вариативность нормы как значимый, осознанный выбор из членов существовавших оппозиций, маркированных как принадлежащие к системе церковнославянского или русского языка.

Анализ глагольных форм, проведенный на материале 29 текстов, позволил выделить 3 основных типа гомилетической нормы данного периода: славянизированный, экспериментальный и русифицированный.

В славянизированном типе нормы наиболее значимые и употребительные грамматические элементы – инфинитив, нейтральный претерит, форма 2 л. ед. ч. – реализуются церковнославянскими формами (от 70% и выше); число русских форм крайне невелико (около 10%).

В русифицированном типе нормы основные грамматические элементы реализуются практически только русскими формами (около 70–80% и выше); число церковнославянских форм невелико (менее 20%).

Однако большая часть исследованных текстов относится к экспериментальному типу гомилетической нормы: русские и церковнославянские грамматические элементы могут употребляться в них в зависимости от грамматической формы, контекста, личных представлений проповедника о должном употреблении. Внутри этого типа можно выделить 3 подтипа:

а) сниженный славянизированный – основные элементы реализуются преимущественно церковнославянскими формами (60–80%), но 1–2 обязательных элемента имеют высокие показатели русских форм (20–40%).

б) вариативный славянизированный – русские и церковнославянские формы пр. вр. имеют сопоставимое или примерно равное число употреблений (от 30 до 60%); инфинитив представлен преимущественно или почти исключительно церковнославянскими формами.

в) славянизированный русифицированный – русские формы в пр. вр. преобладают (около 60% и выше), в инфинитиве имеют высокие, но не преобладающие показатели (до 30%).

В целом гомилетическая норма 1740-х гг. характеризуется преобладанием церковнославянских грамматических реализаций значимых элементов при возможности употребления в различных контекстах русских форм. Так, в абсолютном большинстве текстов (25 из 29) преобладает форма инфини-

тива с безударным *-ти*, в 20 из 29 употребляется исключительно форма 2 л. ед. ч. наст. вр. с окончанием *-ши*.

Сложнее ситуация с употреблением церковнославянских форм прошедшего и аналитического будущего времени: оно требовало большей осознанности и лучшего понимания механизмов функционирования церковнославянского языка. Тем не менее формы аориста употребляются в 28 текстах и из 29, в 15 текстах они преобладают. Формы будущего времени с вспомогательным глаголом *имамь* употребляются в 20 текстах; текстов, в которых бы фиксировалось будущее время только с вспомогательным *буду*, не отмечено. Таким образом, церковнославянские грамматические средства должны быть признаны той основой, от которой делается отступление в пользу русских грамматических элементов.

В целом язык проповеди 1740-х гг. характеризуется следующими важными чертами:

1. Отсутствие кодификации данного типа нормы. Очевидно, отсутствовал также ряд достаточно авторитетных образцовых текстов, представлявших единый тип гомилетической нормы.

2. Разнообразие норм в рамках единого жанра. Необходимо признать наличие разных вариантов общей чертой гомилетической нормы. Судя по всему, тексты 1740-х гг. отражают индивидуальную работу проповедников над созданием языка гомилетики.

3. Одновременность существовавших вариантов нормы. Нет никакой возможности установить взаимосвязь между вариантом нормы и датой ее произнесения, происхождением автора, его образованием или датой рождения.

Тексты 1740-х гг. отражают сложнейший процесс смены нормативного языка, который выражается в сосуществовании вариантов нормы, более или менее последовательно употребляющих церковнославянские и русские элементы.

Литература

1. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

Особенности языка памятников дворянского летописания XVII века

О. Н. Киянова

Российская правовая академия Минюста России, Москва

Поздние летописи, особенности грамматической нормы

Summary. The report is dedicated to the unsolved problem of the classification of the language type (literary Church Slavonic / language oriented to the «business» linguistic tradition [we mean «priказnyj» language]) of the later Russian chronicles in general, and of the co-called «noble» [aristocratic] chronicles created in the XVII-th century in particular. The language of these literary texts is analyzed in the aspect of grammatical norm.

Среди текстов, написанных на «сниженном», «гибридном» церковнославянском языке (в эпоху позднего средневековья «явно определявшем основное направление литературно-языкового развития в России» [4, 124]), летописи являются наиболее интересными памятниками. Однако ни в монографиях и учебниках по истории русского литературного языка, ни в работах В. В. Виноградова и других ученых, посвященных периоду XVI–XVII вв., летописным текстам места нет (изыскания А. А. Шахматова также ограничены летописями XVI в.), что представляется существенным пробелом. Это объясняется существованием продолжительное время точки зрения, что во времена oprичнины Грозного летописание приходит в упадок и замирает, т. е. в 1568 г. прекращается ведение официальных летописей. Поздние «летописцы» воспринимались как малоинтересные компиляции более ранних сводов. Кроме того, многие памятники позднего летописания были неизвестны. Однако в последние годы выясняется сложная и богатая история позднего русского летописания: открыты большие своды, составленные при патриархе Никоне (Свод 1652 г.), царе Алексее Михайловиче, регентше Софье и даже начале правления Петра I, обнаружено большое количество кратких летописцев; в начале XVII в. появляются первые летописные тексты, вышедшие из среды московских посадских людей и созданные провинциальными служилыми людьми (поздние летописи специфичны, они претерпевают модификации жанрового плана). Однако многие памятники позднего летописания не только не описаны в историографической литературе, но даже не учтены; большинство из них не систематизировано и не введено в научный оборот; большой кор-

пус не издан и находится в рукописных собраниях. Очевидно, что эти литературные тексты требуют пристального внимания историков русского языка: исследование языка данных памятников (языку летописей всегда было присуще сосуществование русских и церковнославянских форм на всех уровнях) поможет лингвистам ответить на вопрос, каким был механизм сложного взаимодействия двух письменных традиций: книжно-славянской и деловой, в преддверии формирования единой системы литературных норм, ориентированных на живую речь народа, решить ряд теоретических проблем формирования русского литературного языка нового типа.

Знаменательным явлением в конце XVI – XVII в. стало появление дворянского летописания – развитие жанра личных и фамильных летописей, посвященных описанию жизни самих авторов произведений и их семейств (эти записи сосуществовали в текстах с рассказами о событиях политической и военной истории страны). Исследование в аспекте грамматической нормы [известно, что для характеристики письменного текста наиболее показательными являются грамматические признаки, при этом анализ использования определенных грамматических форм (форм прошедшего времени, форм дв. ч.), синтаксических конструкций (оборота «Дательный самостоятельный» – ДС), принципы оформления синтаксических отношений (целевых, причинных, временных и пр.) позволяют однозначно определить ориентацию языка памятника либо на книжно-славянскую традицию, либо на нормы языка деловой письменности – см. работы М. Л. Ремнёвой, предложившей данную методику исследования] языка двух памятников дворянского летописа-

ния, не являвшихся предметом лингвистического анализа, – обширного Летописца кн. Черкасских ([3]) и дошедшего во фрагментах Летописца кн. Волконского ([2]) – позволило прийти к весьма интересным и показательным выводам.

Особенностью Летописца Волконского, созданного между 1650 и 1662 гг., является эмоциональность и ярко выраженный психологизм и то, что описываемые события не включаются писателем в широкий исторический контекст: каждое из них изображается как событие вселенского масштаба. Примечательно, что автор, в совершенстве владевший нормами языка деловой письменности, создавая свой летописный памятник, ориентировался не на них (хотя влияние делового языка прослеживается в отдельных сюжетах), а на сниженную книжно-славянскую грамматическую норму, характерную для языка поздних летописных текстов. В исследованном памятнике эта норма представлена в самом упрощенном виде: книжные грамматические средства наблюдаются только в сфере использования временных форм глагола (здесь используются восточнослав. союзные средства, текст не знает ни ДС, ни форм дв. числа). Очевидно, что для автора летописи форма на-Л является универсальной формой прош. времени, способной передавать все оттенки прошедшего действия. Однако он использует формы простых претеритов (пусть их употребление и не отличается системностью) и в стилистических целях – как средства живописания действия, и в информативных предложениях. Кроме этого, формы, обозначающие прошедшее действие, способны образовывать ряды грамматических синонимов [наст. истор. / аорист; -ху / аорист], что также характерно для многих значимых летописных памятников исследуемого периода («Новый летописец», Сибирские и Северные летописи см. [2] и др.). Это свидетельствует о том, что кн. Волконский, создавая свое произведение, представляющее собой в значительной степени целостное историческое повествование (а не погодные записи), осознанно ориентировал его в плане языка на летописную традицию.

Летописец Черкасских – интереснейший памятник летописания к. XVII в., остающийся неизданным и не получив-

шим освещения в специальной литературе, – отличается большой аналитичностью и самостоятельностью оценок. Повествование содержит важные исторические детали; значение государственной деятельности членов рода – коллективного героя повествования – в политической жизни России позволило автору расширить проблематику фамильного летописца. Характерной чертой памятника является его интерес главным образом к общерусским событиям; о службах Черкасских (перечисленных не полностью) говорится лишь в связи с государственными событиями. Язык этого памятника в значительно большей степени ориентирован на книжно-славянскую языковую традицию, нежели Летописец Волконского: здесь представлена система форм прош. времени (активны простые претериты в сюжетных фрагментах; форма на -л, способная обозначать все оттенки прош. действия на протяжении всего летописного текста, преобладает в сюжетах-сообщениях о военных походах и иных записях информативного характера); наблюдается сочетание книжных и восточнослав. союзных средств; используется оборот ДС, формы дв. ч. Возможно, это объясняется содержанием памятника – вниманием к событиям общерусской истории, что сближает его с летописями, созданными при патриаршем дворе, претендующими на статус «официальных» (Летописным сводом 1652 г., Летописным сводом 1680-х гг.), не только в этом плане, но и в аспекте особенностей языка – ориентации грамматической нормы этих текстов на книжную традицию.

Литература

1. Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII в. // Прометей. М., 1990. С. 100–110.
2. Киянова О. Н. Язык памятников позднего русского летописания. М., 2006.
3. Ркп. РГАДА. Ф. 357. Саровское собр. Оп. 1. № 225. Л. 1–413. Список сер. XVIII в.
4. Хабургаев Г. А. Проблема диглоссии и южнославянских влияний в истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1991. № 2.

Слово как конденсат текста

А. А. Кожина

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Структура текста, практика перевода, Острожская библия

Summary. Not only the entire translated text but its separate lexemes as well influence the whole cultural context subordinating in their turn the culture subjects' consciousness. The appearance of such a lexeme may be conditioned by the common idea determining the whole structure of a text.

Вопрос об инварианте для единицы высшего уровня языковой системы, до сих пор остающийся нерешенным в современной лингвистике, каждый автор текста решает самостоятельно, выбирая для себя необходимый эталон, схему, по которой будет построен его текст. При небольшом объеме текста его структура может быть задана одним ключевым словом. Эта проблема была решена и неизвестным создателем Книги Екклесиаст, четко структурировавшим свое творение. Насколько последующие поколения, переводившие книгу, сохранили ее оригинальную структуру?

Повторенная в тексте 25 раз лексема לָבָן, безусловно, определяет структуру Книги Екклесиаст. Изначально в текстах Slavia Orthodoxa она переводилась как **сѣта** (ср., например, у Кирилла Туровского: и **речи Боломоновскы: сѣтеіе сѣтеію вѣди** – [4]); именно в таком виде она сохранилась в Острожской библии (Екк. 1, 2): **сѣта сѣтствіи, реч(ч) соворни(к) всацескаа сѣта** и в Синодальном переводе: *Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!* Более того, Франциск Скорина при создании своей Библии употребил именно это слово (**сѣта надъ сѣтами и все сѣтно**), хотя в чешском тексте, который он взял за образец, стоит *marňofť*. По данным исторического словаря белорусского языка, эта последняя лексема не была чужда жителям западных земель, поскольку встречается в текстах с конца XV века. Памва Берында в своем лексиконе [2] даже использует слово *марноста* как более понятное в словарной статье **суета**: *Суета: Марноста, нікчемност, порожность...* Кроме того, лексему **сѣта** встречаем в тексте Виленского кодекса (ср. **сѣта сѣтнію все сѣт'но**), восточнославян-

ского перевода, созданного в иудейской книжной традиции и сохранившего даже грамматические формы масоретского текста. Безусловно, примером в этом случае был церковно-славянский перевод, настолько хорошо известный потенциальному адресату Библии Франциска Скорины и Виленского кодекса, что ни белорусский просветитель, ни иудейский переводчик не решились заменить привычную форму.

Идея, заложенная лексемой לָבָן в оригинальном тексте, была искажена уже в Септуагинте, где, как известно, ей соответствует греч. ματαότης от μάτη 'напрасный или безумный труд, блуждание'. О том, что эта лексема не соответствует значению древнееврейского слова, писал еще св. Иероним: «В древнееврейском языке *суета сует* выражается *abal abalim*, что, за исключением Септуагинты, все подобным образом перевели: *atmos atmidon* либо *atmon*, что можем определить как исчезающий пар и легкое дуновение» (Św. Hieronim, Komentarz do księgi Eklezjastesa, Kraków 1995, 26).

Казалось бы, и греческая, и славянская лексемы все дальше и дальше уводят нас от оригинального текста, не только искажая его смысл, но и нарушая его структуру. Однако это не совсем так.

В современном русском языке семантическое развитие слова **сѣта** привело к возникновению у него значения 'торопливое, беспорядочное движение; хлопоты', но в ранних славянских текстах, как уже говорилось, оно переводило формы ματαότης – дериват греч. μάτη 'напрасный или безумный труд, блуждание, заблуждение'. Существует, однако, иной способ перевода названной греческой лексемы,

а именно при помощи существительного **поустошь**, ср. в другом переводе Екклесиаста – **пѣстошемъ все пѣстошь** ([5, 1731]). Это свидетельствует о взаимозаменяемости лексем **сѣта** и **поустошь**. Рассматривая развитие значения псл. *siŷь как «цепь ‘мечущийся, суетливый’ → ‘блуждающий, заблуждающийся, не достигающий цели’ → ‘тщетный, ложный’» [1, 38], ясно видим связь между хаотичным, бесполезным, а потому и не имеющим права на существование движением и пустотой, полным отсутствием чего бы то ни было.

И далее пространство Екклесиаста, особенно в его представлении переводами, по сути, превращается в пустоту, поскольку постигающее его движение искривляется, движется по кругу и замыкается само на себе. Приведем один пример.

וַיֵּשֶׁב הָרוּחַ הַצָּפוֹן סָבִיב סָבִיב הָרוּחַ וַעֲלֵ-סָבִיבֶתָיִי שֵׁב הָרוּחַ
 הָרוּחַ אֶל-רָדָר 6

В этом фрагменте первые четыре слова 6-го стиха («идет к югу, поворачивает к северу») могут в равной степени относиться как к солнцу, так и к ветру. Исследователи отмечают, что «первый вариант, менее затруднительный синтаксически, и подтверждаемый LXX и Вульгатой, неудотлетворителен по смыслу, поскольку солнце, естественно, движется не с юга на север, но с востока на запад» [3, 198].

В тексте Острожской Библии, последовательно придерживающейся версии Септуагинты, находим: **и въсходитъ (ть) слнце и въмѣсто свое влечетъса, сѣ въсѣваетъ и идетъ къ югѣ, обѣходитъ къ сѣверѣ, и обходитъ окр(с)тъ. идетъ дхъ, и окр(с)тъ его обращаетса дхъ.**

Двусмысленность природной картины переводчик, как видно, решает за счет знаков препинания – постановка знака после лексемы **окр(с)тъ** позволяет закономерно отнести

этот предикат к солнцу, показать его круговорот, в котором такие позиции, как юг и север, вполне закономерны, круговорот, подтверждающий обозначенное выше замыкание пространства.

Синодальный перевод также разрешает синтаксическую двусмысленность оригинального текста: *Восходит солнце и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается на круги свои.* Как видно, эта двусмысленность разрешается представлением замкнутого пространства, идея которого была заложена церковно-славянским переводом Книги Екклесиаста в самом начале.

Таким образом, единожды возникшая в переводе лексема, подчиняя себе сознание субъектов культуры, в свою очередь влияет на целый культурный контекст, проникая в тексты, создающиеся внутри и около него. Появление же подобного слова может быть заложено и обусловлено общей идеей, определяющей всю структуру текста.

Литература

1. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология 1982. М., 1985.
2. Беринда П. Лексикон славенороскїи именъ толькованїе. Кутені, 1653.
3. Дьяконов И. М., Коган Л. Е. Ветхий Завет. Плач Иеремии. Екклесиаст. Песнь песней. М., 1998.
4. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 12. 1956.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1902.
6. Św. Hieronim. Komentarz do księgi Eklezjastesa. Kraków, 1995.

Документы поучительного характера на древнейшем диалекте русского языка (на материале дешифрованных текстов крито-микенского линейного письма А, линейного письма Б)

А. В. Козельский

Россия

Дешифровка текстов, слоговое письмо, древнейший диалект русского языка, флексии

Summary. Centenary failure deciphering crete-mycenaean texts is caused by exceptions of Slavic languages as supposed languages of the original. Identification of crete-mycenaean scripture as the arch old Slavic language allowed to decipher it and to read significant quality of the texts (more than 100 ones) from Haghia Triada, Knossos and Pylos. They represent manuals on ethics, sanitation, medicine, a manual to the young mothers. It is shown the picture of dialect connection between arch old and modern Russian. The word-building of the old Slavic language is described as well.

- графический анализ знаков линейного письма А и Б, выявление лигатур;
- установление знаков числа (цифр) как рядовых силлабogramм;
- реконструкция объектов, графическим отображением которых являются знаки линейного письма, и их наименование;
- акрофонический принцип слоговых знаков линейного А и Б;

- таблицы знаков линейного А и Б;
- диалектные параллели в лексике языка А и Б с русским языком;
- тексты поучительного характера из Агия-Триады, Кносса, Пилоса;
- некоторые модели словообразования в языке линейного А и Б.

Роль лингвистических данных в исследовании истории текста Толковой Палеи

А. Ю. Козлова

Коломенский государственный педагогический институт

Толковая Палея, лингвистические особенности, текстология

Summary. This report is devoted to the learning one of the versions of Tolkovaya Paleya – the oldest one (the Kolomna type).

Толковая Палея – замечательный памятник древнерусской книжности XIII века, в котором вместе с различными добавлениями и толкованиями передаются отдельные книги Ветхого Завета. В последнее время интерес к этому произведению очень сильно вырос, чему во многом способствовало его новое (второе) издание в 2002 году, выполненное вместе с переводом на русский язык и обширными комментариями – [2].

Вопрос о редакциях, времени и месте происхождения памятника до сих пор считается спорным. В лингвистическом отношении памятник еще не изучался.

Предметом лингвистического анализа послужили все списки Толковой Палеи так называемой первоначальной (Коло-

менской) редакции, находящиеся в книгохранилищах России и Украины (РНБ, Собр. ПДА. I/119; РГАДА Синод. Типогр. № 53; РГБ Собр. Костром. Биб-ки № 320 1–2; РГБ Собр. Тр.-Серг. № 38; РНБ Кир.-Бел. № 68 / 1145; ГИМ Увар. № 516 / 1303; Национальная украинская библиотека им. В. И. Вернадского Мел. м. п. 114 (старый шифр – Киевской Духовной академии Аа 1292).

Следует отметить, что состав текста списков этой редакции сильно различается: только два поздних списка – Киевский и Уваровский – имеют одинаковый состав, все остальные кардинально отличаются: по-видимому, из-за большого объема памятника его зачастую переписывали не полностью, а выбирали самое актуальное для данной ситуации.

Научной традиции известны не только существующие списки Коломенской редакции, но и утраченные, сведения о которых можно получить по разночтениям в первом издании памятника – [1]: Силинский (С.), Тихонравовский (Т.), Якушкинский (Я.) списки. Непосредственная работа с Александро-Невским и Кирилло-Белозерским списками показала, что, к сожалению, доверять разночтениям в издании [1] нельзя. По-видимому, над подготовкой к изданию работало несколько человек в соответствии с разными правилами, поэтому в издании есть куски текста, где фиксируются даже графические отличия по спискам, а есть и такие, где не отмечается практически ничего.

Например, в древнейшем дошедшем до нас списке – списке Александро-Невской Лавры XIV века – текст отрывка из Шестоднева Иоанна экзарха передается там не так, как во всех других списках, а весьма расширенно. То, что это не поздняя вставка, свидетельствует лексическая особенность текста – редактор-составитель Толковой Палеи при использовании Шестоднева сильно русифицировал текст, буквально наводняя его полногласными формами и начальными **ро-**: **ко скороньмъ, срослиса, розобраны, волосы, середни, бесорома** (Л. 31 а, б). Остатки этих полногласных форм сохраняются в сокращенной передаче в других списках. Этот факт может внести большие коррективы в изучение истории текста. Он свидетельствует, что Коломенская редакция Толковой Палеи, может, и не является первоначальной, но стоит к общему протографу всех редакций Палеи ближе всего (Прот. 1).

Во-вторых, два древнейших списка – список Александро-Невской Лавры и Коломенский 1406 г. – написаны в соответствии с древнерусскими нормами графики и орфографии XIV века, содержат большое количество русизмов, которые устойчиво передаются в поздних списках. Все остальные списки написаны с отражением второго южнославянского влияния, хотя южнославянские особенности носят поверхностный характер и отражаются весьма нерегулярно. Поздние списки содержат интересную лексическую правку,

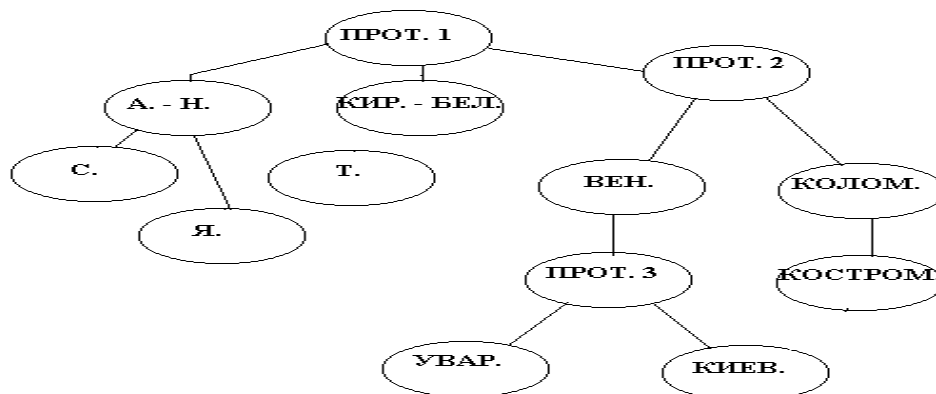
свидетельствующую, что древние лексемы в XVI–XVII веках были уже непонятны.

Учитывая лексические, грамматические, даже графические особенности, нам удалось выявить предварительные узлы разночтений, с помощью которых можно расклассифицировать имеющиеся списки.

В основном выделяются две основные ветви, представленные списками Александро-Невской Лавры, с одной стороны, и Коломенским и Венским, с другой. Кирилло-Белозерский список содержит черты как первой, так и второй ветви. Укажем некоторые разночтения: **съсудомъ** (Ал. Нев. Л. 10) **оуполонником черпла** (Коломен. Л. 21 а), **плнтты** (Ал. Нев. Л. 38) **Δ пленфы** (Коломен. Л. 58 б), **и створимъ** (Ал. Нев. Л. 43) – **истори** (Коломен. Л. 48 а), **истерти телець** (Ал.-Нев. Л. 187.) – **истерти тельца** (Коломен. Л. 134 в), **чрепипъ** (Ал.-Нев. Л. 52) – **черепинъ** (Коломен. Л. 46 в) и т. д. Сохранились следы сознательной правки протографа Коломенского-Венского списков (Прот. 2) – в первой части памятника в обличениях редактора-составителя Толковой Палеи прилагательное **кдиночадын**, характерное для списков типа Александро-Невской Лавры, последовательно заменяется на **кдинородны** (Коломен. Л. 32 г, 53 г, 54 б). Во второй части во всех списках **кдиночадын** в обличениях составителя во всех списках сохраняется.

Список Костромской библиотеки является сокращенной копией Коломенского списка, в котором сохраняются опiski и ошибки, допущенные вторым писцом Коломенского списка: например, **лакока** – вместо **лалока** (Коломен. Л. 31 б, Костр. Л. 8). Уваровский и Киевский списки восходят к одному протографу (Прот. 3), в котором было расписано содержание текста – сделано оглавление, киноварью написаны заголовки к каждой части и в котором были перепутаны листы в середине, поэтому история Иосифа и Заветы патриархов в этих списках немотивированно перемежаются.

Таким образом, предварительную классификацию списков Коломенской редакции толковой Палеи можно представить в виде следующей схемы:

Литература

1. Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1–2. М., 1892–1896.
2. Палея Толковая / Подготовка др.-рус. текста и перевод на русский язык А. М. Камчатнова. М., 2002.

Развитие семантической структуры исторического корневого гнезда глагола *лить* в праславянский, древнерусский и старорусский периоды

И. Е. Колесова

Вологодский государственный педагогический университет

Русский язык, историческое корневое гнездо, семантическая структура

Summary. This paper is devoted to the problems of historical lexicology and historical word-building. The formation and development of the semantic structure of a family of word of Russian verb *лить* – pour are considered from the oldest period to XVII century in this paper.

Изучение истории языка является неотъемлемой частью работы по сохранению национального культурного наследия и приобретает особое значение в современных условиях. Исторические корневые гнезда отражают все процессы, происходящие в языке, поэтому их изучение помогает понять, как развивался и формировался русский язык.

Историческое корневое гнездо (далее ИКГ) – это комплексная динамическая система слов, имеющих общий этимологический (исторический) корень. Оно существует в

двух измерениях: в диахронии и в синхронии, которые в рамках данной комплексной единицы исторического словообразования пересекаются.

Формирование семантической структуры глагола **liti* – вершины ИКГ фактически завершилось к древнерусскому периоду. Это развитие можно восстановить по лексикографическим данным. Судя по сведениям, приведенным в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ, 15), можно предположить, что индоевропейский глагол с корнем

*lei изначально обозначал действие, относящееся только к дождю ('идти [о дожде]'), и приближался по семантике к современному глаголу *капать*. Интегральной семой исследуемого гнезда можно в таком случае считать сему 'прерывистого быстрого движения жидкости, движения порциями, каплями'. Затем значение данного глагола расширилось, его можно сформулировать как 'заставлять течь', а когда начали развиваться ремесла, в частности литейное дело, произошла специализация глагола, и у него развилось еще одно, терминологическое значение 'изготавливать из расплавленного металла или воска'.

В древнерусский период глагол *лити* остается многозначным. Словари фиксируют у глагола *лити* в древнерусский период, в отличие от праславянского, четыре значения: 'заставлять течь', 'изготавливать из расплавленного металла' и 'идти (о дожде)'. Правда, значение 'идти (о дожде)' не фиксируется ни одним из исторических словарей, нет в них и производных слов, мотивированных данным значением. Но оно все-таки сохраняется, о чем свидетельствуют данные диалектных словарей, например, *заливина* 'сильный дождь' [СРНГ: 10, 207], *заливень* 'сильный дождь' [СРНГ: 10, 206], *леи* 'обильные дожди' [СРНГ: 16, 340], *ливануть* 'хлынуть, сильно пойти (о дожде)' [СРНГ: 17, 41]. Формируется и новое значение: 'непрерывно и сильно струиться, распространяясь во все стороны', например: *Леи на мя оумножении щедротъ твоихъ* [СРЯ: 8, 242]. Оно интересно еще и потому, что появляется возможность употребления глагола в переносном смысле. Можно предположить, что сначала в повседневной речи на основе метафоры расширились возможности сочетаемости глагола *лити*. Он получил возможность сочетаться не только с лексемами, обозначающими какие-либо жидкости, но и со словами, называющими мысли, чувства и иные абстрактные понятия. Затем метафора закрепилась в языке, а на ее основе сформировалось новое значение глагола *лити* и некоторых его производных.

В старорусский период глагол *лити* сохраняет все значения, сформировавшиеся ранее.

На основе каждого из значений данного глагола образуется частное словообразовательное гнездо (СГ), наиболее объемным на протяжении всего исследуемого периода остается СГ, вершиной которого является *лити* 'заставлять течь', оно формируется и в литературном языке и в диалектах. Также следует отметить тот факт, что, начиная с древнерусского периода, в литературном языке не формируется СГ, имеющее своей вершиной *лити* 'идти (о дожде)', зато в говорах глагол в этом значении сохраняет свою словообразовательную продуктивность.

На основе лексем, производных от глагола *лить*, в ИКГ уже в древнерусский период развиваются новые семантические зоны. Так в переносном значении 'выразить, проявить (о мыслях, чувствах и т. п.)' чаще всего употребляется не сам глагол *лити*, а производные от него префиксальные глаголы, например: *яко змяя яд хотяще възлити злобу* [СДЯ: 2, 77] *гнева своего излия* [СРЯ: 6, 166] *да излиетца ваша милость на нас* [СРЯ: 6, 166]. В ИКГ идут и процессы дезимологизации, ведущие к образованию новой корневой морфемы *-слой-*. В праславянский период лексема *слой* имела значение 'пласт жира' [ЭССЯ: 15, 255]. В древнерусский период в лексическом значении этого слова утрачивается сема 'жир' и оно начинает обозначать 'пласт чего-либо' [СДЯ: 4, 426], полностью утрачивая, таким образом, семантические связи с исходным глаголом *лити*. Кроме того, в основе данной лексемы в древнерусский период происходит процесс опрощения, префикс *с-* утрачивает сначала свое словообразовательное значение, а затем и статус морфемы, присоединяясь к корню.

Таким образом, к старорусскому периоду в ИКГ глагола *лить* прослеживаются три семантических центра: семантика самого данного глагола; переносное значение, развивающееся у ряда префиксальных глаголов; семантика лексемы *слой*, которая уже воспринимается как непроеводная.

Историческая перспектива развития грамматической синонимии на уровне глагольного формообразования

Е. И. Колосова

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина
Грамматическая синонимия, глагольное формообразование, норма

Summary. The paper deals with the problem of grammar synonymy of Russian verbs (found in their Present Tense Forms), including conditions and reasons, bringing such synonyms to life, and ways language finds to keep them in use. One can consider this research to be actual due to its historical (diachronic) aspect the analysis of forms is based on a wide historical material, fixed in vocabularies throughout the entire period from XI-th to XX-th century.

Процесс возникновения синонимии в языке, как известно, сводится к появлению новых, близких или реже тождественных по значению слов и форм, имеющих разное звучание. Причины появления синонимов разнообразны и проникают в разные сферы языка: от развития узлов новых значений у слов в одном языке до заимствований лексем из другого, от словообразования всевозможных частей речи до формообразования в области отдельно взятых категорий. Одной из самых сложных и емких категорий русского языка, несомненно, является глагол. Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм. Глагол как наиболее сложная морфологическая категория подвергался разносторонним исследованиям на протяжении XIX–XX вв., в результате которых стало очевидно, что «наибольшую трудность представляет диалектическое описание глагольной лексики» [3, 8].

На современном этапе развития языка интерес вызывает обилие параллельных форм на уровне глагольного формообразования. Известно, что члены одного языкового коллектива, пользуясь языком как средством общения, без труда понимают друг друга. При этом важно отметить, что основную роль в коммуникации играет способность человека сознательно использовать в своей речи те языковые средства, которые более соответствуют ситуации, дифференцировать их в зависимости от сферы употребления и языковой семантики. Важное место занимает и социальная характеристика индивидуума. Наибольшую трудность в употреблении представляют случаи колебания языковой нормы с точки зрения

литературного языка, т. е. возможность параллельного использования языковых единиц без изменения семантики, стилистической принадлежности и т. д. Так, обнаружены двойки параллели у ряда глаголов на *-ать* при образовании форм настоящего времени: *брызгать* – *брызжет* и *брызгают*, *плескаться* – *плещет* и *плещет* и под.; можно отметить вариантное образование форм прошедшего времени у глаголов с суффиксом *-ну-*: *пахнуть* – *пах* и *пахнул*, *вязнуть* – *вяз* и *вязнул* и проч.; на уровне образования повелительного наклонения также имеются параллели: *откупори* – *откупорь*, *уведомь* – *уведомь* и др. Своеобразный параллелизм отмечен в использовании форм глаголов с аффиксом *-ся* и без него при совпадении исходного значения глаголов: *решишь* – *решишься*, *мыкашь* – *мыкаешься* и под.

В процессе исследования данной проблематики был реализован диахронический подход к рассмотрению самой проблемы грамматической синонимии на уровне глагольного формообразования. Сопоставление материалов различных словарей русского языка, охватывающих временной отрезок с XI по XX века, включая и древнейший период развития языка, дало интересные результаты относительно времени становления вариантности в языке. В частности, при рассмотрении проблемы грамматической синонимии у глаголов на *-ать* при образовании форм настоящего времени только исторический анализ развития двойных форм позволил определить временные границы процесса унификации глагольных основ, вызвавшего появление параллельных форм. У некоторых глаголов грамматическая синонимия существовала

уже на ранних этапах развития языка – XI–XIV вв. (*икать, черпать* и др.). Активизация процесса унификации глагольных основ в парадигмах настоящего и прошедшего времени приходится на конец XVII–XVIII вв. В это время фиксируется появление грамматической синонимии у большинства исследуемых глаголов (*алкать, мяукать, страдать, лобзаться, хапать, брызгать, колебать, капать* и др.). Официальным подтверждением наличия двух параллельных форм как литературной нормы в XVIII в. являются материалы Словарей Академии Российской (1789, 1822 гг.). Тенденция к устранению чередований на конце глагольных основ прослеживается и на современном этапе развития языка. Появление грамматической синонимии обнаружено в начале XX в. (*курлыкать, кудахтать, мурлыкать* и др.). Все это позволяет сделать следующие сопутствующие выводы:

1) тенденция к унификации глагольных основ в парадигмах настоящего и прошедшего времени пронизывает всю историю языка с XI по XX в., и следует признать, что этот процесс в настоящее время не завершен;

2) существование грамматической синонимии у глаголов на *-ать* – это следствие действия процесса унификации форм в языке, это явление историческое, связанное с длительным периодом становления и развития параллельных форм настоящего времени.

На наш взгляд, само становление вариантов и их длительное сосуществование доказывает живость процессов, протекающих в языковой системе, а также возможность выбора более совершенных форм для передачи уже существующих

значений и понятий. При этом возникающее соотношение «старого» и «нового» на определенном этапе языкового развития может создать ряд сложностей, с которыми сталкивается говорящий и пишущий на данном языке. Парадокс заключается в том, что вариативность, по словам К. С. Горбачевича, «...служит как бы компромиссом между вечным стремлением к обновлению языка и оборонительной реакцией на все новое, необычное» [1, 9].

В целом, на современном этапе развития русского языка можно отметить сокращение избыточной вариативности, не подкрепленной смысловым либо стилистическим размежеванием форм. Сужение диапазона варьирования в ходе исторического развития языка связано и с процессом нормализации, упорядочением «пустых» вариантов в структурном и функциональном плане, т. е. сознательным выбором носителей языка того варианта, который наиболее соответствует данной коммуникативной ситуации. При этом, по справедливому замечанию В. К. Журавлева, «...нормализация литературного языка не означает жесткой стандартизации, жесткой кодификации, полной ликвидации вариативности» [2, 224].

Литература

1. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л., 1978.
2. Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
3. Лопушанская С. П. Исторические изменения в составе русской глагольной лексики // Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов, 1984.

Языковая личность Аввакума «как целостный феномен»

Т. В. Кортава

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В названии доклада используется термин Ю. Н. Караулова, который в 80-х годах XX в. отстаивал необходимость антропоцентрического подхода к языковым исследованиям.

Анализ языковой личности предполагает тщательное изучение значительного корпуса текстов, написанных автором на протяжении длительного временного отрезка, знание биографических подробностей и исторических условий, в которых работал автор.

Рассуждения современных лингвистов о языковой личности развивают идеи В. В. Виноградова об образе автора.

Личность мятежного протопопа-богатыря Аввакума как представителя особого «кусательного стиля», «простоговорения», «вяканья» и «бьяканья» описана в работах академиков Б. А. Ларина, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева. Однако один из аспектов языковой личности протопопа Аввакума пока остается за пределами влияния лингвистов.

Во второй половине XVII в., в эпоху формирования нового русского литературного языка, в годы жесточайшего культурного конфликта, который был связан с расколом церкви, Аввакум активно вмешивался в языковое строительство, пытался влиять на языковую политику государства, активно демонстрировал свою непримиримую языковую позицию. Борьба за природный русский язык отождествлялась в его сознании с борьбой за истинную древлеправославную веру.

Одной из важнейших сторон проявления языковой личности протопопа была рефлексия над новыми фактами языка как проявлениями «никоновских», «бесовских» новин, в

стремлении сопоставить новшества с кодификационными источниками, а также в оценке собственной речи, отразившейся в самоуничижении.

В противопоставлении просторечия краснобайству, риторству, витийству, в нарочитом использовании в письменном тексте элементов некодифицированного речевого поведения отражаются отчаянные попытки вовлечь просвещенную аудиторию в процесс формирования оценки своей и чужой речи. Свободное переключение стилистических регистров не было проявлением эпатажного речевого поведения, оно отражало отчаянное желание «страстотерпца» доказать, что язык – живой организм, имеющий свои корни, и его развитие бессмысленно координировать справками. Это приведет к отрыву языка от его носителей.

Аввакум как личность, как выдающийся деятель старообрядчества яростно выступал против церковной реформы. Феномен его языковой личности отразился в соединении споров о вере и языке, в попытке убедить сторонников новин в первоначальности слова перед авторитарными деяниями.

Для историков языка языковая личность Аввакума интересна прежде всего тем, что при изучении языковой личности в соответствии с тремя существующими параметрами: структурно-языковым, содержательно-когнитивным и прагматическим – последний часто был трудно выявляем в диахроническом аспекте. Архив «огненного протопопа» дает возможность для формирования целостного представления о его языковой личности, об этапах ее становления и активной позиции в период формирования нового русского литературного языка.

Праславянские фонетические процессы с участием плавных

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

Праславянская фонетика, слоговые плавные, фонетические процессы с участием плавных, метатеза славянских плавных

Summary. The main idea of the paper is a different reflection of the syllabic liquids in Slavic dialects as a universal purpose of the divergent phonetic processes in groups ТьRT-ТьRT-ТьLT-ТьLT, ORT-OLT and TORT-TERT-TOLT-TELT.

В начале 1960-ых годов С. Б. Бернштейн привел впечатляющий список лингвистов, занимавшихся метатезой плавных в славянских языках, и заключил его тем, что обилие объяснений и противоречивость точек зрения заставили некоторых из них вообще отказаться от каких бы то ни было

объяснений и просто констатировать результаты данного процесса в различных славянских языках.

Сам же С. Б. Бернштейн принял, хотя и не без оговорок, точку зрения своего учителя – А. М. Селищева. Объяснение А. М. Селищева вошло практически во все отечественные

учебники старославянского языка и изложено (без вариантов) В. В. Ивановым в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», представляющем de facto точку зрения отечественной науки. Означает ли этот факт, что объяснения этого явления А. М. Селищевым не содержат противоречий и могут быть безоговорочно приняты современной лингвистикой на современном уровне ее развития? Ответ будет отрицательным.

Для объяснения процессов с плавными достаточно привлечения 4 законов.

• **Возрастающей звучности в слоге (ЗВЗ):**

согласный		сонант		гласный
фрикативный	смычный / аффриката	неплавный	Плавный	
1	2	3	4	5
Условные веса составляющих слога				

([Хабургаев 1974, 106], [Супрун 1993, 21]. В соответствии с этим законом условные веса составляющих слога могут только возрастать и не могут ни убывать, ни оставаться на одном уровне.

• **Слогового сингармонизма (ЗСС)** Р. О. Якобсона, формулируемого как уподобление соседних согласных и гласных по тембру (дизезности-недизезности), из чего следует, что звонкость-глухость и дизезность-недизезность являются характеристиками слога (группофонемы), а не отдельных фонем ([Журавлёв 1961; 1986]).

• **Недопустимости зияния внутри основы слова (ЗНЗ)** не принято формулировать в явном виде. Из лингвистов на него обратил внимание, кажется, лишь С. Ю. Адливанкин в [Адливанкин 1963; 1971].

• **Компенсации утрачиваемой звучности (ЗКЗ).**

Науке известно три типа отражения ПИЕ слоговых плавных в индоевропейских языках: 1) Германский (армянский, албанский, балтийский, италийский) – *адвентный*: TRT > TvRT; 2) Кельтский – *ретродуктивный*: TR̥T > TRvT и 3) Иранский – *циркумдуктивный*: TR̥T > TvRvT. Символ «v» обозначает вокалический пазвук, выделяемый перед, после или вокруг сонанта. Принципиально важно: это не утрата слогового сонанта, а новый способ его реализации. Представленность в древнегреческом языке рефлексии слоговых плавных по германскому и кельтскому типам отражает, по-видимому, диалектное различие, проникшее в греческое койнэ.

Наблюдение над группами T̥vRT, T̥vRT, T̥vLT, T̥vLT показывает: в южнославянских языках слоговые плавные отдадут пазвук ретродуктивно – по кельтскому типу, а в севернославянских – адвентно – по германскому типу: *врѣхъ*, но *врѣхъ*; *грѣдъ*, но *грьдъ*.

Слова с и-основами сюда вообще не относятся: *крѣвь*, *брѣвь*, а слова типа *крест*, *бревно*, *блоха*, *глотка*, *слеза*, *блеснуть* и т. д. – просто южнославянские заимствования, такие же, как *град*, *брег*, *млат*, *плен* и др.

Полезно также обратить внимание и на поведение групп ORT, OLT: в них происходит метатеза, но удлинение гласного наблюдается только в южнославянских: **orbъ > рабъ*, но *робъ*. Почему? В южных языках плавные отдадут вокалический пазвук вперед, поэтому гласный [o] за его счет удлиняется в [a]. В северных языках плавные отдадут слоговой пазвук [ъ] назад (влево), где он благополучно и утрачивается, видимо, еще до падения редуцированных, ибо северные языки не терпят [ъ] и [o] в абсолютном начале слова – в отличие от южнославянских.

Поскольку южнославянские языки терпимы к неприкрытому началу слова на [o], в них был испробован и безметатезный вариант выполнения ЗВЗ: **oldii > obъdii >*, что дало ст.-слав. *альдиш*, *алькати*, *альчьнь*. Объяснить начальный [a] как результат удлинения *o* за счет вокалического пазвука слогового плавного можно, предположив существование южнославянских диалектов, отражающих рефлексацию слоговых плавных по иранскому (циркумдуктивному) типу: *oъль+дии > альдиш*, *oъль+кати > алькати*, *oъль+чьнь > альчьнь*.

Вооруженные этим знанием, описываем этапы преобразования слова **xelmъ*.

- a. {Отверждение [л] перед согласным}.
- b. Нарушен ЗСС – выполняется ЗСС: 1-ая палатализация – **xelmъ > шелмъ*.
- c. Нарушен ЗВЗ – выполняется ЗВЗ: плавный становится слоговым: *шелмъ > ше|л|мъ* (три слога).
- d. Нарушен ЗНЗ внутри корня – выполняется ЗНЗ метатезой с последующей утратой плавным слоговости – не в ущерб ЗВЗ: *ше|л|мъ > ш|л|е|мъ*.

e. В южных и северных языках избавление от слоговости происходит по-разному: южные отдают вокалический пазвук вперед и тем удлиняют гласный: *ш|л|е|мъ > шлѣ|мъ*. ЗВЗ выполнен.

f. Нарушен ЗСС: между дизезными [ш] и [ѣ] находится недизезный (твердый) [л]. В такой ситуации выбор очевиден: [л] смягчается, уподобляясь окружающим звукам. ЗСС выполнен: слог *шлѣ* унифицирован по тембру: он дизезен. Но этот выбор в другой ситуации отнюдь не предопределен: в болгарском языке сосуществуют *длето* и *длато* ([Кандарова 1984]). В древнерусских текстах южнославянского происхождения наряду с *млѣчьнь* есть *млячьнь*, *плѣнение* и *планение* и т. д. В принципе, безразлично, каким способом будет выполнен ЗСС: изменением тембра гласного или изменением тембра согласного, лишь бы слог был одного тембра.

g. Итог: выполнены все законы: ЗСС, ЗВЗ и ЗНЗ. Первый слог – весь дизезный, второй – весь недизезный.

В севернославянских языках также прежде всего надо выполнить ЗСС, который в результате метатезы оказался нарушен: дизезный [ш] недизезный [л] и дизезный [е] в одном слоге. Этот конфликт также может решаться по-разному: за счет уподобления дизезного гласного недизезному согласному: *молоко *melk-o*, *волочь < *velk-ti*, *молоть < *mel-ti*, *толочь < *telk-ti*, *полова < *pelv-a*, *полон < *peln*; или за счет уподобления недизезного согласного дизезному гласному: *шелем*, *челен* (диал. и укр. к *член*), *железа*, *ожеледь*, польск. *mleko*.

Что касается слова *шелом*, то в нем (как и в словах *желоб*, *челон*), победил согласный. Недизезный [л] отдал свой недизезный пазвук назад, что дало форму *шьломъ*. ЗНЗ выполнен, но в первом слоге нарушен ЗСС: дизезный [ш] рядом с недизезным [ъ]. Гласный пазвук уподобляется предшествующему согласному, что дает сначала *шь|ло|мъ*.

В западнославянских языках редуцированный (из пазвука сонорного) в слабой позиции самым закономерным образом утратился, а в восточнославянских языках, как и в остальных неконечных позициях основы, проявился в гласный полного образования – *шеломъ*.

Так называемое «второе полногласие» является следствием отражения слоговых плавных в некоторых славянских диалектах по иранскому (циркумдуктивному) типу.

Семантика названий русских рукописных книг XI–XIX веков

М. С. Крутова

ФГУ «Российская государственная библиотека», Москва

Семантика, текстология, книговедение, поэтика, археография.

Summary. There are many lexical meanings in the name of the Russian manuscripts. The metaphor and the metonymy are based on the association of simularity or on association of contiguity. The metaphor it is a symbol of orthodox Christian religion at the same time.

Названия русских рукописных книг XI–XIX веков до сих пор не были предметом специального изучения. В то же время есть целый ряд актуальных вопросов, как-то: какова семантика названий рукописных книг, каковы особенности их поэтики и текстологии и др.

Слова в названия рукописных книг чаще всего употреблены в переносном значении: «Звезда Пресветлая», «Венец веры», «Виноград Российский», «Драгоценный бисер», «Великое Зерцало», «Златая цепь», «Лестница духовная», «Цветник», «Пчела» и др. Среди них преобладают метафоры,

причем, по верному наблюдению Д. С. Лихачева, «в средневековых произведениях сама метафора очень часто оказывается и символом, имеет в виду то или иное богословское истолкование или соответствующую богословскую традицию, исходит из того «двойного» восприятия мира, которое характерно для символизирующего мировоззрения средневековья» [1, 165].

Очень часто в названии рукописных сборников, в состав которых входят слова и поучения святых отцов, к опорному слову в словосочетании добавлено оценочное: «драгоценный», «многоценный», «золотой» (например, «Бисер драгоценный», «Златая цепь», «Златоструй», «Златоуст», «Златый бисер», «Златая матица»), которые выполняют функцию прогнозирования содержательной информации текста. Так, слово «золотой» является символом божественного начала, духовной просвещенности, мудрости, славы и богатства (в духовном смысле). Символом духовной красоты, совершенства и божественного благословения являются цветы, отсюда еще одно часто встречающееся название рукописной книги – «Цветник», причем к нему могут добавляться определения «духовный», «медоточный», «правильный». Археогграфы часто называют «Цветниками» сборники дидактической направленности, включающие в себя слова и поучения, жизнеописания святых и прочие назидательные статьи. Состав этих сборников, как правило, не повторяется. По всей видимости, книжники давали такое название книге, если она представляла собой собрание «цветов духовных», то есть сборник, составленный из различных душеполезных произведений известных авторов русской, славянской и византийской литературы или отдельных фрагментов. Само слово *цветник* фиксируется в русском языке уже в памятниках XIV в.: «В Цветнице многоцветнемъ. Гр. Наз. XIV в.» [2]. Однако как название сборника это слово встречается значительно позднее – с XVI в. Наиболее часто оно давалось сборникам в XVII–XIX вв. Традиция именовать сборники подобного состава «Цветниками» сохранялась довольно долго: об этом свидетельствуют владельческие записи на книгах. Хотя книга могла и не иметь такого названия, но в сознании ее владельца она была именно «Цветником».

Наиболее часто в названиях присутствует слово «духовный»: «Алфавит духовный», «Рожец духовный», «Цветник духовный», «Свет духовный», «Приклады духовные», «Брашно духовное», «Обед духовный», «Лекарство духовное» и др. Интересно отметить и тот факт, что при переписывании книжники могли варьировать слова «духовный» и «душевный», что свидетельствует о неразличении ими этих понятий.

В названиях рукописных книг встречаем слова «Зерцало» («Зерцало»), «Камень», «Ключ», «Небо» («Небеса»), «Лестница», «Стезя», «Ступени», «Венец» («Венок»), «Око» («Очи»), «Щит», «Бич» – все они являются метафорами-символами. Так, известен сборник ста-

рообрядческих сочинений и выписей с названием «Камень основания верных и зеркало правды истины» (РГБ. Ф. 17. № 492, кон. XVIII – нач. XIX в.); сборник «Камень веры» Стефана Яворского (РГБ. Ф. 17. № 498, 1721 г.). Основные качества, которые символизировал камень, – постоянство, сила, целостность, вечные символы жизненных сил, средоточия веры. Слова «Лестница», «Лестница», «Ступени» являются символом восхождения к небесам, просветлению, тайному знанию, а ступени на пути этого восхождения символизируют последовательные стадии восхождения от земного, естественного уровня бытия к небесному, сверхъестественному, медленный и сложный процесс духовного преображения.

Однако в названиях используется не только метафора, но и метонимия, в основном это относится к владельческим записям, в которых имя автора книги переносится на название всей книги. Например, «Поучения Ефрема Сирина», во владельческой записи они названы как «Книги глаголемая Ефрем, сказать жея гръчьскимъ языкомъ Паренесис, еже есть послушание, и утешение, и умиление» (РГБ. Ф. 304. № 7, сер. XIV в., л. 5); «Пандекты Никона Черногорца» названы как «Книга 1 Никон Живоначалныя Троицы Сергиева монастыря, да никто же никакже не покусится отделити ея от того монастыря» (РГБ. Ф. 304. № 14. Ч. 1, кон. XIV – нач. XV в., запись полууставом XVII в.) и т. п.

Слово «меч» при именовании книг использовалось неоднократно: «Книга глаголемая Меч духовный, от многих богодухновенных писаний собрана на приемлющая от еретик совершаемое крещение...», соч. старообрядца Алексея Самойловича, «Книга Мечь духовный, посекающий почтеннаго братчика Якова Иванова Максимова... Ивана Ивановича Зыкова», «Мечец патриарха Досифея», «Мечец духовный словеснейших и мудрейших иеромонахов же учителей Иоанника и Софрония самобратий Лихудиевых... к защищению святых Христовы Восточныя церкви на прекословия и упорства Западныя церкви. и др. Меч является символом власти, правосудия, высшей справедливости, разделения и смерти, правосудия, кары Господней, а также святого Павла, который называл Слово Господа «мечом духовным».

В названиях русских рукописных книг мы встречаем слова в прямом и переносном значениях, наиболее ярко представлены метафора и метонимия. Эти и другие семантические особенности названий, безусловно, свидетельствуют о высокой книжной культуре русских книгописцев.

Литература

1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1989 (репринт. с изд.: СПб., 1893–1912).

Сравнение списков Смоленского договора 1229 г.

А. М. Кузнецов

Даугавпилсский университет (Латвия)

Палеография, почерк, орфография, грамота, список

Summary. The paleographic and orthographic features in the copy *D* of the trade agreement between Smolensk, Riga and Gotland allow the author to date the document by the 1229 year.

В Латвийском государственном историческом архиве хранятся пять грамот, представляющих собой списки Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Три из них – списки *A*, *B* и *C* – содержат так называемую готландскую редакцию документа, и два – списки *D* и *E* – рижскую. К договору 1229 г. примыкает еще Договор неизвестного смоленского князя (список *K*). Такое достаточно уникальное количество списков и редакций договора Смоленска с Ригой и Готландом давно привлекало внимание историков и языковедов, и на сегодняшний день существует несколько версий о времени и причинах появления каждого списка.

Т. А. Сумникова в издании «Смоленские грамоты XIII–XIV вв.» (М., 1963) предложила следующую датировку списков: сп. *K* 1223–1225 гг., сп. *A* 1229 г. (в 1284 г. использован повторно), сп. *E* 1230–1240 гг. (копия, приложенная к несохранившейся подтверждающей грамоте), сп. *D* 1270–1277 гг., сп. *B* 1297–1300 гг., сп. *C* XIV₁ в. В статье «О

древнейших смоленских грамотах» (Вопросы истории, 1966, № 3) историк В. А. Кучкин пересмотрел взаимоотношение документов. Древнейшим из сохранившихся он считал сп. *K*, но отнес его к 1233–1240 гг.; далее следует сп. *E* 1257–1270 гг., однако он признан третьим вариантом (не копией!) несохранившегося первоначального договора 1229 г.; затем идет сп. *D* 1270–1277 гг.; и только потом появляется готландская редакция – список *A* 1277–1279 гг., использованный второй раз в 1280–1297 гг.; неизменной осталась датировка списков *B* и *C*. Слабость этой гипотезы уже в том, что предполагается, будто до 70-х годов в качестве договора использовался текст рижской редакции, а готландская редакция – поздняя. Но из эсхатокола готландской редакции следует, что именно она была скреплена печатями Готланда в 1229 г. Палеографический анализ почерков сп. *A* и приписки к сп. *E* показывает, что оба текста написаны одним и тем же писцом. Отсюда следует, что сп. *E* рижской

редакции был подготовлен в Смоленске, в Риге дополнен, но остался только предварительным вариантом договора, поэтому на нем и нет печатей.

Странным кажется на первый взгляд отправка в 1270-е годы в Ригу в связи с подтверждением договора списка *D*, представляющего неутвержденную рижскую редакцию. Скорее всего, Рига, имевшая на древнерусском языке только сп. *E*, запросила из Смоленска копию именно этого документа. Уже в Риге сп. *D* был дополнен такой же припиской, которая когда-то была внесена в текст сп. *E*.

Т. А. Сумникова отнесла почерк сп. *D* ко второй половине XIII в., учитывая датировку документа историками: они связывают список со временем княжения Глеба Ростиславича в Смоленске (1270–1277 гг.); почерк же приписки исследовательница определила концом XIII в. Неясным осталось, когда и зачем в текст была внесена приписка. В качестве датирующих признаков почерка основного текста сп. *D* были признаны: 1) колено у буквы *к*, точка пересечения у буквы *х*, перекладыны у букв *и* и *н* поднялись выше середины высоты строки, также уменьшилась вершина у буквы *ж*; 2) у буквы *ω* – низкая середина, а у *ч* – треугольная заниженная чаша. Все это – новообразование XIII в., при этом отмечаются большие петли у букв *ь*, *я*, *ть* как особенности первой половины века.

Указанные особенности почерка не позволяют точно решить, к первой или второй половине века относится документ. Сравнение начерков букв в этом документе со списками *A* и *E*, а также с Договором неизвестного князя (сп. *K*), который предшествовал договору 1229 г., убеждает, что графические расхождения не столь велики, чтобы безоговорочно принять датировку Т. А. Сумниковой. Так, высокое колено у буквы *к* нерегулярно отмечается уже в списке *K* (како 5); в берестяных грамотах Новгорода уменьшенный верх у *к* А. А. Зализняк отмечает с начала XII в. Высокая точка пересечения у буквы *х* изредка встречается в сп. *A* (послухошь 31–32); реже такое *х* отмечается в сп. *E* (холопоу 43а). Что касается высокой перекладыны у буквы *и* и укороченной диагонали у буквы *н*, то на такие начерки указывает сама Т. А. Сумникова в сп. *K* и в сп. *A*, где они попадаются иногда, и, что особенно важно, в сп. *E*, где они встречаются гораздо чаще. Уменьшенная вершина у буквы *ж* встречается

уже у писца сп. *K* (ножемь 13); в сп. *E* такой начерк отмечается часто (рижськый 4). Что же касается буквы *омеги*, то в сп. *D* она пишется как с низкой серединой, так и с высокой. В сп. *A* середина еще высокая, однако в сп. *E* большинство примеров я бы охарактеризовал как *омега* с низкой серединой. *Омега* с низкой серединой свойственна и писцу сп. *K*, который наряду с ней использует широкое *о*. Буква *ч* с треугольной заниженной чашей отмечается также и в сп. *K*.

Таким образом, палеографические особенности почерка основного текста сп. *D* позволяют отнести его ко времени составления списков *A* и *E*, а также списка *K*, то есть к 20-ым годам XIII столетия.

Орфографические отличия списка *D* от списка *E* представляют собой варианты формы написания слов, в одинаковой мере представленные в обоих списках. В отражении результатов падения редуцированных гласных писец списка *D*, с одной стороны, следует за протографом, а с другой стороны отступает, предлагая или инновационные формы (сп. *E* держите 2а – сп. *D* держите 2–3а), или, наоборот, архаические (бесь четверти 28а – бесь четверти 31а). Но у писца сп. *D* преобладают новые формы.

Писцы одинаково отражают диссимиляцию (што 75а – што 14б) и ассимиляцию (немѣцьскый 37а – немецкый 40а), хотя писец сп. *D* предпочитает написание через *ч*. Так же одинаково писцы отражают билабиальное [w = ѱ] (оу своего 22б – въ своего 55б).

Новое произношение сочетания *кы* в виде *ки* отражает только писец сп. *D*. Но написания через *ки* отмечаются и в списке *A*.

Еще одна инновация часто фиксируется в списке *D* – переход *e > o* после шипящих и *ц* (коупомь 11а). В сп. *E* только один раз представлено написание через *о* (ожо 19а).

Орфография списка *D* дает возможность датировать документ первой половиной XIII века. И тогда выстраивается следующая зависимость списков между собой. Списки *E* и *D* были изготовлены в Смоленске в 1229 г. перед поездкой посланцев в Ригу, причем сп. *E* был увезен посланцами, а сп. *D* оставлен в Смоленске как его копия. Когда князь Глеб Ростиславич отправил в Ригу сп. *D*, пришлось добавить приписку «о татарах», которую в свое время внес в сп. *E* писец списка *A*.

Предисловие к грамматике 1648 г.: структура «цитатного пространства»

Е. А. Кузьмина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История грамматической мысли, структура текста, цитата

Summary. The report is devoted to the structure and sources of the foreword to Grammar of 1648.

0. В московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (ГМ) оригинальное предисловие, адресованное «Учнѣдѣемъ школьнымъ» и содержащее необходимые методические указания, заменяется обширным текстом: «Сѣ бѣгомъ починѣемъ, здѣ в предисловіе в писану», к любовотроуднѣ тцѣтиса хотѣци къ разѣмъ оученія грамматическаго...» (л. 1–40), за которые следуют «Похвальнаа словеса сѣ блженнаа и стѣа книги грамматіки...» (л. 40–44). Новое предисловие ГМ подчинено задаче обосновать необходимость «оученія грамматическаго» как средства постижения Богооткровенной истины. Как цепочка доказательств важности книжного учения в предисловии выстраиваются блоки цитат из Священного Писания, творений отцов церкви и их интерпретаторов, житий святых, а также из сочинений авторитетных переводчиков, знатоков греческого и славянского языков. В результате за исключением нескольких начальных и конечных строк весь предтекст ГМ представляет собой «цитатное пространство». Следует признать, что до настоящего времени большинство этих цитат не были атрибутированы, не были установлены и использованные авторами предисловия источники.

Проведенное исследование позволило установить, что предисловие к московскому изданию включает пять основных цитатных блоков.

1. Первый блок ветхозаветных и новозаветных цитат (л. 1 – 1 об.) в начале expositio является библейским «тематическим ключом» [1, 436–437], который служит для «понима-

ния высшего духовного смысла текста» [1, 153]. В словах Иисуса Христа, засвидетельствованных евангелистом Иоанном, Давида, Соломона, Сираха и апостола Павла [Ин. 12, 50; Прит. 1, 2–3, 7; Пс. 110, 10; Ек. 8, 1; Ек. 9, 17; Сирах. 1, 15; 1 Тим. 4, 13] (л. 1 – 1 об.) заданы основные, т. е. «высшие», темы предисловия – прославление мудрости, необходимость изучения Священного Писания как залога вечной жизни, утверждение значимости книжного учения.

2. В соответствии со Словом Бога, заданном в библейских цитатах, создают свою жизнь «дѣхонснн стѣи дѣци», которые «грамматіки, и прочнѣхъ кнѣгъ філософскаго ученя, любовотроуднѣ во оученіи оупражнѣхъса» (л. 1). Их «объра^а любовотроуднѣ» раскрывается во втором, *агиографическом* цитатном блоке (л. 1 об. – 17 об.), включающем фрагменты 11 житий. Комбинируя жития святых, авторы предисловия создают своеобразную «парадигму учености», в которую включают прежде всего отцов христианской церкви, великих каппадокийцев и связанных с ними лиц – Василия Кессарийского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Исиодра Пелусиота, Афанасия Александрийского и др. Жития цитируются по двум основным источникам – Прологу, изданному на Московском Печатном дворе незадолго до публикации грамматики в 1642–43 гг., и Великим Минеям Четым митрополита Макария.

3. Третий цитатный блок может быть определен как *пропедевтический*. Фрагменты из сочинений, принадлежащих или приписываемых Иоанну Дамаскину (л. 17 об. – 19), служат своего рода «вводными курсами» двух дисциплин, ко-

торые, согласно цитируемым житиям, были основными учеными занятиями святых отцов – грамматики и философии. В грамматическую проблематику вводит цитата из приписываемого Иоанну Дамаскину трактата «*Ὁ ὡςμῆς τῆς λέξεως*» (л. 17 об. – 18), который воспринимался как «грамматический канон» православия. Вторая, филологическая, часть этого цитатного блока включает несколько фрагментов догматического свода Иоанна Дамаскина «Источники знания» – отрывки из послания Козьме Маюмскому, из глав «О разуме» и «О философии».

4. Овладение этими гуманитарными дисциплинами и, в первую очередь, грамматикой является залогом совершенного знания славянского языка и успешной профессиональной книжно-языковой деятельности. Это основная тема четвертого цитатного блока (л. 19 об. – 33 об.), состоящего из фрагментов сочинений Максима Грека («Исповедания православной веры», «Слово обличительно, вкупе и развращательно, лживаго писания Афродитиана», «Слово отвещательно о исправлении книг русских», «Слово отвещательно о книжном исправлении»), в которых он опровергает возводимые на него обвинения в порче книг, обосновывает свою практику книжной справки, основанной на грамматике, и эксплицирует свои принципы перевода. Идеи Максима Грека получают свое продолжение и развитие в приводимых далее словах его ученика Силуана (л. 33 об. – 34). В цитируемом в ГМ предисловии к переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея Силуан отстаивает необходимость обращения к грамматическим критериям при переводе и редактировании и подвергает обличению книжников, игнорирующих «*грамматичное оустроение*».

5. Если Максим Грек и Силуан рассматривают грамматику как инструмент человека, профессионально занимающегося книжно-языковой деятельностью, то в следующем, пятом блоке цитат из патристических сочинений (л. 35 – 39 об.)

в сферу ее действия включаются все христиане. Владение грамматикой признается делом богоугодным; это необходимое условие адекватного понимания и интерпретации Священного Писания, что, в свою очередь, является залогом спасения души верующего. Патристический блок содержит фрагменты творений отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого и Анастасия Синайского, которые приводятся в предисловии ГМ по изданной в 1591 г. в Вильно книге Никона Черногорца «*Книга бгдѣхновена собрана і списана ѿ мнѡгыѣ и разлічныѣ бжтвенныхъ к[н]и́гъ*».

6. Представленные в предисловии ГМ авторитетные библейские, патристические и агиографические цитаты создают особую перспективу восприятия самой грамматики: в таком контексте «грамматическая хитрость» не может быть воспринята как «внешняя мудрость», противопоставленная подлинному благочестию. Напротив, грамматика обретает сакральное и теологическое значение, выступает как средство познания сущности Божественных догматов, а, следовательно, как разновидность богословия. Такая аргументация необходимости изучения грамматики определяется спецификой социо-культурной ситуации Московской Руси XVI–XVII вв., где доминировало устойчиво негативное отношение ко всему комплексу гуманитарных дисциплин (в частности, грамматике, риторике, философии), изучение которых признавалось сомнительным и опасным с религиозной точки зрения [2]. Новое предисловие открывает доступ грамматике Мелетия Смотрицкого в Московскую Русь, служит своего рода знаком легитимности этого текста.

Литература

1. Пиккю П. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
2. Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994. С. 7–25.

Взаимодействие лексико-семантических процессов в истории общенародного русского языка

С. П. Лопушанская

Волгоградский государственный университет
Лексика, история, общенародный русский язык

Summary. There are two types of semantic changes presented in the paper: modulation taking place if the categorial sense of the word, form of the word, morpheme, word-group or text remains unchanged; derivation is another one, forming the unit with a new sense in this language. The boundary between polysemy and homonymy is established within the limits of scientific dominant called as «language of thinking person».

Взаимодействие различных пластов русской лексики рассматривается в контексте определения структуры общенародного языка, единство которого на всей территории его распространения и во всех сферах его использования обеспечивает кодифицированный литературный язык как ядерное средство, а различия, которые обнаруживаются, например, в диалектной, профессиональной, просторечной и жаргонной лексике, проявляются в периферийных разновидностях общенародного русского языка ([4, 7–19]). Полевой подход и данные наиболее авторитетных словарей позволили установить, что в составе современного общенародного русского языка периферийные средства содержат около 54% общепонятной лексики, 26% диалектной, 10% профессиональной и примерно 7% просторечных лексем; аргоизмы (в том числе бранные слова) не превышают 3%.

Соотношение названных разновидностей общенародного русского языка подвергалось историческим изменениям под действием лексико-семантических процессов, среди которых наиболее важными представляются ситуативно и контекстуально обусловленные переосмысления компонентов семантической структуры определенной словоформы. В докладе подробно рассматриваются такие изменения двух типов: модуляционные и деривационные.

Семантическая модуляция – это универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий для реализации семантико-смысловой соотнесенности компонентов содержательной структуры слов, словоформ, морфем; словосочетаний, предложений, текста. На лексическом уровне семантико-смысловая соотнесенность компонентов содер-

жательной структуры слов может рассматриваться как единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте). Модуляция – это перенос значения, результаты которого обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте, в частности, в высказывании, равном предложению.

Семантическая модуляция отличается от *семантической деривации* тем, что она не затрагивает ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы, устанавливая синонимические отношения в пределах этой ЛСГ на основе какой-либо семы, изменившей свой статус. Порогом для семантической модуляции можно считать семантические изменения, при которых категориальная лексическая сема реализуется хотя бы в одном дифференциальном признаке функционирующей словоформы, что позволяет разграничить многозначность и омонимию. В зависимости от регулярности происходящих изменений переосмысление разноуровневых признаков может стать не только речевым, но и системным фактом; изменение статуса категориальной, интегральной или дифференциальной семы приобретает значимость в решении вопросов о границах слова, о полисемии и омонимии, о переносе значения и др.

При описании и объяснении названного комплекса взаимосвязанных явлений в современной лингвистике использу-

ются различные подходы, методы и модели. Если исходить из того, что смысловой доминантой языкового сознания является воспроизводимое человеком в процессе коммуникации восприятие окружающего мира, отношение мыслящей личности к состоянию материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о себе, о своем месте во Вселенной, то любые теоретические построения могут быть продуктивными тогда, когда они базируются на комплексном «миропонимании изучаемой эпохи» [1, 22].

Восприятие мира древним русичем и человеком более позднего времени характеризуется существенными различиями, которые находят опосредованное отражение в грамматическом строе языка и в его лексическом составе. Об этом свидетельствует, например, темпоральная семантика многих древнерусских слов: *Мы же на **преднее*** (= прежнее, прошлое) *возвратимся* (Новгородская первая летопись, лист 113), ср. с отпиской донских низовых атаманов астраханским воеводам, чтобы они *задняя* (= прошлое) *забывали, а на **переднее*** (= будущее) *простирались и отступили бы от всякого зла, сотворили благо* (1614 г., СПб. ОИИ. Ф. 178. Оп. 1).

Здесь обращает на себя внимание призыв казаков позабыть прежнее распри (задняя) и объединиться ради мирных дел в будущем (передняя). Употребление этих слов-терминов весьма информативно, так как в процессе воссоздания языковой картины мира наиболее значимыми являются обобщенные понятия пространства и времени. Противоречивую темпоральную семантику слов типа *передние* и *задние*, нашедшую отражение в разновременных древнерус-

ских памятниках, Д. С. Лихачёв объясняет следующим образом: в древности восприятие протекания действия во времени осознавалось как начало и развитие цепи событий. То, что уже прошло, находилось «спереди», то, что будет происходить, находится «сзади», так как это действие замыкает цепь событий ([2, 551–554]).

Подобная трактовка древнерусского текста отражает, по нашему мнению, конкретно-пространственное восприятие последовательности событий. Отсутствие единообразия в использовании слов с темпоральной семантикой свидетельствует, по-видимому, об отражении в древних текстах сосуществования конкретных представлений и формировавшегося в исторический период абстрактного восприятия времени действия ([3, 87–94]). Специфика такого мышления принципиально отличалась от более позднего восприятия времени действия, а утверждение в общенародном русском языке новых лексико-семантических единиц происходило на базе модуляционных процессов.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. Цит. по 3-му изданию: М., 1986.
2. *Лихачёв Д. С.* Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1949. Т. VIII. Вып. 6.
3. *Лопушанская С. П.* Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990.
4. *Лопушанская С. П.* Общепринятый русский язык // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Вып. 1. 2001.

Протестантские тексты на русском языке в свете культурно-языковой ситуации в России XVII – начала XVIII века

С. Менгель (Swetlana Mengel)

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg (Германия)

Переводы XVII–XVIII веков, русский литературный язык

Как известно, в культурно-языковой ситуации России выше названного периода функция языка культуры вообще и языка церкви в частности выполняет церковнославянский. Ситуация в сфере русской православной церкви – одной из важнейших сфер русской культуры – не изменяется и после т. наз. петровской языковой реформы и возникновения в середине XVIII века русского литературного языка нового типа, «растворившего» в себе церковнославянский. В основе религиозно-просветительской идеи западно-европейского (немецкого) протестантизма изначально заложено положение о доступности вероучения каждому простому христианину через рецепцию соответствующих религиозных текстов на родном, национальном, языке. Перевод Библии Мартином Лютером на немецкий язык в 1534 году обеспечил не только разрыв с католической традицией латинского языка в сакральной сфере, но и заложил одновременно основы современного немецкого литературного языка. Таким образом, в различных теологических позициях русского православия и немецкого протестантизма изначально заложены противоположные лингвистические установки при создании сакральных текстов. В этой связи лютеранско-протестантские тексты на русском языке XVII – начала XVIII в. представляют несомненный лингвистический интерес прежде всего как «свидетели» особой культурно-языковой ситуации, ее развития и возможного «разрешения» на пути создания русского литературного языка нового типа.

Издаваемый в Лейпциге журнал «*Europäische Fama*» [Т. 35. С. 789–790] сообщает в 1705 году, что немецкий пастор Й. Е. Глюк перевел в Лифляндии Священное писание на русский язык. Перевод этот не сохранился, он погиб тремя годами раньше при взятии Мариенбурга русскими войсками. Убедительный лютеранин пастор Й. Е. Глюк, известный нам как просветитель и основатель первой московской гимназии, воспитавший в своем доме будущую императрицу Екатерину I, перевел Библию и на латышский язык. Оба перевода – в полном соответствии с учением М. Лютера, требующего проповедание идей христианства на национальном языке, – предназначались для русских и латышских подданных шведского короля в Ингерманландии. Трагическая судьба русского перевода состоит, однако, не столько в

его утрате, сколько в том, что его «целевой группой» были проживающие на шведской территории русские староверы: т. е. перевод был изначально обречен на невостребованность. Такая же судьба постигла, очевидно, и его предшественника – русский перевод катехизиса М. Лютера, выполненный и напечатанный в Стокгольме в 1628 году. Т. о. религиозно-просветительские цели этих известных нам ранних русских переводов, по всей вероятности, не были достигнуты. Что же касается их лингвистических последствий, то сохранившиеся в библиотеках Швеции три экземпляра русского Стокгольмского катехизиса 1628 года являются собой образец русского письменного языка, не представленного в России того времени. Подробное изучение этого документа еще предстоит.

В предлагаемом докладе рассматриваются несколько более поздние (но, тем не менее, достаточно ранние) русские переводы пиетистско-лютеранской литературы в Германии, выполненные в 1704–1729 гг. и предназначенные для печати в типографии Сиротского дома в Халле с целью их распространения в России. Официальным реципиентом этих переводов предполагалось молодое поколение лютеранцев, родившихся в России и не владеющих якобы родным немецким языком. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что пиетисты из Халле преследовали более далеко идущие религиозные цели. В центре нашего внимания стоят лингвистические, текстологические и филологические вопросы, а также вопросы языковой политики, которые вытекают и непосредственно связаны с проблемой авторства и языка трех имеющихся в Халле документов, представляющих собой перевод так называемого «Малого катехизиса» А. Г. Франке.

Небольшой по объему «трактатик» Франке «*Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende*» (т. наз. «Малый катехизис»), кратко и доступно излагающий основы Священного писания, представлял собой квинтэссенцию пиетистской просветительской идеи и был переведен на целый ряд европейских и неевропейских языков. Переводу на русский язык суждено было стать первым русским переводом и первым русским печатным изданием в Германии. Более того, «русская книжица» из Халле была

представлена Петру I в 1723 году в Нарве полковником Кампенхаузенем, а в 1725 году на совете с отцами церкви Петр I якобы предложил издать ее «после сверки» в 1000 экземплярах в качестве русского катехизиса, т. к. имеющийся представлялся ему «слишком пространным». Этому предприятю не суждено было осуществиться. По данным историков «Малый катехизис» был трижды переведен на русский язык и напечатан в типографии Сиротского дома в Халле: в 1704 году – Йохимом, в 1718 году – К. М. Родде и в 1735 году – С. Тодорским (ср. [Менгель 2004, 62]). Сделанные историками выводы о трех изданиях русского перевода (трех изданиях и их переводах) трактата Франке не подкрепляются, к сожалению, вещественными доказательствами. В Халле имеется только один печатный перевод, один – рукописный и рукописная правка на немецком языке одного перевода, оригинал которого отсутствует.

Впервые проведенный текстологический и лингвистический анализ имеющихся в Халле текстов и соотнесение полученных результатов с данными архивных документов и изысканиями историков позволили сделать следующие выводы:

1. Рукописный перевод принадлежит несомненно перу К. М. Родде. Он был выполнен, очевидно, в 1718 году и сразу же напечатан в Халле. Это печатное издание не сохрани-

лось. Очевидно, именно оно было представлено Петру I в Нарве в 1723 году.

2. С. Тодорский не является автором ни одного из переводов «Малого катехизиса». Он выступил редактором второго издания перевода К. М. Родде, которое представляет имеющийся в Галле печатный экземпляр, выпущенный, по всей вероятности, в 1729, а не в 1735 году.

3. Перевод, исправлению которого посвящена правка, выполнен человеком, слабо владеющим русским и церковнославянским языком и российской языковой ситуацией в целом, очевидно, немцем. Кто автор перевода, и был ли он напечатан (в 1704 году?) пока установить не удалось. Но с высокой степенью достоверности мы можем утверждать, что автором правки является Й. Е. Глюк.

4. Между двумя русскими переводами из Халле (правка, рукопись и ее редакция в печатном экземпляре) наблюдается текстологическая преемственность при наличии различных лингвистических установок у автора правки, переводчиков и редактора, что обусловлено их неоднозначным пониманием (и различной степенью толерирования) языковой политики в России в первой трети XVIII века в преддверии лингво-политической дискуссии о русском литературном языке нового типа.

Функционально-семантические особенности слов этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке

А. Г. Муллагалиева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань

Гнездо с корневым *gi-, история слов

Summary. The paper «Functional and semantic features of the words with the stem *gi-» describes the functional properties and semantic features of words with the ancient Indo-European stem *gi- in the Russian language.

Корень *gi- – один из самых ярких и значимых корней в языке, потому что слова с этим древним корнем обозначают такие жизненно важные действия, состояния, понятия, признаки, как *жить*, *жизнь*, *живот*, *жила*, *живой*, *выживаемость* и другие. Отдельные элементы указанного гнезда были объектом частных исследований, подвергались анализу с разных аспектов. Отсутствие комплексного исследования обширного гнезда с корневым *gi-, которое представило бы данное этимологическое гнездо в его полном составе, включающем в себя практически все слова с исследуемым корнем, послужило поводом для описания функциональных и семантических особенностей гнезда с корневым *gi-. Впервые гнездо с корневым *gi- описано в диахроническом аспекте с учетом основных тенденций семантических преобразований и семантических законов, управляющих развитием слов, с объяснением причин деэтимологизации тех или иных слов или исчезновения слов из языка, что привело к распаду гнезда, с привлечением к анализу тех подходов и методов, которые были разработаны и апробированы представителями разных лингвистических школ, и прежде всего казанской.

В результате объединения в одно целое всех этимологически родственных образований, восходящих к исконному *gi-, восстановления первоначальной словообразовательной структуры элементов этого гнезда, определения состава микрогнезд, выделенных на базе исконного этимологического гнезда, установления основного направления семантического развития отдельных лексем было определен полный состав этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке, восстановлены утраченные семантические и словообразовательные связи между элементами исследуемого гнезда, выявлены закономерные изменения, происшедшие в структуре, семантике, сфере употребления слов с данным корнем, описаны функциональные и семантические особенности отдельных элементов гнезда, определена степень их активности, продуктивности в разные периоды развития языка, намечена структурная схема исторического развития всего гнезда с корневым *gi-.

Среди праславянских глаголов *žiti, *gojiti, *gajiti, восходящих к исконному *gi-, в русском языке наиболее широкое развитие получил глагол *жити*, восходящий к праславянскому *žiti. Рефлексы *gojiti сохранились в языке лишь в производных *гой* и *изгой*. Глагол *гаяти* не вышел за преде-

лы диалектного языка. История глагола *жить* – это история постепенного расширения его семантического объема. Спектр значений слова *жить* на современном этапе развития чрезвычайно широк. Глагол *жить* оказался в полной мере продуктивным и в словопроизводстве. В пределах всего этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке гнездо с вершиной *жить* является самым обширным (в отличие, например, от гнезд с вершинами *гойти* и *живой*). Однако его состав не был устойчивым на протяжении длительного исторического развития. Так, глагол *жить* послужил производной базой для образования многочисленных глаголов, в которых семантика производящего *жить* подверглась различным трансформациям, а также слов с семантикой процесса (*жизнь*, *житие*, *житье*), места (*жилище*, *жило*, *жилье*) и лица (*житель*, *жилец*). Древнее значение глагола *жить* своеобразно трансформируется в этимологически родственных образованиях *жила*, *жир*, *жито*, *пахить*, *нежить*. Некоторые элементы гнезда в силу ряда причин, как лингвистических, так и экстралингвистических, пополнили пассивный словарный запас русского языка (например, *зажить*, *нажить*, *сожить*, *жило*, *пахить* и т. д.), другие подверглись процессу деэтимологизации (*жила*, *жито*, *жир*, *нежить* и их производные), в результате чего единое ранее гнездо распалось на отдельные группы слов или отдельные лексемы, ставшие самостоятельными, утратившие членимость и соотнесенность с исходным *жить* (например, *жилка* ‘способность к какой-либо деятельности’, *иждивенец*, *двужилный*). Появление в языке таких производных от исходного *жить* лексем, как *жила*, *жир*, *жито*, *пахить*, связано с тем, что указанные слова были образованы для обозначения тех реалий, которые в представлениях древнерусского человека, основным занятием которого было земледелие, являлись источником жизни, (*жила* – подземное, родниковое русло, *жир* и *жито* – пища, корм, *пахить* – пастбище, дающее корм). Каждое из перечисленных лексем послужило базой для активного словопроизводства, результатом которого явились многочисленные по составу элементов словообразовательные гнезда слов с вершинами *жила*, *жир*, *жито*, *пахить*, из которых в активном употреблении остались лексемы, восходящие к исходным *жила* и *жир*, а слова *жито* и *пахить* оказались на периферии лексического состава языка под влиянием экстралингвистических факторов.

В пределах словообразовательного гнезда с вершиной *жить* можно выделить следующие продуктивные модели образования слов: образование абстрактных существительных с помощью суффиксов *-иј-* (*житие, дожитие, зажитие, изжитие, пожитие, прижитие, прожитие, сожитие*), *-аниј-* (*вживание, выживание, доживание, заживание, изживание, наживание, переживание, приживание, проживание*), образование существительных с помощью суффиксов *-ок-* (*вжиток, зажиток, нажиток, отжиток, пережиток, пожиток, прожиток*), *-к-* (*наживка, приживка*), образование субстантивированных прилагательных (*жилое, зажилое, пожилое*).

В развитии древнего прилагательного *живой* в русском языке наблюдается постепенный процесс расширения его семантического объема от исконного значения 'живой, противоположный мертвому' до образования восьми лексико-семантических вариантов, отмечаемых в словарях современного русского языка. При этом идет процесс постоянного обогащения семантической структуры данного прила-

тельного новыми семемами за счет расширения возможностей сочетаемости прилагательного *живой*, в результате чего рождаются новые устойчивые сочетания. Лексема *живой* имеет обширную словообразовательную парадигму, в которую входят 8 глаголов (*вжизвить, жизвить, зажизвить, жизвотворить, нажизвить, ожизвить, пожизвиться, прижизвить*), 12 существительных (*жизвец, живописец, живоглот, живодед, живчик, живица, живика, живокость, жизвость, жизвот, жизвье, жизвинка*), 2 прилагательных (*жизвейный, жизвный*), 7 наречий (*жизво, зажизво, вжизве, жизвля, вжизвую, жизвом, жизвьем*). Большая часть слов гнезда с вершиной *жить* сохранилась в активном словоупотреблении, хотя многие из них уже утратили исконное значение и функционируют с новой, вторичной семантикой (например, лексемы *жизвец, живоглот, живодед, жизвот*).

Поскольку при изучении лексики в историческом плане одновременно раскрывается история народа и его культуры, история слов с корневым **gi-* отражает богатый и разнообразный духовный мир русского человека.

Языковые изменения в текстах старообрядцев-странников XVIII–XIX вв.

С. Ю. Нагорная

Белгородский государственный университет

История русского литературного языка, старообрядчество, норма, эволюция

Summary. The author of the report considers the language of staroobryadtsy-travellers is the one of possible lines in the development progress of Russian language to conditions isolation.

Старообрядчество как особая форма отражения национальной культуры характеризуется обостренным этническим самосознанием. Старообрядчество XVIII в., а тем более XIX–XX вв. остается все еще менее изученным явлением по сравнению с первым периодом старчества.

Изучение старообрядческих текстов актуально в лингвистическом аспекте. Книжный язык данной конфессиональной общины развивается в условиях изоляционизма и пурризма. Изменения, которым подвергался книжно-письменный язык на протяжении более 300 лет, проецирует проблемы современного русского литературного языка в эпоху глобализации и унификации. Тексты разного направления и жанров, в ином социально-культурном пространстве, явно демонстрируют возможные пути эволюции русского языка в переломные исторические периоды.

Старообрядчество аккумулирует непрерывный духовный опыт русской нации, сохраняя системный уклад жизни средневековой Руси, когда вероисповедание и быт составляют одно целое, что, в свою очередь, несмотря на эсхатологическую насыщенность страннического вероучения, способствует акцептации себя и мира и служит залогом vitality данного дискурса.

Актуальность исследования языка старообрядчества составляет определение взаимодействия центральных и периферийных единиц языковой системы, преемственности во времени и пространстве, изучение изменений и основного направления развития системы в диахроническом и синхроническом аспектах, выявление устойчивых и подвижных элементов.

Особое внимание в свете решения поставленных задач вызывают сочинения старообрядцев-странников, одного из влиятельных согласий старчества, возникшего во втор. пол. XVIII в. Специфика страннического вероучения заключается в проповеди необходимости и правомерности для истинных христиан побега из царства антихриста, наступление которого в России они связывали с началом царствования Петра I, но передававшегося от умершего монарха к его преемнику до «кончания века». Следует отметить, что *странничество* как добровольный уход из мира входит в концептуальную картину всей русской культуры. После разрушения рецептивной идеи «Священной державы» под действием европеизации и секуляризации странники видели выход именно в *бегстве*. Но при этом они не исключали связи с миром. В структуру данного согласия входили *истинно странствующие* и *странноприимцы*, живущие в миру, что позволяло не выключаться из социальной структуры общества и воздействовать на своих «оппонентов».

В странничестве, как и в раннем старообрядчестве, преобладает доктрина бережного сохранения «древлеправослав-

ного благочестия» и книжной традиции позднего средневековья. Тем не менее странники, как и другие согласия, были вынуждены создать новое, особое «церковное общество», свою догматическую систему, свой устав, что позволяет наблюдать дальнейшее развитие древнерусских традиций в условиях иной культурной парадигмы.

Отличительной особенностью данного направления является то, что в своих сочинениях авторы-странники кроме авторитетной топики используют различные светские источники, выделяясь тем самым среди других старообрядческих согласий.

Языковой состав сочинений старообрядцев-странников отличается гетерогенностью, которая проецируется присутствием в них языковых элементов двух систем: традиционной (средневековой) и новой – унифицированной. Традиционные и «новые» формы, находясь в одном контексте, отражают восприятие окружающего мира как двойственности бытия, что характерно для всей русской православной культуры в целом.

Авторы при создании своих сочинений ориентируются на авторитетные императивные тексты. Аппеляция к первичным сакральным текстам (Св. Писания, святоотеческих поучений, раннего старчества), характерная для традиционного вероучительного жанра книжности, стимулирует на использование традиционных знаков книжности. Но, ориентируясь на данный топос, странники не максимально сближают свои сочинения с ними по языковому составу. В их сочинении существовал определенный набор признаков книжности, который позволял квалифицировать сочинения в соответствии с книжно-литературной традицией.

Соотнесенность с традицией выражалась в наличии маркированных книжных элементов и в отсутствии маркированных не книжных элементов. К последним относились разговорные синтаксические конструкции, диалектные слова, бытовая лексика и т. д. Маркированными книжными элементами осознавались такие формы, как *dua lia tantum*, сложная система прошедших времен, вокатив, формы со свистящими, формы существительных и прилагательных с традиционными флексиями, традиционные формы глаголов и местоимений, абстрактная лексика, книжный синтаксис и т. д.

Состав маркированных книжных элементов практически не меняется в синхронии, но заметно уменьшается их частотность. При этом сохраняется автономность письменного языка в отличие от разговорного. Языковые навыки, сформированные на основе освоенных текстов предшественников, являются основой преемственности языкового поведения при создании новых текстов. Читательский опыт пишущего позволяет создавать текст, не отличающийся радикально от текстов предшественников.

Среди маркированных знаков книжности можно выделить устойчивые элементы, не подвергавшиеся изменению и разрушению на протяжении веков, и подвижные элементы. Нормализаторские интенции авторов отчетливо просматриваются в исправлениях, наблюдаемых в рукописных текстах. Данные исправления указывают на представления автора о норме книжной текста, которую он кодифицирует в своей практике. Данная нормализация распространяется прежде всего на морфологию и фонетику. В меньшей степени на синтаксис и лексику.

Письменный язык старообрядцев, несмотря на пуристические тенденции в культурной и языковой деятельности, подвергается изменению. Он не остается неизменным, так как

является «живым» языком, на котором не только воспроизводятся сакральные тексты, но и создаются новые, которые, уже в свою очередь, усваиваются, произносятся и перепиываются. Континуальность развития языка в ярко выраженном типе антиассимилятивного культурного поведения проявляет свойства самоорганизующейся языковой системы с заложенной в ней регулятивно-нормирующим механизмом. Сочинения старообрядцев-странников представляют фактический материал, отражающий развитие книжного языка и динамику социокультурных стереотипов в особых условиях. Все это диктует необходимость пристального внимания, изучения и оценки данного рукописного наследия как объективной реальности.

Композиты ранней славяно-русской гимнографии: особенности деривации*

С. А. Никифорова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

История русского языка, минея, композит, калькирование, деривация

Summary. The research is devoted to the analysis of the mechanism of occurrence of composites in the ancient slavonic text. The complex process of interaction of Greek and Slavonic semantics at an early stage of development of a Christian terminology conducts to occurrence bright derivations types. The research of early types of composites allows to define criteria and time of formation of Slavonic models.

Традиционно, говоря о композитных образованиях в языке, ученые обращают внимание на структуру сложного слова и в первую очередь на категориальное соотношение его составляющих (А. Вайан, А. Мейе, Э. Бенвенист, А. Н. Савченко и др.). Механизм же вхождения композита в языковую систему на ранних этапах развития русского литературного языка не подвергался глубокому описанию в научной литературе и проблема соотношения заимствования (здесь – кальки) как категориальной единицы и собственно славянского как словообразовательного, так и семантического моделирования сложного слова остается на сегодняшний день открытой.

1. Ранняя древнерусская гимнография стала сегодня одним из важнейших источников изучения истории языка. Литургический текст минеи изобилует композитами, в полной мере отвечающими требованиям жанра (это аллюзивный поэтический текст, обеспечивающий многоаспектность прочтения содержания композита – *боголюбьць* ‘любящий Бога, любимый Богом’) и критериям структурирования термина христианства (понятийная мотивированность, прозрачность внутренней формы, ср., например, двусосновные славянские и одноосновные греческие – *благодать, добродѣтель / χάρις, ἀρετή*). Факт тесной структурной и смысловой спаянности раннеславянского текста с греческим оригиналом позволяет нам говорить о греко-славянском тексте, лучше – интертексте (миней), если принять во внимание цельное, достаточно однородное по принципам построения текстовое пространство, очерченное жанрово. Такой подход к тексту позволяет говорить о возможности семантического взаимодействия единиц двух языковых систем – греческой и славянской – на этапе перевода. Исследование проводилось на материале древнейшей славяно-русской гимнографии – Путятиной Миней XI века (Новгородская служебная минея на май, РНБ. Соф. 202) и Ильиной книги XI–XII века (РГАДА. Тип. 131).

2. Критерии различения заимствованных композитов-калек и собственно славянских образований, создаваемых по уже сформировавшейся древнерусской модели / типу, до сегодняшнего дня не выработаны. «Обрастание» калькированного слова формальными, как словообразовательными, так и грамматическими показателями, осуществлялось на базе уже существующих в славянской системе моделей, о чем говорит частое нарушение эквивалентности аффиксальных элементов греческого и славянского слов (*богословъ, богословьнь, богословьць / θεολογος*).

Возможность же разноаффиксных образований – результат поиска адекватных средств отражения христианского понятия в славянской языковой системе на раннем этапе перевода; при этом вариативны как аффиксы, так и корневые морфемы, что говорит о нескольких иных основаниях

для заимствования многоосновного греческого слова, чем простое калькирование и последующее усвоение словообразовательной модели.

Калькирование при переводе древнейшего текста, на наш взгляд, чаще всего сопровождается активной семантической обработкой слова – транспозицией и ментализацией, а значит, особенности деривации композитов в раннем славяно-русском тексте определяются в первую очередь спецификой раннего этапа освоения христианских понятийных единиц на славянской почве: активизация самой модели сложного слова неразрывно связана с переосмыслением семантики основ.

В пределах текста, с одной стороны, на базе «свободных» сочетаний (относительность такой свободы очевидна в силу все того же переводного характера текста) для славянина репрезентируется новая система элементов мироустройства, с другой – в сложных образованиях фрагменты новой картины мира представлены как неразрывно спаянные, смежные или даже тождественные (ПМ – *благовѣриѣ* при исключительности значения *вѣра* в тексте – ‘христианская вера’; Ил – *богоприснодвижимо / οὐρανὸν ἀεικίνητον*; здесь же – *моуженеискоусьна, без моужа / ἀπειρανδρό-*). Композит становится особым средством репрезентации христианского явления, сложного по сути (соединяющего разные понятийные области), а такое средство в свою очередь оказывается оптимальным при модификации структур языкового сознания, так как обладает прозрачной внутренней формой, отражающей не только собственно понятийные элементы, но и их связи.

Таким образом, механизм калькирования греческой единицы в древнеславянской системе значительно сложнее калькирования в современном языке: освоение модели сопровождается а) актуализацией существующих дохристианских смыслов славянского слова (ПМ – *благовѣриѣ, благочьстиѣ*, Ил – *благодѣяниѣ / εὐσεβεία*), в) изменением объема понятия славянского слова под влиянием греческого (Ил – *φωτοδότην* → *свѣтодавьць / жизнодавьць – Богъ*), г) поиском адекватной славянской единицы для отражения новой понятийной единицы, что обуславливает широкую вариативность как основ, так и аффиксов, д) соотношением сформированной грамматической семантики греческого слова с только формирующейся грамматической семантикой слова славянского.

3. Этапом сформированности словообразовательного типа для композита, на наш взгляд, можно считать период XIV в., когда

а) сформировались основные славянские словообразовательные типы и модели в сфере одноосновных слов (мы имеем в виду закрепленность основных суффиксальных именных и префиксальных глагольных аффиксов за известным словообразовательным значением – например, суффик-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант 05-07-90217-в).

сов -ьн-, -Ø-, -о-, -ѣ- и др., сформированность трансфикса и конфикса как прерывистых морфем, что также связано с развитой системой непрерывистых аффиксов и т. д.);

б) частеречная характеристика слова становится грамматически определенной и формально выраженной, потому что системное моделирование в языке, безусловно, связано с четким категориальным соотношением денотата и средства его названия (предмет – существительное, признак – прилагательное или наречие, действие – глагол и т. д.);

в) произошло распадение синкретизма семантики (как лексической, так и грамматической) одноосновных единиц, базовых для композита, с одной стороны, и появились случаи демотивированности композитов (типа *благодать, благоволити*), с другой;

г) композиты исходного типа (калькированные и бытовавшие в древнейших текстах) становятся словообразовательной базой для единиц как семантической, так и морфемной деривации.

Из грамматической лексикологии русского субстантива XVIII – начала XIX в.*

Г. А. Николаев, Т. А. Корнеева

Казанский государственный университет / Татарский государственный гуманитарный педагогический университет, Казань

Грамматическая лексикология, субстантив, множественное число, варианты

Summary. In the abstract are studied some problems of grammatical lexicology (a new branch of the Old-Russian historical grammar) on example of plural forms 'kolena – koleni' in the literary Russian of the second half of XVIII-th – the beginning of XIX-th century.

Грамматическая история отдельного слова или группы слов, имеющих сходные языковые характеристики, составляет предмет особого раздела исторической науки о русском языке, который, по удачному определению В. М. Маркова, называется *грамматической лексикологией* и активно разрабатывается казанскими лингвистами. Спецификой этого раздела науки, в отличие от исторической морфологии, является то, что грамматическая история слова здесь тесно увязана с его лексической историей.

Одним из объектов исследования грамматической лексикологии являются варианты (синонимические) формы изменяемых слов, и в первую очередь – имен существительных. Интерес для исследователя представляют субстантивные формы как единственного числа типа *чая – чаю* или *размаха – размаху, господе – господеви* или *монастыри – монастыреве* (в их семантической или словообразовательной обусловленности), так и (особенно) субстантивные формы множественного числа типа *сыновья – сыны, соседи – соседи, колена – колени* и др., семантическая и / или стилистическая обусловленность которых проходит через их плюральные парадигмы.

Легче всего семантические и стилистические различия между этими формами можно увидеть в сохранившихся в современном русском языке формах *сыновья* ('дети') и *сыны* ('граждане': *России верные сыны*). Синонимия *соседи – соседи* не сохранилась в языке, но она широко была распространена в конце XVIII – начале XIX в. В языке А. С. Пушкина просматривается семантическая дифференциация этих синонимов: форму *соседи* (и далее: *соседов, соседям...*) поэт чаще применял в случаях названия конкретных лиц. Например: *И детям прочили венцы Друзья-соседи, их отцы* («Евгений Онегин»); *Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась* («Дубровский»). Ср.: *А князь тем ядом напичкал Свои послушливые стрелы И с ними гибель разослал К соседям в чуждые пределы* («Анчар») и др. (см. подробнее: [1, 138–141]).

Следуя традициям казанских ученых, мы намереваемся рассмотреть широко распространенную в русском языке указанного периода дублетность форм *колена* (исторически закономерная форма имен. множ.) – *колени* (восходящая к форме имен. двойств.) и определить их функциональные различия, если таковые имелись. Проблемы грамматической лексикологии могут ставиться и решаться на материале любого периода истории русского языка. Тем не менее, наиболее богатым языковыми фактами, дающими богатый материал для грамматической лексикологии, является период с середины XVIII до середины XIX в. Именно в этот период берут начало или проявляют особую активность многие случаи взаимодействия лексических и грамматических факторов. XVIII век в истории русского языка Ю. С. Сорокин очень точно назвал веком «словесного эксперимента» [2, 36]. В ходе этого «эксперимента» проверялась не только лексическая значимость слова, но апробировались и его грамматические варианты и синонимы для дальнейшего применения их в вырабатываемых языковых нормах. В свя-

зи с этим особенно важными для нас являются случаи использования дублетных форм в языке М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина.

Функционирование в русском языке второй половины XVIII – начала XIX в. дублетных форм *колена – колени* отражает сложную картину языковых отношений. Эти формы отмечены в языке поэзии и прозы. В поэтических текстах наличие той или иной формы могло быть обусловлено рифмой, если они встречались в конце стихотворной строки (например, *колени – тени* у Державина и Сумарокова, *премена – колена* у Княжнина и мн. др.). В версификационных целях могли употребляться и разносложные косвенные формы (а именно формы *колен* и *коленей*). Такие случаи не дают нам необходимой информации.

Писатели и поэты XVIII – начала XIX в. употребляли обе эти формы и часто без особых различий, о чем свидетельствуют факты использования их в одних контекстах в пределах даже одного произведения (ср., например, в трагедии В. К. Тредиаковского «Деидамия»: *Упала на колѣни* – С. 702; *Пала наки на колѣна* – С. 704).

Однако у многих писателей, начиная с М. В. Ломоносова, намечается определенная разница в применении этих форм: *колени* – когда речь идет об одном человеке (своеобразная рефлексия на двойственное число древнерусского языка) и *колена* – когда речь идет о народе или о множестве лиц (в том числе и в метонимических переносах): [Швед], *пред нами что колени клонит* (М. В. Ломоносов); *Москва едина, на колена Упав, перед тобой стоит* (М. В. Ломоносов). А. П. Сумароков в 28 случаях употребляет форму *колени* применительно к одному человеку и только один раз в плюральном значении. В других случаях в имен. множ. поэт употребляет форму *колена*.

Такие же семантические разграничения мы находим у М. Хераскова. Но особенно интересны показания языка Н. М. Карамзина. Нами отмечено в двухтомнике его сочинений 40 случаев употребления формы *колени* (35 раз в применении к одному человеку и лишь в пяти случаях во множ. числе) и 17 случаев употребления формы *колена* (из них 11 раз в значении множ. числа). Случайно это или нет, но в языке реформаторов языка (Ломоносова, Сумарокова, Карамзина) четко прослеживается предпочтение применять эти формы в зависимости от числовой семантики. У других писателей этого периода таких строгих разграничений нет. Так, язык произведений Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, И. И. Новикова, А. Н. Радищева и др. не дает нам оснований видеть в этих формах какие-либо различия.

Писатели и поэты начала XIX века продолжают использовать обе формы. В их языке эти формы чаще используются в стилистических целях: форма *колени* становится обыденной формой, в то же время форма *колена* чаще выступает в текстах высокого стиля. Этому способствует использование ее в устойчивом сочетании с книжным глаголом *преклонить*. Ср.: *У гроба матери, колена преклонив* (Пушкин). Или: *Но колени моих пред вами Преклонить я не посмел* (Пушкин); *Колена всех преклонены* (Блок) и др.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 05-07-90376).

В XIX веке вариативные формы *колена* – *колени* используют И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев и др. Стилистическая маркированность формы *колена* особенно просматривается в современном ее употреблении (ССРЛЯ квалифицирует ее как устаревшую), в условиях, когда нормативной стала форма *колени*.

Литература

1. *Серебряная И. Б.* К грамматической истории существительного *сосед* в русском языке // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Ижевск, 1980.
2. *Сорокин Ю. С.* О «Словаре русского языка XVII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965.

Славяно-русские Ареопагитики XVIII века

Н. Г. Николаева

Казанский государственный университет

Язык духовной литературы, проблемы перевода, Ареопагитики XVIII века

Summary. The paper concerns the problem of language of the theological literature in the 18th century on the example of Corpus Areopagiticum translations. The main theme is proportion and interaction of Church Slavonic and Russian in this sphere and analysis of the situation from the aspects of categories *text, genre, style*.

Сочинения неизвестного философа-богослова V века, скрывшегося под именем Дионисия Ареопажита, впервые были переведены в Slavia Orthodoxa в 1371 году. Перевод этот был весьма авторитетным: лишь в конце XVII века Евфимий Чудовской предложил свою версию славянских Ареопажитик. При этом основной задачей Евфимия было стремление к удобопонятности языка памятника, преодоление тяжеловесности стиля первого перевода. Цель эта достигнута не была, поэтому оставалась актуальной необходимость новой версии переложения Ареопажитик на славянский язык. В результате во второй половине XVIII века появляется несколько новых переводов.

Эти переводы – как в совокупности, так и каждый из них по отдельности – отражают все метания, которые переживала духовная литература в то время. По В. М. Живову, духовная литература должна была выбрать между языком церковнославянским (понимаемым как язык узкой сферы богослужения и церковных книг) и новым литературным языком, вобравшим в себя элементы как секулярного языка, так и церковной традиции, – так называемым «славенороссийским». Переводы Ареопажитик XVIII века отражают эту непростую ситуацию выбора.

Для рассмотрения мы выбрали три перевода последней трети XVIII века: перевод Паисия Величковского (рукопись ГИМ, Симон. собр. № 5), перевод анонимного автора (РГБ. Ф. 178 № 1345) и, наконец, перевод иеромонаха Моисея (Гумилевского) в 1786–1787 гг (первые печатные русские Ареопажитики).

Паисий Величковский берет себе за образец *текст* церковных и богослужебных книг, ориентируется на языковые особенности и законы данного *жанра* и создает свой *стиль*. Несмотря на то, что индивидуальные черты этого стиля скрываются за традицией, мы можем выделить некоторые типичные для перевода Паисия особенности и определить круг его субъективных предпочтений. Основной характеристикой этого стиля является архаизация на всех языковых уровнях (грамматика, лексика, словообразование). Усовершенствование, по Паисию, заключалось не в буквальном следовании греческому тексту (как это понимал Евфимий), а в ориентации на лучшие образцы традиционной славянской книжности. Но этот формальный отход в прошлое, так же, как и инновации Евфимия, были очередным испытанием для церковнославянского языка, поскольку решался вопрос о его статусе и дальнейшей судьбе в русской культуре. Перевод Паисия с его внутренними противоречиями исторически подтвердил наметившееся решение проблемы: церковнославянский язык в своей застывшей форме мог функционировать только в сфере богослужебной литературы. Чтобы оставаться языком литературы духовной (в частности, богословской) церковнославянский должен был эволюционировать, претворяя при этом свою традицию в стиль.

Труд анонимного переводчика Ареопажитик (рукопись из собрания РГБ) отличается новая свобода в обращении с греческим текстом и средствами родного языка в связи со сменой переводческой доктрины и общими исканиями, присущими языку духовной литературы того времени вообще. Вследствие свободного обращения с греческим текстом появляются неожиданные, творческие переводы, меняется построение текста, текст расширяется за счет множественных

экспликаций в парных образованиях и разложения сложных слов. Как следует относиться к этим явлениям? Пожалуй, это осознанное подражание образцам (в т. ч. плетения словес), цель которого создать, подобно Псевдо-Дионисию, символическое поле текста. В решении этой проблемы данный перевод является уникальным: ни до, ни после него никто не прибегал к подобным расширениям текста, которые можно рассматривать как проявление индивидуального стиля автора.

Вследствие использования средств из разных функциональных арсеналов церковнославянского и русского языка устанавливается кризисная ситуация, которая в общем масштабе духовной литературы, с одной стороны, должна была окончательно решить судьбу церковнославянского языка в русском языковом пространстве, а с другой стороны, сформировать высокий стиль русского литературного языка.

Решение проблемы намечается в третьем переводе XVIII века – Моисея (Гумилевского). Перевод Гумилевского – первый собственно русский перевод корпуса, что особенно явно проявляется на уровне морфологии и синтаксиса. Наследие церковнославянского языка Моисей использует более в лексике, употребляя явные архаизмы или устаревшие слова из первого перевода Ареопажитик.

Материал Ареопажитик показывает, что в сфере духовной литературы ситуация разворачивалась не всегда по одному общему сценарию. Во-первых, Ареопажитики в общем и целом не затронула стадия «гибридности». Во-вторых, в конце XVIII века, когда церковнославянский должен ограничить свое функционирование традицией и потребностями управления культа, он вдруг воплощается – при этом в своей гиперкорректной форме – в переводах текстов не богослужебных, а богословских. Эта тенденция будет продолжаться и в первой трети XIX века. Монах Серапион, переписавший уже в XIX веке компилированный из разных переводов текст Ареопажитик, в своем предисловии утверждает, что тексту этому более приличествует «славянский». Видимо, основным его аргументом является не утраченное еще в сознании *достоинство* (Р. Пиккио) церковнославянского, поскольку далее он просто приводит таблицу сопоставлений слов и выражений «Славянского Диалекта» и «Русского языка». В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что, хотя и перевод Паисия Величковского, и перевод из собрания РГБ написаны языком церковнославянским, но различие их настолько бросается в глаза, что не может быть объяснено только рамками индивидуальных предпочтений.

Все эти расхождения с основной магистралью языкового развития подводят нас к следующим выводам: (1) язык духовной литературы консервативен: в нем не только дольше проходят отдельные процессы, но и сам он склонен сохранять свою самость, (церковнославянскую) традицию; (2) переводчики, избирая для своих переложений церковнославянский язык, останавливаются на нем свой выбор не как на системе, но как на тексте-образце – в лучших традициях этого языка, поэтому и получают столь разные конечные результаты; (3) в свою очередь это свидетельствует о том, что невозможно более воспринимать «текст-образец» в средневековом смысле: синкретичное единство текст-жанр-стиль (В. В. Колосов) распадается к этому времени окончательно,

и чтобы создать текст определенного жанра приходится искать нужный стиль; текст-образец – это, фактически, категория стилистического плана, которая к тому же позволяет формировать и стиль индивидуальный; поэтому (4) поиски переводчиков, ориентировавшихся на образцы церковнославянские, и выбор Моисеем (Гумилевским) в качестве языка перевода нового русского литературного языка с элементами церковнославянского – явления одного плана.

Материалы подготовлены при поддержке гранта Президента РФ молодым ученым – кандидатам наук МК-1382.2005.06.

Материалы подготовлены при поддержке гранта Президента РФ молодым ученым – кандидатам наук МК-1382.2005.06.

Стилистическое новаторство Аввакума

Т. М. Николаева

Казанский государственный университет

Атрибуты публицистики, нейтрализация, «художественное время», обращение

Summary. The work deals with a new interpretation of the genre of Abbakoum's «Zhitiye». Different ways of publicistic text organization are considered: the collision of book and colloquial elements; the subjective, psychological understanding of temporal semantics by Abbakoum («poetic time»); the author's individual critical assessment in addressing.

Отдавая приоритет деятельности Аввакума в начавшемся процессе формирования русского литературного языка эпохи нации, учебная и научная литература ограничиваются лишь констатацией факта, оставляя неизученными многочисленные вопросы, в том числе связанные с жанровой принадлежностью «Жития» и спецификой приемов организации текста. Сложная система «словесных форм», представленная в «Житии»: автобиографические рассказы с бытовыми зарисовками, торжественное прочтение библейских текстов, беседа, проповедь, поучение, юмористические и сатирические описания, обусловила отсутствие четкой характеристики жанра, если не считать точки зрения Н. К. Гудзия, который считал, что Аввакум реформировал традиционный жанр жития.

Вместе с тем в «Житии» нашли отражение все атрибуты публицистики: критика окружающей действительности, рассуждения на злободневные темы, социальная позиция автора, определяющая пафос обличения никониан, полемическая направленность, повышенный интерес к исторической и современной житейской обстановке, воспитательные описания на темы религии, патриотизма с привлечением Священного писания, апелляция к слушателю (читателю), риторические восклицания, «кусательные» вопросы. «Житие» представляет собой художественное обобщение характерных явлений русской жизни второй половины XII века. Отражая важные исторические события, автор насыщал их фактами реальной жизни, давая оценку с точки зрения социально-религиозной оппозиции, отсюда сложное, развернутое повествование с большим количеством действующих лиц и главным героем. Противоречивость мировоззрения самого Аввакума, восприятия им действительности, сказавшаяся в смешении идей религиозного фанатизма и мученичества с ненавистью к никонианам, с жадной правды, борьбы, боли за страдания русского народа, – все это определило и жанровую специфику сочинения. Сказанное дает основание рассматривать «Житие протопопа Аввакума» в одном ряду с его публицистическими произведениями-эссе: «Послание к верным», «Совет святым отцем преподобным», «Что есть тайна христианская» и др.

Стилистическое новаторство Аввакума определяется не только использованием народно-разговорных, просторечных, диалектных элементов – «вяканьем», но и введением церковнославянизмов в качестве структурных составляющих общественно-бытовой речи. С другой стороны, просторечные лексемы вводятся в церковную атмосферу, соприкасаясь с архаизмами, они лишают их стилистической маркированности, «обмирщают» их, придают им конкретно-бытовой облик. Этот стилистический прием способствует взаимопроникновению и взаимодействию двух стилистически противопоставленных сфер, что в конечном счете приводит к нейтрализации церковнославянизмов.

Основной прием, который использует Аввакум для нивелировки книжных элементов, – их столкновение с народно-разговорными лексемами: *Владычице, пресвятая богородице, уйми дурака твою!* Этот прием реализуется также: 1) в образовании оксюморонных сочетаний: *гнусные уставы, зломрадные духоносцы*, 2) в случаях вольной авторской интерпретации церковных формул: вместо *Припади к ногам христовым* – *Держись за христовы ноги*, 3) в повторе генетически общих, но семантически разошедшихся и функционирующих в разных (духовной и бытовой) сферах лексем – прием традиционно сложившегося риторического искусства: *блудный сын, заблудих от дома отца моего*, 4) в совмеще-

нии в одном ряду лексем, обозначающих служителей церкви, с «ругательными» словами: *Знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никониане, воры, прелатаи*, 5) в случаях «перевода» трудных для понимания архаизмов: *Был я велми приалчен, сиречь есть захотел* и т. д.

Сочетаемость разностилевых средств проявляется также на грамматическом уровне (употребление союза *яко* и наречия *наки* с просторечными словами и наоборот – просторечных междометий *ни-ни, ох, ох*, диалектной частицы *от*, разговорных частиц *де* и *то* с церковной лексикой, использование в одном предложении разговорных инфинитивов с книжными: *токмо насыщаются и напиватися, и как блудить ваше дело*, внедрение в «дательный самостоятельный» бытовых лексем: *Брату пошедиу... затвори за ним сенцы* и др.).

Публицистическую направленность «Жития» определяет субъективное, психологическое понимание автором темпоральной семантики, по Д. С. Лихачёву – это «художественное время»: в центре – сам автор, который семантически трансформирует формы настоящего и прошедшего, что осуществляется, как правило, в контекстах, содержащих, наряду с формами настоящего времени, совершенные формы, тем самым настоящее актуализирует прошлое, делая его настоящим, жизненным, «земным»: *Жена моя на палубы из воды робят кое-как вытаскала... А я кричу... Особо следует сказать о совершенном времени, которое хотя и происходит в прошлом, но воспринимается как настоящее, таким образом, происходит своеобразная семантизация значений совершенного: результативность для настоящего, а отсюда и обратное – оценка событий автором из определенной точки настоящего, которая определяет временную перспективу, – прием, создающий публицистическую направленность, что было совершенно чуждо языку предшествующих эпох. Иногда автор целенаправленно сталкивает несколько временных планов, тем самым осуществляя «перемежение» времени: *мучился – ночью – уйду – просился*, что усиливает динамику глагола и способствует экспрессивному воздействию на читателя. Реставрируя аорист и имперфект, Аввакум включает их вместе с совершенным в нетрадиционную систему стилистических противопоставлений: высокого, вечного, божественного (имперфект, аорист) и обыденного, мимолетного, преходящего (совершенное).*

Полемика, которая предполагает диалог и, следовательно, обращение к адресату – наиболее распространенный прием организации публицистического текста, представлен у Аввакума достаточно многопланово. С одной стороны, автор использует традиционные формы обращения – штампы (к богу, божественным силам, мифическим персонажам, сподвижникам – «детям духовным», читателям), тем самым продолжая традицию положительной характеристики адресатов, с другой – насыщает обращение индивидуальным смыслом, эмоционально обогащает его, выражая свое отношение к персонажам и свой взгляд на действительность (к царям, служителям церкви, никонианам и их деяниям), в таких случаях обращение у Аввакума насыщается индивидуально-авторской критической оценкой, что позволяет говорить о зарождении им новой традиции. Автор максимально реализует коммуникативную функцию обращений, привлекая целый ряд грамматических показателей.

Публицистика Аввакума является богатейшим материалом для лингвистических исследований. Без учета ее значимости не может быть создана реальная картина состояния русского литературного языка второй половины XII столетия.

Грамматика церковнославянского языка начала XVIII века из фондов музея-заповедника «Московский Кремль»: структура и основные особенности

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История русского литературного языка, церковнославянский язык XVIII в., грамматические сочинения

Summary. In the report presented above, is offered the description of the «Grammar» – the hand-written monument dated on 1733, stored now in manuscripts assembly of the Moscow Kremlin. The given «Grammar» practically is not involved in a scientific revolution, meanwhile as its structure, textual and language features present interest for the scholars. Also some features of the considered text in comparison with known Grammatik compositions of the same period will be described.

В собрании рукописей Московского Кремля хранится «Грамматика беседословная» (музей-заповедник «Московский Кремль» № кн. 213) начала XVIII века, не включенная пока в описания грамматических сочинений XVII–XVIII вв. Рукопись датирована 7241 годом (л. 2). Автор подписался, назвав себя Иваном Иконником (л. 4 об.). Безусловно считая Ивана Иконника автором данного грамматического сочинения и рукописи в целом, Ф. И. Буслаев (см. [1], ссылка на это сообщение Ф. И. Буслаева есть в [2, 17]) опубликовал в своей хрестоматии два фрагмента из нее, других лингвистических исследований рукописи не было. Ф. И. Буслаев упоминает и о находящихся в Грамматике иллюстрациях.

Уже Ф. И. Буслаев считает Грамматику не списанной полностью с Грамматики Мелетия Смотрицкого (ученый не указывает, с каким из вариантов данного текста он сопоставлял грамматические разделы Грамматики Ивана Иконника), но предполагает самостоятельное использование автором грамматических пособий. Действительно, в предисловии к грамматическому сочинению (л. 2–4 об.) Иван Иконник заявляет, что не переписывает грамматику, а пересказывает ее для лучшего запоминания и понимания. С этой же целью автором выбрана катехизисная форма изложения, выдержанная довольно последовательно (с листа 142 начинается пословный разбор, также выдержанный в вопросно-ответной форме).

Действительно, часть формулировок, предложенных в тексте, не являются полным аналогом известных грамматических формул. Большой интерес вызывают также записи на полях и многочисленные вставки и вклейки в Грамматику, некоторые из них представляют собой попытки дать своими словами известную грамматическую формулу (например, вклейка о падеже на л. 69 об.).

В докладе будут представлен подробный анализ структуры Грамматики Ивана Иконника, сопоставление ее с известными и распространенными в начале XVIII в. грамматическими сочинениями.

Нам кажется интересной попытка установить, с чем связано появление самой Грамматики и ее практическое использование в течение какого-то времени (о чем свидетельствуют пометы, вклейки и исправления в тексте). Можно связать ее возникновение с указами Петра I от 1723 и 1724 гг. об обязательном обучении в школах (в том числе и в Заиконоспасской академии) молодых монахов для повышения уровня их грамотности (см., например: [3, 379]). Сам Иконник в предисловии представляет себя как ученика, составив-

шего грамматику в дни своего учения. Себя он именуется «прислышателем искусных разговоров», а не искусным ритором и философом, поэтому рекомендует свое «пособие» скорее тем, кто не понимает сложных грамматических формул. В связи с этим обращает на себя внимание непоследовательность автора при составлении текста, причем как в морфологии, так и в орфографии. Эта непоследовательность также будет показана в докладе.

Обстоятельства создания Грамматики могут быть связаны и с вопросом о том, как рукопись могла попасть в фонд Московского Кремля. Ф. И. Буслаев ссылается на грамматику как на принадлежащую князю М. А. Оболенскому. Князь М. А. Оболенский назначен в 1853 году заведующим Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате, поэтому можно лишь догадываться, личное собрание известного археографа или находящиеся в его распоряжении фонды имел в виду Буслаев. [Ст. научн. сотр. – хранитель фонда рукописных и старопечатных книг музея-заповедника «Московский Кремль» Е. В. Исаева в настоящее время устанавливает факт наличия рукописи в фондах Древлехранилища Оружейной палаты в середине века, в конце XIX века Грамматика фигурирует в описании рукописных фондов музеев Кремля как «Грамматика 1733 г. с оригинала Ивана Иконника» (по устному сообщению Е. В. Исаевой).] В докладе будет сделана попытка проследить возможную историю рукописи.

Изучение и описание Грамматики Ивана Иконника позволит рассматривать грамматику церковнославянского языка XVII века не только как этап, предшествующий появлению грамматик русского языка, но и как еще один шаг к переходу от обучения церковнославянскому языку по Часослову и Псалтири к образованию западного типа. Именно поэтому интерес представляют собой не только грамматические главы, но и предисловия и послесловия, объясняющие необходимость знания грамматики. Характер этих глав будет рассмотрен в рамках доклада.

Литература

- Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, С. 1295–1298; репринт М., 2004. С. 654–655.
- Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000.
- Прот. Г. Флоровский. Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996.

О синтаксических вариациях в древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина XIII–XIV вв.

М. О. Новак

Казанский государственный университет

Паренесис, древнеславянский перевод, синтаксис

Summary. In this abstract syntactic differences between Greek and OCS Paraenesis are considered. The author focuses on certain reasons of syntactic variations demonstrated by two Russian manuscripts from XIII and XIV centuries.

В настоящем сообщении представлены предварительные наблюдения над синтаксическими вариациями в славяно-греческом Паренесисе Ефрема Сирина. Изучение особенностей славянского перевода Паренесиса проводится в рамках проекта по подготовке к критическому изданию памятника. Ниже обсуждаются два древнерусских списка Паренесиса – Троицкий XIV в. (№ 7 в собрании Троице-Сергиевой Лавры, далее Тр 7) и Погодинский XIII в. (РНБ. Погод. 71 а, далее Пого 71 а). В качестве параллельного греческого принимается текст, опубликованный И. Ассемани (приводится по из-

данию Г. Бойковского 1984 г.). Чтения Тр 7 приводятся на первом месте, поскольку предполагается публикация данного списка как основного; после текстовых примеров в скобках дается указание на лист и столбец каждой рукописи.

Синтаксические разночтения фиксируются в двух аспектах: несовпадения двух славянских списков между собой и несовпадения славянского с греческим. В первом случае один из списков может демонстрировать большую близость к греческому тексту. Поскольку материал пока не обследован полностью, мы воздержимся от приведения статистиче-

ских данных, однако общая тенденция ясна даже на пространстве первых двадцати листов обеих рукописей: список Пог 71 а ближе к тексту Ассемани, чем список Тр 7. Это касается, прежде всего, состава чтений. Так, зачастую в Троицком списке отсутствуют синтагмы, имеющиеся в Пог 71 а и в греческом. Ср.: но кже скершити зижемок (6в) ἀλλὰ τὸ ἐκτελεῖσαι τὴν οἰκοδομίην (в Тр 7 отсутствует); зѣ лѣтѣ пасхи ѡкца краѣа сконча и пакзи кѣ ксифа (13а) ἐτῶν δέκα ἑπτὰ ποιμαίνων τὰ πρόβατα μετὰ τῶν ἀδελφῶν αὐτοῦ. Καὶ πάλιν λέγει· καὶ ἦν Ἰωσήφ (в Тр 7 отсутствует) и т.п. Может наблюдаться и обратная ситуация, когда чтения Троицкого списка не находят параллелей ни в Пог 71 а, ни в тексте Ассемани; последнее чаще касается не пространных синтагм, но отдельных форм: послышаема и мѣи (9в) | послышанима (6в) ἀκούσμεν; сими си ксѣми (10а) | сими ксѣми (7а) ἐν τούτοις πάσι; не коздрхнѣта то помна (10в) | не коздрхнѣта (7в) μὴ στενάξει и т.п.

В отношении порядка слов также наблюдается большая зависимость Пог 71 а от текста Ассемани по сравнению с Тр 7. Ср.: со мяною стѣжетѣ сѣ (4в) | стѣжитѣ сѣ со мною (1а) διαλεχθῆναι μετ' ἐμοῦ; хвала та и копна (5в) | копыа и хвала та (2а) κράζων καὶ εὐφημῶν σε; да чѣтоту ехраниши телесе сконго (11а) | да чѣтоту телесе тконго ехраниши (8в–8г) ἵνα τὴν ἀγγελίαν τοῦ σώματός σου φυλάξης и т.п.

Что касается несовпадений обоих славянских списков с греческим текстом, они могут быть вызваны несколькими причинами. Первая аргументированно показана в исследованиях И. Огрен, посвященных славяно-греческому Паренесису: это несовпадение редакций греческого текста, бывшего в распоряжении древнеславянских переводчиков и справщиков, с редакцией текста, опубликованного И. Ассемани. Этим объясняются значительные отличия в составе чтений либо в синтаксических построениях, например: тѣи сѣма прихѡдиши кѣ гѣу жикѣ истиннѣу (10а) | не тѣи сѣма прихѡдиши кѣ гѣу жикѣ истиннѣу (7а) οὐδεὶς σε βιάζεται, καὶ εἰ ἀληθινῶς συντάσῃ ‘никто себя (не) принуждает, и если бы (он) истинно устраивал...’

Во-вторых, синтаксические отличия диктуются особенностями рецепции греческой грамматики в кирилло-мефодиевской переводческой традиции, представленной в списках Паренесиса. Так, например, существительные в родительном падеже регулярно передаются адъективными формами: кѣ житница гѣна (10г) | кѣ житница гѣна (8б) εἰς τὰς ἀποθήκας τοῦ κυρίου; кѣнеца жикнѣши (16б) | кѣнеца жикнѣши (17в) τὸν στέφανον τῆς ζωῆς; сложные существительные переводятся словосочетаниями: о рѣчнѣма дѣлѣк (12г) | о рѣчнѣма дѣлѣк (11б) περὶ τοῦ ἐρωχεύρου; сѣмѣренѣ мѣд-

рогѣта (16б, 17в) ταπεινοφροσύνην; меди-пассивные глагольные формы передаются сочетаниями страдательных причастий с формами глагола кѣчи: кѣнчѣма кѣкѣкѣта (15в, 16а) στεφανοῦται; предѣна кѣдѣши (15г) | прѣдѣна кѣдѣши (16г) παροδοῦναι и т.д. Указанные отступления от греческого касаются синтаксиса словосочетания, однако подобные явления встречаются и в сложных предложениях, в частности, в условных конструкциях: аще же прикѣчѣта сѣ когда намѣ потрѣдѣтѣ мало кѣше сѣлѣи то да не порощѣма (15в) | аще же прикѣчѣта сѣ намѣ когда потрѣдѣти сѣ мало кѣше сѣлѣи то да не рощѣма (16а) ἐὰν οὖν συμβῆ ποτε ἡμῖν κοπιᾶσαι μικρόν ἢ καὶ ὑπὲρ δύναμιν μὴ γογγύσωμεν. Приведенный контекст является примером регулярного употребления в славянском союзе *то* при отсутствии греческой параллели.

В-третьих, расхождения могут быть вызваны отличиями славянского управления от греческого, которые влечет за собой свободное или приблизительное лексическое решение. Например: сего подокѣкѣта паче помилѣкѣти (15в, 16б) τοῦτω χρῆ μᾶλλον συμπάσχειν ‘такому подобает более сострадать’; аще потрѣкѣлѣши гнои и-среднаго дѣорца потрѣки и кнѣтряннѣу мирскѣна похоти (15г) | аще потрѣкѣлѣши гнои и-срѣднѣаго дѣорца потрѣки и снѣтряннѣау мирскѣна похоти (16б) ἐὰν καταστέλλης ἀπὸ τῶν κοπιῶν τὰ μέσσωλα κατὰστεῖλον καὶ ἐνδοθεν τὰς κομικὰς ἐπιθυμίας ‘если очищаешь от нечистот внутренний двор, вычисти и изнутри мирскую похоть’.

Наконец, отступления от синтаксиса параллельного греческого текста провоцируются неверным прочтением последнего. Например: сподокѣшаго наѣ хѣкомѣ нарѣма изѣкѣлѣшихѣ сѣ временнаго и тѣннаго житна (8г) | кѣкѣшаго (sic!) наѣ хѣкомѣ нарѣма изѣкѣлѣшима сѣ ксѣмѣкѣннаго и тѣннаго житна (5б) τῷ ἀξιῶσαντι ἡμᾶς ὑπὸ τὸν χρῆστον αὐτοῦ ζυγὸν καὶ ῥυσαμένῳ τῶν προσκείρων καὶ φθαρτῶν ‘удостоившему нас под благое свое ярмо и освободившему (от) временных и тленных’. В данном случае факторами, обусловившими перестройку управления в контексте, явились невниманье к дательному падежу греческих причастий, а также интерпретация причастия ῥυσαμένῳ как медиального (в то время как последнее образовано от отложительного глагола ῥύομαι и, следовательно, активно). Это неверное понимание повлекло за собой, как попытку «спасти положение», передачу винительного падежа существительного ζυγὸν творительным. Интересно, что список Пог 71 а и здесь показывает большую точность следования греческому тексту, сохраняя дательный падеж в форме изѣкѣлѣшима сѣ.

Славянские переводы Диатаксиса патриарха Филофея: лексические особенности

С. И. Панова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Диатаксис, славянские переводы, лексика, литургическая терминология

Summary. The study deals with the comparative analysis of the vocabulary of Slavonic translations of the Greek Diataxis. The Serbian origin of one of them is proposed.

В XIII–XIV веках, в результате реформирования богослужебной практики Православной Церкви у славян вслед за Византией был принят Иерусалимский Устав. В это же время редактируется и соответствующий комплекс богослужебных книг – Евангелие, Апостол, Минеи, Триоди, Октоих, Часослов, Служебник, Псалтирь, а также переводится текст, устанавливающий последование литургии Иоанна Златоуста, – Диатаксис, составленный константинопольским патриархом Филофеем (*Διάταξις τῆς Θείας Λειτουργίας*). Переводы этого текста появляются в разных частях славянского мира. Так, известны два перевода Диатаксиса, выполненные в XIV веке: один из них (Зогр.) имеет южнославянское происхождение (авторство приписывается болгарскому патриарху Евфимию Тырновскому), другой (Vat. Slav. 14), возможно, принадлежит русской письменной традиции. Известна также особая редакция предположительно русского перевода (Соф. 859), вероятно, более поздняя по времени создания.

Данное исследование ставит целью лингвистическое описание еще одного перевода упомянутого текста, содержащегося в сербском Служебнике 1386 года (РГБ Рум. 400). Текст представляет собой отдельную редакцию последования литургии Иоанна Златоуста.

Систематический анализ лингвистических данных, в частности, сравнение лексических особенностей данного памятника с упомянутыми выше текстами (предположительно русским Vat. Slav. 14 и болгарским Зогр.) позволило бы определить его место в ряду славянских переводов Диатаксиса.

Обнаруженные различия в выборе лексем в трех переводах можно распределить по следующим группам.

Большую группу разночтений составляют такие, в которых лексема Рум. 400 совпадает с лексемой болгарского перевода Диатаксиса (Зогр.). Здесь присутствуют и глагольные лексеммы: трѣзвѣтнѣ (Рум. 400. Л. 2): трѣзвѣтн (Зогр. С. 1): вѣдѣтн (Vat. Slav. 14. С. 37) – ἐγρηγορέναι, и именные, представляющие собой богослужебную терминологию: проскомнѣна (Рум. 400. Л. 4): проскомнѣ (Зогр. С. 3): жертвенникѣ (Vat. Slav. 14. С. 39)– προθεσεῖ; χτητόрь (Рум. 400. Л. 7): ктѣтѣрь (Зогр. С. 6): создѣтелн (Vat. Slav. 14. С. 45) – κτήτωρ; лѣрь (Рум. 400. Л. 8 об.): лѣрь (Зогр. С. 7): вѣздаѣ (Vat. Slav. 14. С. 47) – ἀήρ. Нетрудно заметить, что при переводе литургических терминов перевод Рум. 400 и болгарский перевод предпочитают грецизм, в то время как предположительно русский перевод Vat. Slav. 14 – славянскую лексему. Такое соотношение свидетельствует в пользу того, что

рассматриваемые болгарский перевод и перевод, содержащийся в Рум. 400 имеют общее южнославянское происхождение, поскольку такие грецизмы, как *прѣстѣнѣдѣ*, *дѣръ*, *хѣтѣръ* характерны именно для переводов южнославянского происхождения. Однако возможно и другое соотношение: славянские общепринятые лексемы в Рум. 400 и болгарском тексте соответствуют уникальному грецизму в предположительно русском переводе: *метанца* (Рум. 400. Л. 7 об.): *метанца* (Зогр. С. 6): *финнкъ* (Vat. Slav. 14. С. 47) – *μούσα*; *льжнца* (Рум. 400. Л. 31): *лъжнца* (Зогр. С. 27): *лавѣта* (Vat. Slav. 14. С. 75) – *λαβίδα*. Встречаются также случаи употребления разных славянских лексем для одного греческого термина: *прѣвѣщеніе* (Рум. 400. Л. 7 об.): *прѣвѣщеніе* (Зогр. С. 6): *прѣвѣщеніе* (Vat. Slav. 14. С. 47) – *κοινωνία*. Данные примеры также свидетельствуют о близости болгарского перевода и перевода Рум. 400.

Более малочисленную группу составляют примеры, в которых вариант Рум. 400 совпадает вариантом предположительно русского перевода Диатакиса, отличаясь при этом от болгарского. Сюда главным образом относятся глагольные лексемы: *прѣнѣмлють* (Рум. 400. Л. 2 об.): *прѣнѣмлють* (Vat. Slav. 14. С. 39): *вѣзмѣ* (Зогр. С. 2) – *λαμβάνουσι*; *вѣкстн* (Рум. 400. Л. 2): *свѣдѣтнѣ* (Vat. Slav. 14. С. 37): *дѣнѣтнѣ* (Зогр. С. 1) – *τηρήσαι*. Присутствуют также и именные термины: *оукропъ* (Рум. 400. Л. 29 об.): *оукропъ* (Vat. Slav. 14. С. 71): *топлота* (Зогр. С. 25) – *ζέοντος*; *топлота* (Рум. 400. Л. 29 об.): *топлота ѣта* (Vat. Slav. 14. С. 73): *нѣжлѣнїе* (Зогр. С. 25) – *Ζέσις*. Эти примеры являются показательными, поскольку лексеме *оукропъ* находим также в сербском переводе Иерусалимского Устава инока Романа 1331 года (РГБ. Сев. 27, XIV в.): *н по луѣ намъ надѣуѣнѣ на вѣѣѣ н оукропъ* (Л. 23 об.), что позволяет предположить сербское происхождение перевода Рум. 400. Однако необходим дальнейший сравнительный анализ сербских памятников того времени.

Возможны также и такие случаи перевода греческих слов, когда в Рум. 400 употребляется уникальная лексема, отличающая этот текст от двух других переводов: *прѣнѣшоу* (Рум. 400. Л. 2): *наставшю* (Vat. Slav. 14. С. 37): *наставшю* (Зогр. С. 1) – *ἐπιστάτης*, *полагѣть* (Рум. 400. Л. 4): *поставѣть* (Vat. Slav. 14. С. 39): *поставѣть* (Зогр. С. 3) – *τιθεῖς*, *вѣдрѣужаѣ* (Рум. 400. Л. 4 об.): *вонзнтѣ* (Vat. Slav. 14. С. 41): *внѣзнтѣ* (Зогр. С. 3) – *πήγνυσι*; *прѣстѣтель* (Рум. 400. Л. 2): *настоѣн* (Vat. Slav. 14. С. 37): *настон* (Зогр. С. 1) – *προεστῶς*, *анкъ* (Рум. 400. Л. 2): *страна* (Vat. Slav. 14. С. 37): *странѣ* (Зогр. С. 1) – *χῶρος*, *слѣужба ѣѣ* (Рум. 400. Л. 6 об.): *дыкъонство* (Vat. Slav. 14. С. 45): *дѣкъонство* (Зогр. С. 5) – *διακονίας*, *їерѣнскнѣ* (Рум. 400. Л. 6 об.): *сѣнскнѣ* (Vat. Slav. 14. С. 45):

сѣнскнѣ (Зогр. С. 5) – *ἱερατικός*. Нужно отметить, что в данной группе примеров автор предпочитает более старую, традиционную лексему (*прѣстѣтель*, *анкъ*, *слѣужба*), в то время как болгарский и предположительно русский переводы более новую.

Самая малочисленная группа случаев – это случаи, в которых каждый из рассматриваемых переводов выбирает свой, отличный от других, эквивалент греческому термину: *поклонѣнїе* (Рум. 400. Л. 2): *поклонъ* (Vat. Slav. 14. С. 37): *мѣтѣнїе* (Зогр. С. 1) – *μετάνοια*; *оукропъ* (Рум. 400. Л. 26): *прѣстѣльшнѣ* (Vat. Slav. 14. С. 69): *оукропъ* (Зогр. С. 22) – *εξομνημένος*.

Таким образом, сравнительный анализ лексических особенностей позволяет утверждать, что рассматриваемый перевод Диатакиса, содержащийся в Служебнике Рум. 400, является особым переводом, о южнославянском происхождении которого свидетельствует использование характерных для той области лексических средств, близость лексики данного перевода к лексике рассматриваемого болгарского текста. О возможном сербском происхождении перевода Рум. 400 говорит наличие сербских памятней (Саввы Сербского, Симеона Сербского), а также некоторых терминов, характерных именно для сербских переводов. Возможно также, что данный текст является сербской редакцией болгарского перевода. Что касается времени создания перевода, можно предположить более ранний период по сравнению с предположительно русским и болгарским евфимиевским переводами, о чем свидетельствует наличие более старых лексем. Однако более точные выводы будут возможны только после полного лингвистического анализа текста на всех уровнях.

Литература

1. *Пентковский А. М.* Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканиите. София, 2004. С. 153–158.
2. *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. I. Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. I–XIV.
3. *Красносельцев Н. Ф.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки, с замечаниями о составе и особенностях богослужебных чинопоследований, в них содержащихся, и с приложениями. Казань, 1885. С. 36–79.
4. *Панова С. И.* «Диатакис» патриарха Филофея Коккина в кругу родственных текстов (характеристика переводческих принципов и лексико-синтаксической нормы). М., 2005.
5. *Афанасьева Т.* Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста в служебниках XI–XV вв. из российских библиотек (в печати).

Церковнославянская лексика: система и характер ее функционирования

Т. В. Пентковская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Лексика, адаптация, регионализация, вариативность, перевод

Summary. This paper examines the character of functioning of the lexical system in Church Slavonic, focusing on the differently directed processes of interaction between lexical units.

В истории изучения книжного языка славян существуют различные взгляды на организацию церковнославянской лексики: эта сфера рассматривается как система различного рода оппозиций (книжная / некнижная лексема, региональная / общеславянская лексема, грецизм / собственно славянская лексема, архаическая / новая лексема и пр.). Все эти подходы фиксируют внимание на разнообразных частных аспектах лексической системы церковнославянского языка.

В рамках истории русского языка разработан функциональный подход к интерпретации языковых фактов, при котором выделяются три процесса, происходящие в книжном языке при взаимодействии книжной и некнижной систем: адаптация элемента живого языка, усвоение элементом статуса признака книжности и вариативность (см., например, [2], [15, 28–31]). В какой мере данные процессы свойственны лексической системе церковнославянского языка?

С адаптацией в сфере лексической системы (то есть с принятием в книжный текст лексем живого языка) связаны процессы регионализации лексики. Введение региональных лексем в текст осуществлялось, прежде всего, при редактировании, связанном с переходом церковнославянских памятников из одной славянской среды в другую (например, при перехо-

де корпуса текстов из Охрида в Преслав или из Болгарии на Русь и в Сербию, а также при обратном движении текстов из Руси к южным славянам). Редактуре подвергались тексты различных жанров. Так, предполагается, что в болгарском по происхождению переводе Синтагмы XIV титулов адаптации подверглись юридические термины, обозначающие разные виды опеки и наследования, и этим объясняется появление в Ефремовской Кормчей XII в. русизмов *тѣмѣнъ* (*κουράτωρ*), *тѣмѣнство* (*κουρατορία*), *зѣдѣнѣца* (*λεγάτων*) [5, 105]. Наиболее часто регионализируются названия реалий: таков характер лексических русизмов в Хронике Георгия Амартола, отчасти в Повести о Варлааме и Иоасафе, в отрывке из Жития Иоанна Милостивого в составе древнейшего перевода Пандектов Никона Черногорца (здесь встречаются лексемы *мѣдъ* ‘хмельной напиток’, *мѣдѣшѣ* ‘винный погреб’, *вѣѣѣнѣца* и *рѣѣѣца* для названия денежных единиц – [12, 105], [13, 238–241], [14, 77–78]). Редактированию был подвергнут древнерусский перевод Жития Андрея Юродивого при переходе (к началу XIV в.) в Болгарию; среди лексических замен обращает на себя внимание замена характерного русизма *зѣдѣнѣца* ‘наследство’ на нейтральное *наслѣдѣнѣ*, а также появление регионального *мотѣнка* (ср. совр. болг. *мотика*) вместо *лысѣкарь* [8, 47–48].

Известны примеры целенаправленного введения региональных лексем при создании особого текста на базе существующего перевода: такова, например, статья о милости-вом Созомене в составе Изборника 1076 г., являющаяся переработкой 69-ой главы восточноболгарского перевода Х в. Жития св. Нифонта. Русскому редактору статьи принадлежат русизмы мѣдъ 'хмельной напиток', ларь 'ковчег' и др. ([6, 81], [9, 397]).

Адаптация лексики при редактировании соотносится отчасти с феноменом так называемого адаптирующего перевода, при котором семы, не актуальные для переводящего языка, заменяются актуальными (например, при создании Закона Судного людемь адаптирующий эквивалент жупанъ '(вое)начальник, представитель знати' был использован при переводе лексемы ταβουλάριος 'практикующий юрист, адвокат' за неимением у славян соответствующей должности – [4, 40]); результатом такого перевода часто становится появление региональных лексем на уровне архетипа. Таким образом, регионализация лексики в определенной мере может осуществляться непосредственно при переводе. Сочетание двух рассмотренных процессов (лексическая регионализация при переводе и при редактировании) ставит перед исследователями проблему локализации церковнославянских переводов.

Регионализация лексики происходила также и при обращении текстов внутри одной славянской среды, примером чему служат переводы, выполненные в Древней Руси в домонгольский период. Такая «внутренняя регионализация» осуществлялась при редактировании текста, причем она затрагивает и сферу богослужебных книг – традиционно наиболее консервативный пласт книжности. Так, в ранней редакции Студийско-Алексиевского Устава употребление регионализма въходъ (εἰσόδος) исчерпывается двумя примерами. В последующих редакциях, однако, число таких случаев существенно возрастает. Русизм въходъ является систематически используются лексемы погостъ и грамота ('долговая расписка'), нехарактерные для южнославянских редакций Нового Завета ([1, 194]).

В процесс регионализации включаются и грецизмы. Грецизация лексики имеет двойную природу. С одной стороны, в пределах контактной греческо-южнославянской зоны грецизмы функционируют в качестве диалектизмов. С другой стороны, существует немало так называемых книжных грецизмов, входящих в церковнославянский язык начиная с ранних переводов (например, спнра в различных редакциях Нового Завета, в том числе Чудовской и афонской, и в переводе Истории Иудейской войны). Характерным примером совмещения статуса книжной и региональной лексемы является литургический грецизм ѡтросъ (ὄρθρος), появившийся в древнейший период славянской книжности в богослужебных текстах в южнославянской среде ([11, 5–7]).

Движение лексики не имеет однонаправленный характер. С одной стороны, архаическое слово может вытесняться из списков ([7, 69–80]). С другой стороны, с течением времени в лексической системе церковнославянского языка набирает силу процесс архаизации. Так, исследователи отмечают появление архаизмов типа балъство в переводах XIV в., как в текстах, которые впервые переведены в данный период и не имели предшествующих, более древних, редакций, так и в новоизводных текстах, причем в частях, также не имеющих соответствия в древних редакциях ([3, 222], [16, 28]). К чис-

лу таких архаизмов, актуализирующихся в переводах XIV в., принадлежит уже упоминавшийся охридский грецизм ѡтросъ, который начинает активно использоваться в ранних болгарском и сербском переводах Иерусалимского Типикона.

Наконец, усвоение лексических элементов инодиалектных систем выступает в качестве признака книжности и в сфере лексики. Так, по наблюдениям А. А. Пичхадзе, в древнерусском переводе Студийско-Алексиевского Устава встречается немало элементов так называемой преславской лексики, знание и активное использование которой входило в языковую компетенцию русского книжника. Вместе с тем, функционирование в пределах одного текста различных по происхождению единиц с тем же значением (въходъ / исходъ, стнхословнѣ / стнхологна и пр. в языке Иерусалимского Типикона) образует сферу лексической вариативности. Такое синонимическое варьирование может как отражать позднейшие редакции текста, так и быть присущим самому переводу, так как принцип синонимического варьирования лексических единиц в переводе восходит, в конечном итоге, к практике кирилло-мефодиевской школы.

Литература

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С. 49–98.
3. Йовчева М. Новоизводният славянски Октоих по най-ранния препис в кодексите 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синай // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 205–234.
4. Максимович К. А. Законъ судьнынъ людемь. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
5. Максимович К. А. Древнерусская Ефремовская кормчая XII в.: локализация перевода в связи с историей текста // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004–2005>. М., 2006. С. 102–113.
6. Мещерский Н. А. К вопросу об источниках «Изборника» 1076 г. // Н. А. Мещерский. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 76–85.
7. Молдован А. М. Критерии локализации древнерусских переводов // Славяноведение. 1994. № 2. С. 69–80.
8. Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
9. Молдован А. М. Лексическая эволюция в церковнославянском // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2003. С. 395–413.
10. Пентковская Т. В. Житие Василия Нового в Древней Руси: проблемы оригинала и перевода // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2004. № 1. С. 75–96.
11. Пентковская Т. В. Ѡтросъ и ѡросъ в славянских литургических текстах // Acta Slavistica, Vol. 2. / Ed. by P. Petkov, I. Hristova, M. Dimitrova. София, 2005. С. 5–7.
12. Пичхадзе А. А. Несколько редких древнеболгарских слов в древнейшем переводе «Повести о Варлааме и Иоасафе» // Folia slavistica. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 104–109.
13. Пичхадзе А. А. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2001>. М., 2002. С. 232–249.
14. Пичхадзе А. А. К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004–2005>. М., 2006. С. 59–84.
15. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
16. Тасева Л. Езикът на преводача Закхей: между книжовното наследство и формалистичните тенденции на епохата // Slavia, 69. 2000. С. 189–210.

Особенности языка древнерусских житий стиля «плетение словес» (в связи с его происхождением)

В. Д. Петрова

Чувашский государственный университет, Чебоксары

Плетение словес, повторы, параллелизм, ветхозаветная поэтика, ареопагитика

Summary. Epiphany Premudry was a well-known Old Russian hagiography writer. The language features of his texts analyzed in this paper help to ascertain the sources of the Old Russian literary style called «pletenie sloves» (verbal pyrotechnics) forming. The Old Russian «pletenie sloves» style does not depend on any Southern Slavonic patterns; the biblical poetical texts are at the heart of Epiphany's pencraft.

Традиционно «плетение словес» в древнерусской книжности принято выводить из южнославянского «плетения сло-

вес». Достаточно распространенная (и сохраняющая свои позиции и в новейших исследованиях) точка зрения на воз-

никновение древнерусского стиля «плетение словес» покоится на положении о том, что этот стиль в славянских литературах выработан в Тырновской школе патриарха Евфимия, а первыми его образцами в древнерусской литературе являются сочинения митрополита Киприана, которым следовал Епифаний Премудрый. Однако анализ языка книжников Тырновской школы и древнерусского агиографа показывает, что это – разные реализации того стиля, который в южнославянской и древнерусской агиографии XIV–XV вв. принято называть стилем «плетения словес», и что древнерусское «плетение словес» не есть результат простого подражания южнославянским образцам.

В житиях и похвальных словах южнославянских книжников в основном воспроизводятся риторические приемы византийской ораторской прозы (хорошо известно, что тырновские книжники руководствовались учениями византийских риторик); особенности языка сочинений Епифания Премудрого указывают на другой источник – библейские тексты (прежде всего поэтические книги Ветхого Завета).

Сложнейшая система повторов, положенная в основу организации текстов Епифания, отражает аналогичный способ организации поэтических текстов Священного Писания. «Житие Стефана Пермского» отличает использование многочленного параллелизма ветхозаветного типа, параллелизм Епифания – не декоративный элемент, средство украшения речи, но такой способ организации текста, который характерен для ветхозаветной поэзии, «не формальный признак, но скорее способ видения мира, способ соотнесения текста с реальностью» (Десницкий). На параллелизме строится не только похвальная, но и повествовательная часть, что позволяет говорить о параллелизме как о ведущем принципе организации текста жития, а не просто как о поэтическом средстве, возможном в прозаическом тексте в качестве вкрапления (это наблюдается в житиях патриарха Евфимия и Григория Цамблака – многочленный параллелизм, как правило, появляется в панегирической части изложения и функционирует как особый вид украшения, необходимый для придания тексту более возвышенного характера). Столь последовательное использование Епифанием принципа параллелизма, вероятно, имеет еще одно объяснение: оно может быть поддержано народной традицией (по определению Р. Якобсона, единственная в индоевропейском мире живая устная традиция, в которой грамматический параллелизм используется как основной способ последовательного сопряжения стихов, есть русская народная поэзия). Излюбленный древнерусским агиографом прием обрамления (такое особое структурирование отдельных фрагментов текста не представлено у тырновских книжников) также восходит к библейским текстам.

Удвоение – общий принцип организации средневекового текста – очень последовательно употребляется Епифанием, однако для него характернее тройное повторение на всех уровнях текста – от композиционного до синтагм. Тернар-

ный принцип – ведущий принцип построения риторических фигур в сочинениях Епифания, универсальный принцип организации текста его житий, яркий показатель его индивидуального стиля. Такой способ применения тернарного принципа не характерен ни для Киприана, ни для Евфимия Тырновского, ни для Григория Цамблака. И в этом случае один из возможных источников, используемый Епифанием в качестве образца, – ветхозаветная поэзия (трехчленное построение речи – явление, отличающее язык восточной литературы); также следует учесть влияние византийской гимнографии и торжественного красноречия (Иоанн Златоуст, Епифаний Кипрский). Образцы составления триад в славянской традиции следует искать не у тырновских книжников – эти образцы были представлены уже в древнерусской книжности домонгольского периода, прежде всего у Кирилла Туровского. Необходимо помнить и о том, что древнерусский агиограф был хорошо знаком с корпусом сочинений Дионисия Ареопагита и, следовательно, с его учением о триадах (описание небесной и церковной иерархии в Ареопагитиках подчинено триадному принципу). Хотя в двух житиях, написанных Епифанием, Псевдо-Дионисий не цитируется (он упоминается в атрибутируемом некоторыми исследователями Епифанию «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»), влияние его идей и языка на формирование стиля древнерусского агиографа кажется бесспорным. Апофатическое учение Ареопагитик с акцентом на невозможности дать подпадающее именование неизменному отразилось в древнерусском «плетении словес» стремлением подобрать как можно больше наименований для того, чтобы проявить сущность именуемого. Многословие «плетения словес» связано как с учением Ареопагитик, так и с самой манерой изложения Дионисия Ареопагита. Сверхсложность и изощренность языка Епифания полностью соответствует сложнейшему языку славянского перевода Ареопагитик.

В южнославянском и древнерусском «плетении словес» ощущается разница в отношении к живому языку: если присутствующее тырновским книжникам стремление дистанцироваться от разговорного языка доведено до степени абсолютного отдаления от обыденной речи, то для Епифания включение элементов живого языка (особенно в лексике) вполне допустимо (вероятно, это опять-таки связано с испытываемым им влиянием народной поэтики). Сильная грецизация языка, отличающая сочинения книжников круга Евфимия Тырновского, также не отражена в языке древнерусского агиографа.

Древнерусское «плетение словес», разработанное в творчестве Епифания Премудрого, представляет собой оригинальный славянский средневековый стиль, основными образцами для формирования которого послужили библейские (преимущественно ветхозаветные) поэтические книги, византийская и славянская гимнография и ораторская проза, сочинения Дионисия Ареопагита; значительно воздействие народно-поэтической традиции.

Виды формул-синтагм в древнерусском тексте (на материале лексических единиц, выражающих эстетическую оценку)

М. В. Пименова

Владимирский государственный педагогический университет
vladlingvist@yandex.ru

Древнерусский текст, семантика, эстетическая оценка, формулы-синтагмы

Summary. The classification of stable idiomatic formulas of the 11th–14th centuries is given in the report.

В докладе на материале лексических единиц, выражающих эстетическую оценку (под которой понимается отношение субъекта оценки к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии), рассматриваются относительно устойчивые в своем составе и обладающие семантической целостностью минимальные лексические единицы древнерусского текста – **формулы-синтагмы** (В. В. Колесов, см. также (под различными терминологическими определениями) – В. П. Адрианова-Перетц, В. Л. Архангельский, Ф. И. Буслав, Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский, И. Г. Добродомов, А. П. Евгеньева, И. П. Еремин, А. И. Ефимов, В. О. Клю-

чевский, Л. Я. Костючук, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачёв, А. Г. Ломов, О. П. Лопутько, Н. А. Мещерский, А. С. Орлов, А. А. Потебня, М. Н. Сперанский, О. В. Творогов и др.).

Формулы-синтагмы эстетической оценки включают в свой состав словоформы с синкретсемичными корневыми элементами (*крас-, лѣн-, добр-, благ-, свѣт-, бѣл-; зъл-, худ-, черн-, страш-* и др.), их устойчивость предопределена общностью **вида** (структурно-семантических моделей, по которым они образованы).

Наш материал показывает, что в семантическом поле ‘красивый’ – ‘безобразный’ ядерными являются формулы-синтагмы, содержащие особый **показатель оценочности** – **творительный падеж отношения** (в котором стоят суще-

ствительные типа *лицо, тело, вид, видение, образ, звук, взор, подобие, обличие*, указывающие на «эстетическое» основание оценки) при синкретсемичном имени прилагательном, обозначающем общее (мелиоративное / пейоративное) качество объекта оценки (*красна лицом, взором красень, красна тѣломъ, видѣниемъ красна, добра образомъ, образомъ лѣтъ, прѣлѣна видениемъ, худя образом, образомъ черни, зѣль лицомъ и под.*).

В отдельных контекстах в творительном падеже отношения могут стоять синкретсемичные имена существительные (*красота, доброта, лѣнота, величество* и др.) при действительных причастиях с корневыми элементами *сиу-, блист-*, указывающими на «внешнее» («воспринимаемое зрением») основание оценки (*красотою сияюща, блистающа добротою, величествомъ сияющъ*), а также при образованных от глаголов речи причастий страдательного залога, эксплицирующих мелиоративную эстетическую оценку через отрицание возможности объективной оценки («утверждение через отрицание» – *несказаны лѣнотою, неизреченны добротою, несказанна красотою*).

Кроме того, при указании на составляющие эстетический идеал детали внешности употребляется **творительный социативный** (общности) или сопроводительный падеж без предлога (позднее вытесненный творительным падежом с предлогом *с*): *Тѣломъ бляше краснь, высокъ, лицомъ круглымъ, плечи великъ, тнькъ въ чресла, очима добраама, вельсь лицомъ* (Сказ. Бор. Гл.).

К ядерным средствам выражения эстетической оценки относятся также согласованные в падеже атрибутивные сочетания «качественное имя прилагательное + имя существительное», в которых на знак эстетической оценки указывает именное / местоименное прилагательное, а на объект оценки (одушевленный / неодушевленный) – имя существительное, причем если данные формулы-синтагмы восходят к фольклорному источнику (*красна девица, добрый молодец, белые руки, лицо белое, ясные очи, раздолье высокое, черный ворон*), они традиционно рассматриваются как сочетания с «постоянным эпитетом» (А. Н. Веселовский, А. П. Евгеньева, В. М. Жирмунский, П. Д. Первов, А. А. Потебня, В. Я. Пропп), а если они имеют книжное происхождение (*прѣкрасная дщерь, отроки красныя, град чуден, бѣлый клубукъ, златыя / худыя ризы, нарядное платье*) – как «устойчивый книжный атрибут» (Н. Г. Михайловская).

При выражении эстетической оценки могут также использоваться атрибутивные сочетания «относительное имя прилагательное + имя существительное», в которых, напротив, на знак эстетической оценки указывает имя существительное, а относительное имя прилагательное в функции атрибута – на принадлежность данного качества-свойства одушевленному / неодушевленному объекту (*лична красота, доброта женская, красота земная, небесная красота, красота церковная, худость ризная*). В функции

атрибута в подобных сочетаниях может употребляться также имя существительное в Род. п. (*красота тѣла, доброта лица, лѣнота жены, красота службы, красота риз, доброта твари*).

На периферии семантического поля эстетической оценки находятся **глагольные формулы-синтагмы**, представляющие собой сочетание аориста / краткого страдательного причастия прошедшего времени, указывающего на действие, которое приводит к мелиоративному результату с точки зрения эстетической оценки, имени существительного / местоимения в Им. / Вин. п., обозначающего объект оценки, а также распространенного имени существительного в Твор. п. (реже – в Род. п.), эксплицирующего конкретное средство эстетического действия (*украси ю' иконами, церковь иконами украсиша, украси златом и серебром, удиви ю' каменьем драгомъ, трапеза украшена отъ камня драгаго, ухищрено жемчужомъ*).

В отдельных случаях эксплицируется абстрактное средство действия при помощи **однокоренного** с глагольной формой имени существительного (*красотою украси, красотою украшени, красотами украсилася*), то есть используются сочетания, которые традиционно рассматриваются как **этимологические фигуры** (*figura etymologica* – Ф. Миклошич, см. также П. Бицилли, В. В. Виноградов, А. П. Евгеньева, И. П. Смирнов, Н. И. Толстой).

Немногочисленные формулы-синтагмы, включающие в свой состав наряду с синкретсемичными именами существительными формы глаголов настоящего / прошедшего времени (с корневыми элементами *у-вяд-, гыб- / гиб-, из-мѣн-*), эксплицируют пейоративное эстетическое основание оценки путем указания на «тленность, материальность, подверженную исчезновению» (в отличие от нематериального и бессмертного начала – *доброта оувядает, красоту погоубляеть, измѣнися доброта ея*).

Периферийным при выражении эстетической оценки является также использование **парных именовании** (В. В. Колесов, О. Ф. Жолобов, М. В. Артамонова, см. также под другими терминами – Д. В. Дмитриев, А. П. Евгеньева, Л. П. Клименко, Д. С. Лихачев, О. П. Лопутько, А. А. Потебня) – сочетаний, состоящих из двух соединенных сочинительной связью имен существительных, реализующих нерасчлененное значение парности («объективная ценность и ее субъективная оценка», «качество и свойство в соответствии с эстетическим идеалом» – *красота и лѣнота, красота и доброта, красота и свѣтлость, доброта и величество, ни лѣноты ни красоты*).

К периферийным способам экспликации эстетической оценки относится и употребление синтагм с синкретсемичными **наречиями**, которые указывают на мелиоративный эстетический признак действия или состояния: *стоять красно, лѣпно шинень, прехитро устроень, красно нарядяся, истисана дивно, учинено красно, умыти чисто, помощена красно*.

Этимологическое гнездо *dati в истории русского языка

Н. В. Пятаева

Стерлитамакская государственная педагогическая академия

Этимологическое гнездо, праславянский период, русский язык XI–XVII вв., деэтимологизация, семантическое развитие

Summary. In the report the semantic and word-formation history of one of the major parts of lexico-semantic system of Russian – an etymological jack *dati from Common Slavonic conditions till XVII century is presented.

Праславянский глагол *dati, возглавляющий первое ЭГ генетической парадигмы *давать / дать* → *брать / взять* → *иметь* → *нести* → *давать*, продолжает и.-е. корень *dō- и заложенную в нем семантику «давать, дарить что-л.; отдавать, выдавать (замуж); продавать; оплачивать, выплачивать (жалованье, штраф)». В хеттском корень *dō- имел значение «брать», один из глагольных дериватов др.-инд. dā – dāga означал «брать в жены, жениться», следовательно, в и.-е. значения «давать» и «брать» синкретично были соединены в одной словесной форме как универсальном обозначении обмена, занимающего важное место в праиндоевропейской картине мира. Более того, по данным Э. Бенвениста, терминология, относящаяся к обмену и дару, образует чрезвычайно широкую главу и.-е. словаря.

Эта особенность корня *dō- продолжается и в праслав. языке, где в составе ЭГ с вершиной *dati реконструируется 84

153 лексемы, группирующиеся вокруг четырех семантико-словообразовательных центров: глагольного *dati «дать, отдавать» (процесс передачи объекта другому лицу) и трех именных *danь «дань, подать» (объект обязательной передачи в качестве выкупа, платы, налога), *darъ «дар, подарок» (объект добровольной передачи в качестве подарка, вознаграждения, милости) и *datja – nomen acti «давание, принесение в дар».

В русском языке XI–XVII вв. ЭГ *dati значительно расширяет состав своих производных: со 153, по данным словарей праславянской лексики, до 455 в указанный период. Небольшая часть лексики (90) непосредственно продолжает праславянские формы (например: *dati > **ДАТИ**, *dadъbogъ > **ДАЖДЬ-БОГЪ** // **ДАЖДЬБОГЪ**, *danь > **ДАНЫ**, *datja > **ДАЧА**), 123 лексемы отмечены в памятниках ц.-слав. письменности, большая часть слов (242) образуется на восточнославянской почве.

В XI–XIV вв. состав гнезда увеличивается более чем в два раза (262 слова) за счет развита словообразовательной системы русского языка и активизации некоторых типов и моделей словопроизводства, унаследованных от предшествующих эпох существования языка. Самую многочисленную группу новообразований в это время составляют качественные и относительные прилагательные и производные от них наречия, например: **богодарованныи** → **богодарованнѣ**, **свѣтодательныи** → **свѣтодательно**, **везотдаточныи** → **везотдаточно**.

Во второй половине XIV–XVII вв. количество слов в ЭГ *dati пополняется (зафиксировано еще 193), в основном, благодаря окончательному формированию системы способов деривации, с помощью которых образуются имена с отвлеченным значением, например: **даваник**, **законодавствовати**, **дарованик**, **свѣтоданик**, **даганик**, **выдача**, **въздаваньк**, **въздатва**, и сложные слова: **богатодавица**, **живодавний**, **великодаровитый**, **многодаровьныи**, **дароноси-ти**, **дарохранительница**, **троеданикѣ**.

На новой ступени исторического развития структура ЭГ *dati включает девять семантико-словообразовательных центров, возглавляемых глаголом **дати** и восемью дестимологизированными глаголами и именами существительными. Процесс дестимологизации можно показать следующей схемой (промежуточные звенья на схеме даны в скобках):

ДАТИ // **ДАДАТИ** ‘дать, давать в руки, вручать’
 → (дажьба // даждь сущ. помен асти ‘давание, дача’) → **Даждьбогъ** – Бог дающий и дарующий
 → **дань** ‘дар, подарок, приношение; дань, налог, подать’
 → **даръ** ‘дар, подарок, приданое; благо, милость, добро (от Бога)’
 → **благодарити** ‘одаривать (о Боге); выражать благодарность (Богу в молитвах)’
 → **продати** ‘отдать за деньги, продать в рабство; взять плату за что-л.’
 → **прѣдати** ‘передать; отдать во власть; выдать недругам, врагу’
 → **прѣданик** устно переданное правило, завет; повествование, о событии’
 → (благодати) → **благодатик** // **благодать** ‘ниспосланный свыше дар; благодеяние; благодарность, благодарение’

Наибольшее количество дериватов (257) в словообразовательном гнезде (СГ) во главе с глаголом **дати** // **дадати** ‘дать, давать в руки, вручать’, который продолжает выполнять роль ядерного центра семантического и словообразовательного развития ЭГ *dati.

90 слов содержится в СГ с исходным дестимологизированным сущ. **даръ**, семантическая специализация которо-

го наметилась еще в праслав. период. В русском языке XI–XVII вв. оно имеет такую семантическую структуру: 1) ‘дар, подарок’, 2) ‘приношение, жертва’, 3) ‘дань, подать, оброк’, 4) ‘брачная плата, приданое’, 5) ‘имущество, передаваемое в собственность другому лицу (по завещанию или дарственной)’, 6) ‘благо, милость, добро, благодеяние (обычно от Бога)’, 7) ‘способность, дарование’. Постепенно, начиная с праслав. эпохи и в течение др.-русск. периода, слово **даръ** становится ключевым понятием культуры, культурным концептом, обозначающим один из универсальных способов регулирования отношений внутри социума. Дар заключает в себе представление о благе (добре) и является материализацией этого блага. В свою очередь, из этого СГ уже в др.-русск. период выделилось СГ, возглавляемое глаголом-композицией **благодарити** ‘одаривать, награждать’, ‘выражать благодарность (Богу в молитвах)’. В состав этого СГ входят 28 слов, отмеченных в памятниках ц.-слав. письменности.

34 слова в СГ с вершиной **продати** ‘отдать за деньги, взять плату за что-л.; продать в рабство’. Значение этого глагола являлось самостоятельным семантическим центром в структуре ЭГ *dati уже на праслав. уровне, а в др.-русск. период обусловило его семантическое и словообразовательное обособление от производящего **дати**.

Меньшее количество слов (8) в СГ с вершиной **прѣдати** ‘передать, отдать; отдать во власть; выдать недругам, врагу’. Сущ. **прѣданик** ‘устно переданное правило, завет; повествование, воспоминание о событии’ дестимологизировалось от данного СГ на ранних этапах существования др.-русск. языка, хотя и не стало самостоятельным центром, т. к. в русском языке XI–XVII вв. словари отмечают лишь одно его производное – наречие **прѣдательнѣ** ‘по преданиям’, которое не фиксируется уже словарем русского языка XVIII в.

Следующее СГ возглавляет сущ. **дань** ‘дар, подарок, приношение; дань, налог, подать’, которое постепенно теряет свое первоначальное значение ‘то, что дают – дар, подарок’, определявшее его синонимии с однокоренным **даръ**, и специализируется на обозначении обязательных платежей – даний, которые являются необходимым средством существования государства.

Два СГ возглавляют сложные сущ.: дестимологизированное наименование древнего славянского божества **Даждьбогъ** и ц.-слав. богословский термин, имеющий важное значение в христианской философии и обрядности, **благодатик** ‘ниспосланный свыше дар; милость божья; божественная сила, даруемая от Бога человеку для спасения’.

Итак, материалы исследования свидетельствуют о том, что своей организацией этимологические гнезда демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира.

Лексические и грамматические темные места в Слове о полку Игореве

А. М. Ранчин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Темные места, конъектуры, омонимия, гапаксы, комментарий

Summary. The report is dedicated to the unclear fragments in The Igor’s Tale. Different kinds of these fragments are regarded according to the problem of the generic essence of the text.

1. Выражение *темные места* используется в широком значении, принятом в соответствующей статье «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»: «чтения, неясные по смыслу или содержанию, явные нарушения грамматичес<еских> норм древнерус<ского> языка (неверные флексии, отсутствие согласования и т. д.). Т<емные> [м]<еста> могли возникнуть в процессе воспроизведения текста древнерус<скими> переписчиками и в новое время – в результате неверного прочтения текста издателями или как следствие типографских опечаток» (Творогов О. В. «Темные места» в «Слове...» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 106–107).

2. Примеры нарушения грамматических норм, не сопровождаемые разрушением предикативной структуры предложения, в «Слове о полку Игореве» (далее – СПИ) обычно не являются собственно *темными местами* (далее – ТМ), так как допускают весьма легкую реконструкцию исходного элемента. Примеры такого рода: грамматические конъекту-

ры «одѣвахъте / одѣвах<уть>»; «[в]ступилъ / [в]ступил<а> дѣвою на землю Трояню».

3. Собственно ТМ в СПИ это в большинстве своем означающие (лексемы или словосочетания), лишенные очевидного денотата, или же гапаксы, не имеющие никакого означаемого. Примеры первого рода: «старый Владимиръ» как либо Владимир I Святославич, либо как Владимир Мономах; «Троянь» как притяжательное прилагательное, образованное или от имени языческого божества, или от имени римского императора, или от прозвания какого-либо русского князя, или от названия Трои; наконец, как «Трокань» (с написанием под титлом), испорченное в процессе переписывания либо неверно прочтенное при подготовке Екатеринбургской копии и издания 1800 г.: «Каяла» как реальный гидроним, тюркское название некоей реки или как символическое именование реки горя и / или покаяния. Примеры второго рода: «хинова» (в разных версиях: этноним, этникон, псевдоэтноним; обобщенное обозначение восточных /

тюркских народов, обозначение финов / хинов и т. п.); «харалугъ» (тюркизм – обозначение металла, стали; металл каролингских мечей и т. п.); «шереширь» (в разных версиях и с разной этимологией – метательное или огнеметное оружие). Первые два случая, строго говоря, не гапаксы, т. к. эти же лексемы есть в Задонщины, однако ее контексты и вероятная вторичность этих контекстов по отношению к СПИ не объясняют семантики этих ТМ.

4. ТМ – примеры разрушения предикативных структур в СПИ: «Всю ношь съ вечера босуви врани възграяху, у Плъсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю»; Изяслав «а самъ подь чрьлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю на кровать и рекъ...»; «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тѣжко ти головы, коме плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря».

5. ТМ последнего рода, очевидно, не подлежат убедительному прочтению, т. к. невозможна их конъектурная правка: порча затрагивает как план выражения (грамматику, так и план содержания – семантику: в них присутствуют неисправляемые «псевдолексемы»). Все их прочтения представляются абсолютно несостоятельными (ср. неоднократно высказывавшееся осторожными исследователями, например И. П. Ереминым, мнение о недопустимости их правки и перевода). Толкования ТМ с потенциально альтернативными и множественными означаемыми и гапаксов, напротив, кроме некоторых явно дилетантских случаев одинаково приемлемы и, соответственно, будучи, в большинстве случаев вза-

имоисключающими, одновременно и неприемлемы. (К числу этих ТМ не относятся вероятные случаи «поэтической» омонимии наподобие «мысль / мьсь» – ср. мнения Г. Г. Хазагерова, Т. М. Николаевой и др., а также, возможно, многозначность имени «Каяла»). Неясность гапаксов объясняется, очевидно, собственно языковыми причинами (неизвестная этимология) и, реже, также установкой текста, условно говоря, его жанром (последний пример: является ли в СПИ этникон «хинова» этнонимом в строгом смысле слова, должно определяться представлением о «жанре» памятника). Отсутствие строгого соответствия между означаемыми, которые отнюдь не являются гапаксами, и означаемыми (проблематичные случаи соответствия имени собственного и исторической реалии, непреднамеренная омонимия имен собственных и их производных) обусловлено, очевидно, неясностью представлений о природе текста (ср. в этой связи замечания Б. М. Гаспарова). Неизвестно, в какой степени текст претендует на историческую точность и достоверность, в каких случаях исторические имена и реалии подвергнуты эпической трансформации, употребляются в символической функции и т. д. Неизвестен актуальный для памятника набор текстов-образцов и, соответственно, событий-прецедентов.

6. Квалифицированный и добросовестный научный комментарий к изданиям текста СПИ должен строиться как обзор различных существующих точек зрения, с указанием на их сильные и слабые стороны. Ближе всего к такого рода объяснительному тексту находится аппарат примечаний к изданию СПИ 1926 г., подготовленный В. Н. Перетцем.

Коммуникативные события глазами древнерусского автора (на материале «Повести временных лет»)

В. С. Савельев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История русского языка, методы исследования современной лингвистики

Summary. It is obvious, that the study of the old Russian texts is impossible without use of the methods of the contemporary linguistics. We tried to illustrate this thesis by analyzing the passage of the old Russian Chronicle (XII century) using the categories of «communicative doings».

1. Прямая речь является той частью письменного текста, которая передает устную речь персонажей, и эта устная речь дана читателю опосредованно: автор текста не только воспроизводит «произнесенные» реплики, но и рассказывает о том, кто их произнес, как произнес, почему произнес, зачем произнес, кому адресовал. Таким образом, автор реализует свои представления о структуре коммуникативного события. Характерно, что воплощенные в слово модели коммуникативных событий обнаруживаются не только в современных, но и в древних текстах. Следовательно, изучая особенности введения в текст прямой речи, мы можем узнать о том, какие представления о структуре коммуникативного события имел древнерусский книжник.

2. Рассмотрим отрывок из «Повести временных лет» (ПВЛ) – памятника начала XII века, в котором обнаруживается множество диалогов исторических деятелей Древней Руси.

В лѣто 6420 ...И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣдати на нь. (1) Бѣ бо прежде въпрошалъ волхвовъ кудесникъ: «Отъ чего ми есть умерети?» (2) И рече ему одинъ кудесникъ: «Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умерети». (3) Олегъ же приимъ въ умѣ, си рече: «Николи же всяду на конь, ни вижду его боле того». И повѣлѣ кормити и не водити его к нему. И пребывъ нѣколко лѣтъ, не дѣя его, дондеже и на грѣкъ иде. И пришедшу ему къ Киеву, и пребывши 4 лѣта, (4) на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекъли волхвѣти умерети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, река: «Где есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» (5) Онъ же рече: «Умерлъ есть». (6) Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: «То ты не право молвяти волхвѣи, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ». (7) И повѣлѣ ослѣлати конь: «Да ты вижду кости его». И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ. (8) И слѣзъ с коня, посмѣяся, река: «Отъ чего ли лѣба смерть мнѣ взяти?», и вступу ногою на лобъ.

И выкинуци змѣя, и уклону и в ногу, и с того разболѣвся умре.

Опишем каждый из речевых шагов, сделанных говорящими в этом отрывке (речевым шагом мы будем считать реплику персонажа и «обрамляющие» ее слова автора):

(1) – указывается место речевого шага в диалоге, называется **коммуникативная цель** говорящего (*въпрошалъ*), упоминается адресат (*волхвовъ кудесникъ*);

(2) – упоминается то, что произошел **локутивный акт** (*рече*), называется адресат (*волхвовъ кудесникъ*);

(3) – указывается **ментальная реакция** князя Олега на слова собеседника (*приимъ въ умѣ*), которая привела к **локутивному акту** (*рече*). Поскольку эта реплика содержит решение, принятое говорящим в отношении своих же действий, она обращена «к самому себе» и адресат ее не эксплицирован. **Перлокутивным эффектом** высказывания стало то, что говорящий воплотил в действительность свое же решение (*И повѣлѣ кормити и не водити его к нему*);

(4) – называется **экстралингвистическая ситуация**, спровоцировавшая общение (*на 5 лѣто помяну конь свой*), действие говорящего, приведшее к возникновению **канонической ситуации общения** (*призва старѣйшину конюхомъ* – для того чтобы начать разговор, собеседники должны были оказаться в одно время в одном месте), локутивный акт (*река*), адресат (*старѣйшину конюхомъ*);

(5) – упоминается то, что произошел **локутивный акт** (*рече*). Адресат не эксплицирован: общая для автора и читателя **пресуппозиция** (обычно говорящий и слушатель в ходе диалога меняются ролями) позволяет прибегнуть к эллипсису. То же касается и самой реплики, в которой не упоминается субъект (*Умерлъ есть*): в коммуникативную компетенцию собеседников входит в числе прочего умение «расшифровывать» неэксплицированную информацию; в данном случае прагматическая пресуппозиция выводится из реплики (4);

(6) – реплика (5) вызвала ответную реакцию говорящего – особое **эмоциональное состояние** (*посмѣяся*), приведшее к

локутивному акту (*река*). Также летописец указал **глобальную иллюкутивную функцию** (*ужори*): реплика Олега состоит из нескольких высказываний. Первая фраза представляет собой оценочное суждение (*Кудесники лгут*), вторая – констатацию факта (*Я жив*), подтверждающего оценочное суждение. В целом же князь произносит эту реплику для того, чтобы обличить (*ужорить*) кудесников вообще и того кудесника в частности, который когда-то напроорочествовал Олегу смерть от коня;

(7) – называется **иллокутивная функция** высказывания (*повѣлъ*). Содержание самой реплики свидетельствует о том, что (7) представляет собой **косвенный речевой акт** (КРА), поскольку прямая иллюкутивная функция произнесенного – информировать собеседника о своем намерении *увидеть кости коня*, а не побудить его к действию. Оценка уместности сказанных слов должна была привести конюшечного к мысли, что от него хотят, чтобы он оседлал коня. Судя по тому, что князь Олег *приѣха на мѣсто*, собеседник его понял и говорящий достиг должного **перлокутивного эффекта**. Вообще, то, что автор ПВЛ мог «опустить» директивное высказывание князя Олега, ограничившись упоминанием иллюкутивной функции (*повѣлъ*), стало возможным именно потому, что КРА существовали и в средневековой речи;

(8) – в отличие от реплики (7), в которой иллюкутивная цель КРА выводится из оценки уместности произнесения

фразы, в реплике (8) суть КРА состоит в том, что иллюкутивная цель противоречит содержанию самого высказывания. Произносятся *Отъ сего ли лѣба смерть мнѣ взяти?*, князь Олег имел в виду, что от этого *лба* ему смерти точно **не** ждать, т. е. подразумевал прямо противоположное сказанному. Точно так же должны были оценить его **семантическую пресуппозицию** присутствовавшие при этой сцене, а также автор летописи, включивший эту легенду в ПВЛ. Также в (8) упоминается **экстралингвистическая ситуация** (*слѣзь с коня*) и **иллокутивная функция** высказывания – насмешка (*посмѣся*). Помимо этого замечено, что говорящий иллюстрирует свое утверждение **жестом** (*въступи ногою на лобъ*), который и привел его к столь пагубным последствиям.

3. Итак, проанализировав отрывок из ПВЛ, мы установили, что древнерусский книжник имел представление о составляющих коммуникативного события, сходное с современным, что выразилось во включении им в текст таких лексических элементов, которые детально описывают коммуникативный акт в его динамике (начиная с экстралингвистической ситуации и заканчивая перлокутивным эффектом), определяют причины говорения (эмоциональные, психологические, ментальные), а также коммуникативные цели говорящего. Таким образом, использование методов современной лингвистики оказывается вполне возможным и при изучении исторического материала.

Слово в «Изборнике 1076 года»

Н. В. Семёнова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Древнерусский язык, словесность, христианская культура

Summary. The middle of the 11th century was the time of the most active development of Russian literary language. Analysis of such linguistic concepts as ‘Word’ and ‘Language’ in the *«Изборник 1076»* makes it possible to observe main tendencies in the history of Russian language.

«Изборник 1076 года» – старейшая из датированных русских книг, относящаяся к Киевскому периоду Древней Руси. Его по праву называют первой на Руси «Похвалой книге». Вступительная статья «Изборника» («**Слово нѣкого калоуѣра о чьтении книгъ**») задавала этот «похвальный тон» с первых строк: **«Добро есть братик почитаньк книжнюк»,** ибо **«не составить бо ся корабль без гвоздин ни праведник бес почитання книжнаго».** Книжному слову посвящены в этой статье (как, впрочем, и во всем «Изборнике») самые тонкие и самые изумительные по своей красоте и силе метафоры: **«Красота воиню оружию и кораблю вѣтрила тако и праведнику почитаню книжнюк».** «Почучения» книжные – это и **«начатъкъ добрымъ дѣломъ»**, и **«користь мьнога»**, заключающаяся в познании «божьего Слова». **«Послоушан ты житья»** святых Василия, Иоанна Златоуста, святого Кирилла Философа **«и инѣхъ многъ стыхъ»**, советовал автор статьи, и жития поведают, что все святые **«из лада прилежаюу стъхъ книгъ».** Слово книжное, письменное, и слово устное, произнесенное, – одинаковы по своей действенности. О, **«Коль сладька словеса твоя паче меда оустомъ момимъ и законъ оустъ твоихъ паче тысяща злата и сребра»**, читаем мы в рассуждении о пользе книжного «почитания». «Словеса» книжные сакральны, это Слово Божье, а потому **«пооччанимъ сѣ въиноу книжнимъ словесемъ твораше волю ихъ яко же велать да и вѣчныя жизни достонни боудемъ»**, призывал в конце статьи автор вступительного похвального слова. Перелистывая страницы «Изборника», древнерусский читатель не раз возвращался к этой мысли. Так, Иоанн Златоуст в своем «Слове» наставлял его в том, что **«дшыною печаль съпратати можеть и оутѣшити книжнихъ словесъ сила»**, а Исихия, пресвитер Иерусалимский, учил: **«Дѣло законюнок мыни чьтеник книжнюк кгда бо оумъ съ языкомъ къто хочеть ицѣлнати то въ книги въиноу да зрнати».**

Впрочем, *слово* в «Изборнике» рассматривается в двух плоскостях: с одной стороны, это высокая книжная мудрость, с другой – «приземленная», обмирщенная, адресованная отцом сыну, матерью дочерям «бытовая правда». Например, следующая после вступительной статья **«Слово нѣкого оца къ сноу свокуму словеса дшепользная»**, уди-

вительно задушевная и сердечная по своей тональности, представляет собой своеобразное духовное завещание отца, который не столько дает советы по тому, как найти пути в царствие небесное, сколько наставляет сына в том, как вести себя с сильными мира сего и с убогими, как почитать родителей своих и друзей, каким быть в обществе.

Словесный ряд, выстраиваемый «Изборником 1076 года», удивительно разнообразен. **«Словеса»** могут быть *святыми, апостольскими, душеполезными, сладкими, слаще меда, дорожке бисера, неодожимыми, льстивыми, кроткими, неизреченными, «учителевыми», мудрыми, премудрыми, разумными, тайными, многими, простыми, поносными, срамными, нечистыми, хульными, неподобными, до самого бога много раз бесцелующими, скверными*. Не менее удивительны образованные на основе «словесного» корня и сложные слова, которые мы находим здесь: это и *добрословие*, и *срамословие*, и *уродословие*. Метафоры же *слова* в «Изборнике» оригинальны и неподражаемы: так, епископы сравниваются с пастухами **«хва стада словесныхъ овць»**, а, например, льстивые слова, если их слушать, – с **«вранами»**, которые **«искалажъти очи оумьнѣти»**.

Глову, которое, как и **глас**, может принадлежать только Богу, и **словесам**, имеющим широкий спектр коннотаций, в статьях «Изборника» противопоставлен **язык**. Область действия языка – исключительно бытовая, а потому и более приземленная. **Язык** может быть *скор, доброглаголив, чист и нечист*. Человек же бывает *язычным, двоязычным и иноязычным*. Вообще же, древнерусскому человеку самым недвусмысленным образом давалось понять, **«яко слава и бештъстие въ бесѣдѣ и языкъ человекъ паденик кму ксть»**. Помимо **языка** устная речь человека выступает в виде **бесѣды, бесѣдования, глаголаня, клеветы и клеветания, осуждения, съвѣщания, как пьра** (на суде), причем все эти виды речевой деятельности могут иметь самые разнообразные смысловые оттенки. Письменное же слово обозначается в «Изборнике» один раз и именуется как **«законюнок писма»**.

По своему предназначению и содержанию «Изборник 1076 года» приближается к т. н. гномологиям, т. е. сборникам переводных мудрых изречений, которые имели широкое хождение у славян в первые века после крещения. Ли-

тературный жанр сборника (*соборника* или *изборника*), как известно, был органично воспринят всем славянским миром еще в конце X века вместе с первыми переводными греческими книгами. Для восточных славян X–XI вв. были переломными во многих отношениях, но в первую очередь, конечно же, в культурном, поскольку это был период активной христианизации Руси и вовлечения ее в культуру и мировоззрение христианской Европы. Византийский православный мир, ставший духовной родиной крещеной Руси, имел к тому времени уже тысячелетнюю традицию составления и изучения религиозных текстов. На древнерусскую

почву эта традиция переносилась главным образом в просветительских целях, потому и знаменитое восточное славянина с религиозными основами осуществлялось не изолированно, т. е. исключительно в сфере конфессиональной, а параллельно с передачей морально-этических ценностей европейской цивилизации. Одной из таких ценностей, безусловно, следует признать просвещенность, грамотность. В этом плане наиболее показательным и внимательным отношением к слову и вообще ко всему, что связано со словесностью (в самом широком смысле), которое мы обнаруживаем практически в каждой статье «Изборника 1076 года».

Правописание *н* и *нн* в суффиксах прилагательных и причастий (на материале рязанских деловых документов XVI в.)

Е. А. Сивкова

Челябинский государственный педагогический университет

История русской орфографии

Summary. In the area of adjectives usual norm of Ryazan business documents of the 16th century nearly corresponds to the codified norm of the 20th century: double *n* is written in adjectives with the stem ending with *n* and with suffixes *-енн-*, single *n* is written in adjectives with suffixes *-ин-*, *-ан-*, *-ян-*. The only modern condition works for writing *n* and *нн* in adverbs in 16th century, that is the presence of suffix *-ова-* in verbal stem, the other conditions of double *n* writing in adverbs were realized and formulated by spellers of 17–19th centuries.

Многие орфографические правила современного русского языка представляют собой цепь условий, которые необходимо проверить для того, чтобы правильно написать орфограмму. От ряда условий зависит и написание *н* и *нн* в суффиксах прилагательных и причастий. Названная орфограмма является одной из самых трудных в практическом использовании, поскольку базируется на знаниях из разных разделов языка.

Большое количество условий, содержащихся в орфографическом правиле, и множество необходимых «сопутствующих» знаний, нужных для решения ежедневных практических задач, приводит к большому количеству ошибок, связанных с написанием *н* и *нн*, в частности в работах студентов и школьников.

Между тем, исследование, проведенное нами по орфографии южноуральских деловых документов XVIII в. ([2]), показало, что, с одной стороны, подавляющее большинство написаний *н* и *нн* в текстах XVIII в. соответствует кодифицированному современному, т. е. канцелярскому, в отличие от школьников и студентов XX–XXI вв., почти не допускали ошибок; с другой стороны, большинство условий современного правила осознавалось канцеляристами.

Правописание *н* и *нн* в южноуральских деловых документах XVIII в. соответствует современному при написании прилагательных с основой на *н*, с суффиксами *-енн-*, *-ин-*, *-ан-* (*-ян-*).

При написании причастий с данной орфограммой в качестве условий для двойного написания *н* в XVIII веке осознаются приставки, образование причастия от глагола совершенного вида, наличие суффикса *-ова-* в глагольной основе; в качестве условий для написания причастия с одним *н* можно выделить краткую форму и образование причастия от глагола несовершенного вида.

Когда же сформировались в языке условия написания данной орфограммы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно, на наш взгляд, проанализировать написание данной орфограммы в текстах разных веков и сравнить полученные данные с рекомендациями орфографистов.

В статье описаны результаты исследования написания *н* и *нн* в суффиксах прилагательных и причастий в деловых документах, представленных в книге «Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край» [1].

В текстах рязанских деловых документов XVI в. найдено 361 слово с изучаемой орфограммой. При написании прилагательных пишущие четко осознают состав слова: все прилагательные с основой на *н* записаны с двойной согласной (полу жирным подчеркиванием в тексте рукописи обозначены выносные буквы): *наше~~нн~~ю землю, по стари~~нн~~ым ме~~нн~~жам, сторон~~нн~~ими лю~~нн~~ди*; найдено даже одно гиперкоррективное написание, отмеченное издателями сноской «Так в рукописи»: *наше~~нн~~ную ж землю* [1, 36]. В большинстве прилагательных *н* основы оформлено как выносное: *во~~нн~~чи~~нн~~нои, де~~нн~~чи~~нн~~нои, п~~нн~~сты~~нн~~ног*.

Пишцы XVI в. в рассмотренных документах в основном различают написание суффиксов *-ин-*, *-ан-* (*-ян-*) и *-енн-*

(прилагательные с суффиксом *-онн-* в проанализированных документах не найдены): *ище~~нн~~ных старожи~~нн~~цов, з земля~~нн~~ньм | хл~~нн~~бом – под~~нн~~ворен~~нн~~ую р~~нн~~хл~~нн~~едю*, но прилагательное *серебряный* даже в тексте одного документа написано по-разному: *двена~~нн~~цет~~нн~~ кр~~нн~~стов~~нн~~ серебряных – п~~нн~~ятна~~нн~~цат~~нн~~ жи~~нн~~кови~~нн~~н~~н~~ серебряных* [1, 103].

Немногочисленные краткие прилагательные *црков~~нн~~ древя~~нн~~на кл~~нн~~чки, два кр~~нн~~ста сере~~нн~~брен~~нн~~ы* написаны с одним *н*.

Из 306 причастий с анализируемой орфограммой с *нн* написано только одно: *пустые м~~нн~~ста и воева~~нн~~нные* [1, 118], т. е. условием для написания двойного *н* в причастиях в XVI веке (по рязанским материалам) осознается только суффикс *-ова-* (*-ева-*) в основе глагола или орфография фиксирует произношение подобных причастий с долгим [н].

Наличие у причастия приставки (*во~~нн~~чина прида~~нн~~ная, свер~~нн~~шенные де~~нн~~ци*) и его образование от глагола совершенного вида (*да~~нн~~ю грамот~~нн~~ю*) в XVI веке еще не является условием для написания двойного *н*.

Если посмотреть на написание анализируемой орфограммы с позиций формирования современного орфографического правила, то можно сказать, что в области прилагательных узальная норма рязанских деловых документов XVI в. почти соответствует кодифицированной норме XX в.: с двойным *н* пишутся прилагательные с основой на *н* и с суффиксом *-енн-*, с одним *н* – прилагательные с суффиксами *-ин-*, *-ан-* (*-ян-*).

Ошибочным (или вариантным, или неопределившимся) в текстах XVI в. является написание слова *серебряный*: с *-ян-* и *-ен-*; в письменной речи к. XX – нач. XXI в. оно тоже часто записывается не в соответствии с нормой.

В проанализированных текстах XVI в. нет орфографического различия кратких прилагательных и кратких причастий – и те и другие записаны с одним *н*, для писавших, безусловно, это облегчало задачу: краткая форма (а ее ощущали авторы всех документов) – пиши одно *н*.

При написании *н* и *нн* в области причастий в XVI в. «работает» только одно современное условие – наличие суффикса *-ова-* (*-ева-*) в глагольной основе, остальные условия написания двойного *н* в причастиях будут осознаны и сформулированы пишущими позже – наличие приставки и образование причастия от глагола совершенного вида в XVII–XVIII вв., наличие при причастии зависимых слов – после XVIII в. Для того чтобы понять, когда сложились узальные нормы написания *н* и *нн* в прилагательных, нужно исследование более ранних (до XVI в.) документов.

Литература

1. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978.
2. Сивкова Е. А. Правописание *н* и *нн* в суффиксах прилагательных и причастий (на материале южноуральских деловых документов конца XVIII века) // Виноградовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23–24 ноября 2005 г. Тобольск, 2005. С. 151–153.

Грамматические особенности Евангелия Тяпинского в сравнении с церковнославянским языком Острожской Библии

Е. А. Смирнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

«Проста мова», Евангелие Тяпинского, грамматика

Summary. V. Tyapinsky's Gospel is a record of the Byelorussian language created with Polish verses with a slavonic basis. The Polish Bible by Simon Budny, 1572, served as the original for Tyapinsky's Gospel, 1580, which was a translation into the «prosta mova». We would like to trace correlation of the «prosta mova» of V. Tyapinsky's Gospel (written language of Lithuanian Rus' in 16–17 centuries) with Old Church Slavonic of the Ostrog Bible, 1581, using the text of the Gospel of St. Matthews. The goal of the research is to depict similarities and differences between the «prosta mova» and the Old Church Slavonic language of the 16th century on the grammatical level.

Цель моего исследования – изучение литературного языка Юго-Западной, Литовской Руси. На этом языке написаны законодательные и деловые тексты, а также летописи, разнообразны церковные канонические и неканонические сочинения, словари и некоторые другие тексты металингвистического характера, а также многочисленные переводы (с польского, хорватского, старочешского и других раннеписьменных славянских языков, с древнееврейского).

Мнения ученых расходятся в вопросе об этом языке, обычно именуемом «проста мова», но встречающемся под иными многочисленными названиями. Отсутствует какое-либо системное описание самого языка и его релевантных характеристик, прежде всего в сопоставлении с польским и с церковнославянским того периода.

Для выявления грамматических особенностей «простой мовы» текст Евангелия Тяпинского около 1580 г. сравнивался с церковнославянским текстом Евангелия от Матфея Острожской Библии (ОБ), изданной в 1581 г. Данный доклад посвящен сопоставительному анализу глагольных форм в повелительном наклонении.

Для образования повелительного наклонения у глаголов с тематической основой в Евангелии Тяпинского и в Острожской Библии использовались как синтетические, так и аналитические формы.

Синтетические формы Тяпинский употребляет во 2 л. ед. и мн. числа, а также в 1 л. мн. числа. Для образования формы 2 л. ед. числа он использует суффикс -и-. Подобное формообразование можно видеть в церковнославянском языке Острожской Библии: *ѡсѣчи* (Мат. 5, 30) – *оуѣци* (ОБ); *занаѣхан* (Мат. 3, 15) – *остаи* (ОБ); *непокушан* (Мат. 4, 7) – *ненскѣши* (ОБ); *вѣиши* (Мат. 5, 29) – *изъши* (ОБ); *ѡчиши* (Мат. 6, 17) – *оуѣши* (ОБ); *ѡди* (Мат. 9, 2) – *держан* (ОБ); *помози* (Мат. 15, 25) – *помози* (ОБ). Есть также случаи формообразования с потерей конечной гласной в безударной позиции: *кинъ* (Мат. 5, 30) – *вѣрѣзи* (ОБ); *вѣстанъ* (Мат. 9, 5) – *вѣстани* (ОБ); и формы с отвердением конечного согласного: *кинс* (Мат. 4, 6) – *връзис* (ОБ); *зѡвѣ* (Мат. 6, 13) – *изѡвѣи* (ОБ); *помажъ* (Мат. 6, 17) – *помажи* (ОБ); *остаѡ* (Мат. 8, 22) – *остаѡи* (ОБ).

Для образования форм 2 л. мн. числа Тяпинский использует суффикс -и-, тогда как в Острожской Библии иногда также употребляется суффикс -ѣ-: *готѣтиѣ* (Мат. 3, 3) – *оуговѡванѣ* (ОБ); *чинѣ* (Мат. 3, 3) – *творѣ* (ОБ); *начинаѣ* (Мат. 3, 9) – *начинаѣ* (ОБ); *приидѣ* (Мат. 11, 28) – *прѣидѣ* (ОБ); *неинѣ* (Мат. 5, 17) – *неинѣ* (ОБ). При этом у Тяпинского также встречаются глаголы с потерей формообразующего гласного: *встанѣ* (Мат. 17, 7) – *встанѣ* (ОБ); и в некоторых случаях с отвердением конечного со-

гласного основы: *нескарѣте* (Мат. 6, 19) – *несѣкрѡванѣ* (ОБ); *не ѡвѣ* (Мат. 6, 7) – *гѣ* (ОБ).

В 1 л. мн. числа Тяпинский использует синтетическую форму: *идѣ* (Мат. 26, 46) – *идѣ* (ОБ); схожий вариант которой присутствует и в современном украинском языке: *їдѣ*.

Аналитические формы Тяпинский употребляет в 3 л. ед. числа. Эти формы состоят из наречия *неѣ* (в Острожской Библии – частица *да*) и глагола в настоящем или простом будущем времени, который часто имеет смягчение конечной согласной: *неѣ светѣ* (Мат. 5, 16) – *дапрѡсѣтѣ* (ОБ); *неѣ приидѣ* (Мат. 6, 10) – *дапрѣидѣ* (ОБ); *неѣ слѡхѣ* (11, 15) – *даслѡшитѣ* (ОБ); *неѣ слѡшитѣ* (Мат. 13, 9) – *даслѡшитѣ* (ОБ); *неѣ слѡшитѣ* (Мат. 13, 43) – *даслѡшитѣ* (ОБ).

В спряжении нетематических глаголов в Евангелии Тяпинского тоже употребляются как синтетические, так и аналитические формы.

В формах 2 л. ед. числа особенно заметно различие разговорных и книжных глагольных форм. В Евангелии Тяпинского употреблены разговорные глагольные формы, в некоторых случаях с утратой конечного гласного, тогда как в Острожской Библии видим книжные, церковнославянские формы, образованные в результате йотовой палатализации, путем присоединения суффикса *-ѣ-: *дан* (Мат. 6, 11) – *даждѣ* (ОБ); *повѣ* (Мат. 18, 17) – *повѣжѣ* (ОБ). Глагол *вѣти* в Острожской Библии образовывался от основы будущего времени, к которой присоединялись окончания тематических глаголов: *вѣдѣ* (Мат. 2, 13) – *вѣди* (ОБ).

Во 2 л. мн. числа нетематические глаголы в Евангелии Тяпинского, так же как и тематические, состоят из глагольной основы с формообразующим суффиксом -и-, который иногда выпадает, и личных окончаний. В Острожской Библии используются формообразующие суффиксы -и- и -ѣ-: *невѣдѣ* (Мат. 6, 16) – *невѣдѣ* (ОБ); *даѣ* (Мат. 14, 16) – *дадаѣ* (ОБ); *ѡдаѣ* (Мат. 22, 21) – *вѣздадаѣ* (ОБ); *неинѣ* (Мат. 24, 26) – *неинѣ* (ОБ); *вѣдаѣ* (Мат. 24, 33) – *вѣдаѣ* (ОБ).

В 3 л. ед. числа Тяпинский использует аналитические разговорные глагольные формы, которые схожи по типу спряжения с тематическими глаголами. В Острожской Библии сохраняются особые формы спряжения нетематических глаголов: *неѣ даѣ* (Мат. 5, 31) – *дадаѣ* (ОБ); *неѣ невѣдаѣ* (Мат. 6, 3) – *данѡуѣѣ* (ОБ); *неѣ вѣдѣ* (Мат. 6, 10) – *давѣдѣ* (ОБ); *неѣ* *поинѣ* (Мат. 22, 24) – *дапоинѣ* (ОБ). В Острожской Библии встречается случай употребления синтетической церковнославянской формы в 3 л. ед. числа: *неѣ вѣдѣ* (Мат. 9, 29) – *вѣди* (ОБ).

В качестве примера употребления повелительного наклонения ниже приводятся параллельные места из исследуемых Евангелий:

Мат. 6, 9–13	
Евангелие Тяпинского	Острожская Библия
<p>Такъ прѡто молитѣсѣ вѣѣ ѡуѣ наш котори еси нанѣсѣ неѣхан светѣи ил твоѣ. Неѣхан приидѣ королевѣство твоѣ, неѣхан вѣдѣ вол твоѣ, къ нанѣи и наѣземли. Хлѣб нашъ повѣ деннѣи дан намъ нинѣ. И ѡпѣсти нам долги наши, к намъ ѡпѣсѡванъ должникомъ нашимъ. И невѣводи насъ висѣѣсы, але зѡвѣ нас ѡзѡлого. иж твоѣ ѣ королевѣство ꙗко мощъ и слава навѣки, аминь.</p>	<p>сице оуѡ лиѣитѣсѣ вѣѣ ѡуѣ нашъ, иже еси. нанѣсѣ, даѣтѣи ил твоѣ, дапрѣидѣтѣ ѡтѡвѣ твоѣ. даѣдѣ вол твоѣ, ꙗко нанѣи наѣземли. хлѣбъ нашъ наѣѡнѣи даждѣ намъ днѣсь. нѡстави намъ долги наша, ꙗко намъ оставѣмъ должникомъ нашимъ. инѣвѣди насъ внапѣсть. нѡзваѣи на ѡлѡкаѡаго. ꙗко твоѣ ѣсть ѡтѡвѣи сила слава, вѣвѣѣки, аминь.</p>

В заключение хочется отметить, что даже при рассмотрении столь небольшого фрагмента грамматики, как повелительное наклонение глагола, невозможно не заметить народной основы Евангелия Тяпинского: это выражается и в усечении глагольных форм, и в унификации спряжения нетематиче-

ских глаголов, результатом которой стало упрощение и приближение их парадигмы к парадигме тематических глаголов. В дальнейшем хотелось бы провести сопоставительный анализ других глагольных наклонений, по возможности, с привлечением источников, тоже написанных на «простой мове».

Состав и структура антропонимов «Моления» Даниила Заточника

Е. Н. Соколова

ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Русская историческая антропонимия, антропонимическая формула, христианское имя, нехристианское имя

Summary. The main attention is devoted to the research of Old Russian proper names.

Изучение истории становления русской антропонимической системы тесно связано с привлечением данных древнерусских памятников письменности эпохи Киевской Руси, в числе которых и текст «Моления» Даниила Заточника, произведения кон. XII – нач. XIII в. Памятник сохранился в девятнадцати списках и имеет две редакции. Первая редакция относится к XII в. и связана с именем новгородского князя Ярослава Владимировича. Вторая редакция – к XIII в., поскольку содержит обращение к Ярославу Всеволодовичу.

В тексте «Моления» функционируют имена христианского и нехристианского происхождения. Доминирующий пласт в памятнике составляют однословные библейские мужские и женские имена, в том числе: *Азарь* – (др.-евр. *Хагар* – покинутая); *Сарра* – (др.-евр. *Сара* – высшая, знатная): *Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Азарь рабыни от Сарры госпожа своя* [1, 338]. *Адамъ* – (др.-евр. *адам* – человек): *...помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая...* [1, 390] *Женою сперва прадедъ нашъ Адамъ из рая изнан бысть...* [1, 396].

Для полноты картины библейского именослова выделим другие, знакомые в тексте антропонимы: *Давидъ* (в церковной форме) – (др.-евр. *давид* – возлюбленный). Этот оним трансформирован на русской почве: Ы > И, *Давидъ* > *Давидъ*, используя в полной и притяжательной формах: *Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устами моими.* [1, 394] *Господи! Даи же князю нашему... хитрость Давидову...* [1, 396]; *Даниль* (в древнецерковной форме) – (др.-евр. *дани-эль* – Бог мой судья): *Жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша* [1, 396]. Этот номинативный знак переосмыслен в виду стяжения двух гласных звуков: ИИ > И, *Даниль* > *Даниль*. *Езекия* – (др.-евр. *йехезк*, *йехизкияху* – Бог сделает сильным, укрепит): *Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и покази им множество злата и сребра* [1, 392] *Иосифъ* (в древнецерковной притяжательной форме) – (др.-евр. *йосиф* – он (Бог) прибавит, умножит): *Господи! Даи же князю нашему... Иосифъ разумъ...* [1, 396]. *Павель* – (лат. *Паулус*: *паулус* – малый, римское назывное слово, традиц. *Павл*): *Послуши жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ жене своей* [1, 396] *Самсонъ* (в древнецерковной полной и притяжательной формах) – (греч. *Самсон*: др.-евр. *шимшон* – солнечный: *иешемш* – солнце): *Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу...* [1, 396]. *Соломонъ / Саломонъ*: (др.-евр. *шеломо* – здравствовать, быть в благополучии) Имя употреблено в полной и притяжательной формах: *Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостному напаяютъ душу...* [1, 394]; *Господи! Даи же князю нашему... мудрость Соломону...* [1, 396]; *Яко же Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не даи же ми...* [1, 390].

В числе христианских однословных наименований присутствует имя *Александръ* (в притяжательной форме): *Александръ* – (греч. *Александрос*: *алексо* – защищать + *анер*, *андрос* – муж, мужчина): *Господи, даи же князю нашему... храбрость Александрову...* [1, 396].

В тексте «Моления» следует выделить двухсловные мужские антропонимические формулы типа *Иосифъ Прекрасный*, *Даниль Заточникъ* (по модели: библ. личн. имя + прозвище на базе апеллиатива). *Иосифъ Прекрасный*: *...жены ради*

Иосифъ Прекрасный в темнице затворень бысть. [1, 396]. *Даниль Заточникъ: Слово Данила Заточника.* [1, 388]

«Княжеские» имена в «Молении» исключительно древнерусские: *Владимиръ*, *Ростиславъ*, *Святославъ*, *Ярославъ Володимировичъ*. Все являются композитами. Такого рода имена использовались для прославления представителей княжеского рода, поскольку были образованы от основ с положительным значением. Данная традиция известна как «имяславие». Например: *Владимиръ* – др.-рус. (др.-герм. *Вальдемар*: *вальдан* – владеть + *мар* – слава). Переосмыслено, как образование от основ слов *владеть* + *мир*. *Ростиславъ* – др.-рус. от основ слов *расти* + *слава*. *Святославъ* – от основ слов *свят* + *слава*. *Ярославъ* – от основ слов *яро*, *ярко* + *слава*.

Среди языческих имен князей представлена однословная мужская формула именования только личным именем – *Ростиславъ*: *Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лепше бы ми смерть, ниже курское княжение...* [1, 390] Однословная мужская формула именования по модели: имя предка с окончанием – а со словом *сын* представлена в контексте: *Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира...* [1, 390] В имени *Владимиръ* произошла замена гласного И > Е – *Владимиръ*. *Сыном Владимира* именуется Ярослав Владимирович, новгородский князь, однако сыном в древнерусской письменной традиции мог быть назван потомок вообще, а не обязательно сын. Отсюда не вполне ясно, кто именно подразумевается под Владимиром – Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир. Ф. Б. Успенский отмечал: «... княжеских имен не так уж много, они повторяются из поколения в поколение на протяжении столетий... Повторение имен предков – одна из существенных черт родовой традиции» [3, 883]

Присутствует в тексте двухсловная мужская форма именования по модели: личн. имя (композит) + имя предка по матери в притяжательной форме на – инь со словом «сын» – *Святославъ, сын Ольжинъ*: *Яко же рече Святославъ князь, сын Ольжинъ, ида на Царьград с малою дружиною...* [1, 392]. Следующая двухсловная антропонимическая мужская форма именования – личн. имя + имя предка на –ичь (отчества): *Ярославъ Володимировичъ*. Пример употребления в тексте: *Слово Данила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичю* [1, 388]. При обращении к князю Ярославу Владимировичу используются апеллиативы *княже мои*, *господине* и *господине мои*, например: *Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; Княже мои, господине!* [1, 390]; *Господине мои!* [1, 394]

В целом в произведении отражена известная традиция именования, относящаяся к старшему периоду русской письменности. Антропонимикон «Моления» отражает эстетические представления того времени, тесно связанные с культурными традициями эпохи.

Литература

1. Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М., 1980. С. 388–400 (МДЗ).
2. *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М., 2004.
3. *Успенский Ф. Б.* Словарь Н. М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси // Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 881–891.

История однокорневых слов с контрастными значениями в русском языке

Е. В. Терентьева

Волгоградский государственный университет

Лексика, энтимология, история русского языка

Summary. The report is devoted to the linguistic analysis of Russian words with the same root possessing contrastive meaning. The analysis of the verb «*razit*» and derivatives helps to prove that contrastive meaning arises due to semantic derivation process. It results in neutralization of those semantic features, which actualize the categorial seme «negative impact on an object» as well as the new one – «emotional state / its quality».

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть историю глагола *разить* на основе комплексного подхода к

исследованию глагольной семантики, при котором семантическая структура слова понимается как «единство взаимо-

действующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [2, 5]. Семантическая структура слова складывается из интегральных и дифференциальных сем, реализующих категориально-лексическую сему на разных уровнях. При этом, вслед за С. П. Лопушанской, мы разграничиваем такие понятия, как семантическая структура слова, сложившаяся в системе языка, и смысловая структура словоформы, функционирующей в контексте.

Установление механизма возникновения слов с антонимичными значениями – сложная задача, которая требует решения с учетом исследования истории появления, развития и утраты противоположных значений в отдельных словах. При этом мы понимаем энантиосемию как частный случай семантической деривации, которая представляет собой процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц [3, 6–13].

Обращаясь к рассмотрению истории глагола *разить* и его однокорневых образований, энантиосемичные значения которых отмечаются после XVII в., мы прежде всего устанавливаем его первичное значение. При определении первичного значения нами учитывается то, что праславянский глагол **raziti*, укр. *raziti*, польск. *razić* «разить», «наносить удары» был производным образованием от **razь* «удар», восходящим к индоевропейскому корню **urǵ-*; **urǵō-* «ломать, рвать, нарушать» [8: Т. II, 106], [7: Т. III, 432].

Для выражения первичного значения и реализации категориально-лексической семы «негативное воздействие на объект» у данного глагола обязательно наличие следующих взаимодействующих дифференциальных семантических признаков. Субъект действия, как правило, является одушевленным, конкретным, активным, выражен существительными или местоимениями, обозначающими человека. Интегральная сема «характер объекта» конкретизируется дифференциальными признаками «одушевленность» / «неодушевленность», «конкретность», «пассивность». Интегральная сема «способ осуществления воздействия на объект» может реализоваться в дифференциальном признаке «физическое воздействие», интегральная сема «характер орудия воздействия на объект» уточняется дифференциальным признаком «конкретность». Например: *Возревь на беснующаяся, и разивь жезлом по главамъ ихъ* [1. Окт. 1931, 1744].

В смысловой структуре глагола *разить* зафиксированы семантические изменения деривационного характера. Таким изменениям способствует использование абстрактных существительных в функции субъекта и объекта. Кроме того, интегральная сема «характер орудия воздействия на объект» приобретает способность реализоваться в дифференциальном признаке «абстрактность». При этом в структуре глагола *разить* нейтрализуются дифференциальные признаки «физическое воздействие» и актуализируются дифференциальные признаки «эмоциональное воздействие» либо

«воздействие на органы чувств». Такой набор дифференциальных признаков способствует переосмыслению категориально-лексической семы «негативное воздействие на объект», в результате чего статус категориальной приобретает сема «качественное / эмоциональное состояние» и у глагола разить формируются значения «изумлять» и «пахнуть». В Словаре современного русского литературного языка глаголы *разить* «ударять, поражать» и *разить* «издавать сильный, резкий запах» уже фиксируются как омонимы [5. Т. 12, 335–336].

Описывая приставочные образования с корнем *-раз-* (*-раж-*) в русских народных говорах, авторы словарных статей отмечают наличие нескольких противоположных значений у данных лексем: *зараза* «негодяй» и «возлюбленная»: *Ты зараза, ты зараза, Черноброва, черноглаза!*; *заразный* (*заразой*) «болезненный, хилый» и «трудолюбивый, энергичный»: *Какой парень у тебя заразой* и т. д. ([6]). Появление контрастной семантики у этих лексем можно объяснить семантической деривацией в рамках новой категориально-лексической семы «качественное / эмоциональное состояние», что открывает возможности для появления эмоциональной окраски слов, которая имеет свойство, как отмечают ученые, меняться с отрицательной на положительную и наоборот. Известно, что случаи изменения эмоциональной окраски слова в живой речи чрезвычайно часты [4, 127]. Однако меняется не только окраска, но системные характеристики лексем, а именно: принадлежность к полю, подполю, лексико-семантической группе, изменяется и сочетаемость.

В целом же единая и непрерывная история глагола *разить* в русском языке, как показал анализ, была обусловлена процессами семантической деривации, которая приводила к появлению новых значений у этого слова. Анализ изменений в смысловой структуре глагола позволяет сделать вывод о том, что энантиосемию, как правило, является результатом семантической деривации, сопровождающейся антонимией.

Литература

1. Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. археогр. комис. М.; СПб., 1868–1917. XVI в.
2. Лопушанская С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988.
3. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Филология. Вып. 1. Волгоград, 1996.
4. Прохорова В. Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961. № 1.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л., 1966.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. I, III. СПб., 1996.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 1–2. М., 1994.

К диахронической характеристике семантического поля «безумие» в русском языке

М. В. Турилова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

m_turilova@mail.ru

Этимология, семантическое поле, мотивационная модель

Summary. The analysis of the semantic field of «insanity» in Russian allows us to single out a set of motivational models. Their actuality has been varying along with the development of language. Some of the words for «insane» meant originally «broken, worn out». As result of the research some etymologies for obscure lexemes are suggested.

Важнейшей диахронической характеристикой семантического поля является набор типов мотивации и степень их устойчивости / изменчивости на разных этапах развития языка. В настоящем докладе я предлагаю анализ одного типа мотивации в рамках семантического поля «безумие», связанного с метафорой «поломки». Эта модель интересна тем, что 1) не является специфически славянской и 2) неизменно остается актуальной: этимологические гнезда, лексемы которых обнаруживают семантику сумасшествия на этапе древнерусского языка, сохраняют свою «активность» и пополняют поле новообразованиями.

Предшествующие исследователи лексики со значением «сумасшествие» в русском языке этот тип мотивации не выделяют [1], [2]. Однако в некоторых индоевропейских языках, наряду с другими, существует модель «покрытый трещинами, разломами» → «сумасшедший», ср. англ. *crazy* с первичным значением «потрескавшийся, покрытый разломами» [3, 1219–1221].

Основная масса лексем, реализующих мотивационную модель «сломаться, повредиться, испортиться» → «сойти с ума», распределяется по трем этимологическим гнездам: **xabiti* [4: IV, 214], **rǝx-*, **rux-*, **ryx-* [4: III, 524], **verditi* [4: I, 295].

Для первого из них словари фиксируют появление значений 'сумасшедший' лишь в старорусском языке: **похабъ** 'безумный' (также 'юродивый', 'жестокий') и др. лексемы при **похавити** 'вредить, портить'. Примеры подобного развития значения есть и в других славянских языках, ср. чеш. *pochabý* 'сумасшедший'. Это может быть как параллельным семантическим развитием уже в разошедшихся отдельных языках, так и свидетельством в пользу более раннего возникновения семантики 'потеря рассудка' в данном этимологическом гнезде, нежели это устанавливается по данным словаря.

Помимо семантики 'потеря рассудка', в других славянских языках значение 'поврежденный, испорченный' продуцирует значения 'слабый, вялый, жалкий' (чеш. *ochabiti* 'лишать сил'), 'трусливый' (чеш. *chabý* 'вялый, трусливый'), 'плохой, гадкий' (укр. *охаблений* 'негодный, гадкий'). Для этимологии описание *всей* совокупности значений, *порожденных* в рамках этимологического гнезда на базе анализируемого столь же важно, как и установление круга значений, *способных породить* семантику исследуемого поля [5, 16].

Второе этимологическое гнездо дает лексемы **порушитиса** (с XIV в.) и старорус. **порѣшитиса** 'потерять рассудок', для последней на этапе древнерусского языка словарь указывает лишь значения 'разрушиться, сломаться', 'нарушиться'. Значение 'потерять способность ясно мыслить' выявляется в контексте XVII в. фраземы старорусск. **порѣшитиса ѿмомъ (въ ѿмѣ)**.

Донск. *спорушиться умом* 'тронуться умом' – пример контаминации моделей 'двинуться' / 'сломаться' → 'сойти с ума'. Глагол входит в гнездо **ръх-*, **рих-*, **рух-*, для которого первична семантика сдвига, разрушения [6, 9]. Любопытны также иные производные значения в рамках этого гнезда, аналогичные увиденным в гнезде *xabiti.

«Вклад» следующего гнезда наиболее основателен: ср. древнерусск. **врѣдоумие** 'безумие, сумасшествие', **врѣдоумь** 'сумасшедший', 'приносящий вред, неразумный', **ѿмоврѣдовати** 'помешаться', фраземы **врѣдити ѿмъ**, **врѣдитиса ѿмомъ**, **врѣжатиса дѣшевьнымъ врѣдъмъ** 'терять рассудок', **врѣдъный ѿмъмъ** 'потерявший рассудок' и вполне современное *повредиться в уме*.

Материалы сленга свидетельствуют об актуальности модели «поломка»: в рамках нее я предлагаю рассматривать совр. сленг. *клины* у кого-то 'о временном помрачении рассудка' и *клины ловить* неодобр. 'вести себя подобно сумасшедшему'. Реализация метафоры «интеллект как механизм» мотивирует использование глагола *клинить*: 'механизм, который заклинило' → 'поврежденный механизм' → 'потерявший рассудок'.

Текстологические отношения между тремя списками южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого

Д. Б. Тюняева

Черноморский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Южнославянский перевод Жития Андрея Юродивого (далее – ЖАЮ) был создан в XIV веке, предположительно, в Сербии. Пробуждение интереса к византийскому агиографическому произведению X века и появление нового полного перевода ЖАЮ связано с религиозно-культурным развитием общества в южнославянский странах.

Всего известны девять списков этого перевода; три из них привлечены к рассмотрению в настоящей работе:

1) Список РГБ, ф. 236, собрание А. Н. Попова 76, датируется XIV веком, правописание болгарское (далее – П. 76). Список является неполным, он включен в сборник, который, кроме отрывков из ЖАЮ, содержит отрывки из Диоптры Филиппа Пустынника. Листы с началом текста утрачены, многие эпизоды пропущены. Кроме того, в середине рукописи некоторое количество листов отсутствует, поэтому повествование часто прерывается; текст рукописи местами размыт и не везде хорошо сохранился.

2) Список РГБ, ф. 279, Сев. П. 38, 1-й половины XV века, сербский (далее – Сев. 38). Данный список является достаточно полным, немногочисленные пропуски связаны с отсутствием некоторых страниц: утрачен первый лист, и пропущена часть текста в начале и середине рукописи.

Выражение *клины ловить* семантической несвязанностью элементов наводит на мысль о контаминации – к примеру, выражений *иметь клины* и *ловить кайф* 'находиться в измененном состоянии сознания'.

Наконец, сленг «уточняет» исходную модель: 'поломка предмета, под которым подразумевается голова' → 'потеря рассудка', ср. *фляга свистит у кого* шусл.-ирон. и *чан течет у кого* 'о человеке со странностями, сумасшедшем'.

Выделение в рамках поля данной мотивационной модели помогает этимологизировать две «темные» лексемы.

1. Новг. *поломан* 'глуповатый, придурковатый человек', с одной стороны, фонетически и семантически близко к *полоумен*, а с другой, неясно по структуре. Это позволяет предположить, что *поломан* является результатом трансформаций слова *полоумен*. В связи с фонетическими изменениями – стяжением двух гласных – внутренняя форма слова затемнилась, что повлекло за собой переосмысление морфемного состава лексемы и аттракцию ее в словообразовательное гнездо с корнем *лом-*, т. е. *полоумьнь* → *поломьнь → *поломен → (осмыслено как 'поломанный') → *поломан* (субстантив).

Такой переход поддерживается 1) семантикой лексем словообразовательного гнезда *лом-* (ср. *поломаться чем-л.* казаки-некрасовцы 'сойти с ума, потерять дар речи') и 2) возможностью «достроить» мотивационные связи между исходной лексикой гнезда и «пришлой» лексемой, т. е. существованием такой мотивационной модели в рамках семантического поля.

2. Верхотур. *поломошной* 'сумасшедший, слабоумный', очевидно, также является результатом переосмысления лексемы *полоумочный (ср. диал. *полоумок, полоумка*), чья внутренняя форма стала неясной (*полоумошной → *поломошной*).

Литература

1. Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 140–152.
2. Ермакова О. П. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003. С. 108–116.
3. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. London, 1949.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.
5. Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый' (III) // Этимология 1994–1996. М., 1997.
6. Варбот Ж. Ж. Из семантического опыта этимологии // Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика. Мат-лы Международной научной конференции «Вторые Супруновские чтения». Минск, 28–29 сентября 2001 г. Минск, 2002. С. 14–22.

существованием некоторых страниц: утрачен первый лист, и пропущена часть текста в начале и середине рукописи.

3) Список РНБ, ф. 728, Соф. 1286, датируется XVI веком, западнорусский (далее – Соф. 1286). Список отличается полнотой и хорошей сохранностью текста.

Греческий параллельный текст приводится по двум спискам: 1) список, изданный К. Яннингом в 1688 г. (далее – Ян.); 2) список Баварской государственной библиотеки Mon. gr. 552 (далее – Mon. gr. 552).

По общему количеству расхождений список П. 76 противопоставлен спискам Сев. 38 и Соф. 1286. В тексте этого списка отмечаются частые пропуски, замены и перестановки, отсутствующие в двух других списках. Например, в списке П. 76 пропущено выражение *внѣгда рѣди ѿ ба и ѿца* (Соф. 1286, 78–78 об.; Сев. 38, 111 об.), которое обнаруживается в греческих списках: *Ἐταῖν γεννηθεῖς (ἐγεννήθη) ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς* (Ян., 804; Mon. gr. 552, с. 566).

Замены: П. 76 – *занеже щедръ ѣ и дльготръпльвиъ* (216); Сев. 38 – *яко щедръ ѣ и дльготръпльвиъ* (70 об.); Соф. 1286 – *яко щедръ ѣ и дльготръпльвиъ* (50 л.); греч. *καθ' ὅ τι*

(ὄτι) οἰκτίρων ἐστὶ καὶ μακρόθυμος (Ян., 744; Mon. gr 552, с. 526).

Перестановки: П. 76 – донелиже ^е врѣм скръзи (266); Сев. 38 – донелиже врем ^е скръзи (107 л.); Соф. 1286 – донелиже врем ^е скръзи (73 об.); греч. εὖς ἐστὶν ὥρα, καὶ εὖς ἐστὶ καιρὸς; εὖς ἐστὶν καιρὸς (Ян., 793; Mon. gr 552, с. 559).

Вставки представляют собой более редкое явление в списке П. 76:

П. 76 – епифаніе ^{ре} остави [ѣа мо]л ти с и рѣци ми ащ [е има]ши что ѿ видѣніа (36г); Сев.38 – епѣфаніе ^{ре} остави сна млю те и рци ми аще имаши ѿ видѣніа (155 об.); Соф.1286 – епифаніе ^{ре} остави сѣа молю ти с и рци ми аще имаши ѿ видѣніа (107 л.); греч. Επφάνιος εἶπεν. Αφες (μοι) ταῦτα, καὶ εἰπέ (λέξου) μοι εἰ ἔχεις τι ἀπὸ θεωρίας (Ян., 876; Mon. gr 552, с. 611).

Между списком П. 76, с одной стороны, и Сев. 38 и Соф. 1286, с другой, отмечено некоторое количество лексических расхождений: свѣчь (П. 76, 21а) – гнѣвъз (Сев. 38, 70 л.; Соф. 1286, 50 л.), облѣвнитис (П. 76, 21г) – прѣвложитис (Сев. 38, 71 об.; Соф. 1286, 51 л.), видѣти (П. 76, 21г) – дѣрѣти (Сев. 38, 71 об.; Соф. 1286, 51 л.), вѣдѣти (П. 76, 21г) – знати (Сев. 38, 71 об.; Соф. 1286, 51 л.), извѣрѣсти (П. 76, 24а) – полочити (Сев. 38, 97 л.; Соф. 1286, 68 л.), наказаѣти (П. 76, 24б) – наочити (Сев. 38, 97 об.; Соф. 1286, 68 об.), лаина (П. 76, 26а) – смрадъ (Сев. 38, 103 об.; Соф. 1286, 73 л.), пристѣпати (П. 76, 26г) – послѣдѣствовати (Сев. 38 – пропуск; Соф. 1286, 74 л.), срѣдоволие (П. 76, 27в) – желаніе (Сев. 38, 107 об.; Соф. 1286, 76 л.), испытание (П. 76, 27г) – истязание (Сев. 38, 108 об.; Соф. 1286, 76 об.), взмѣтати (П. 76, 28г) – вѣрѣци (Сев. 38, 110 об.; Соф. 1286, 77 об.), безвѣрѣменьзи (П. 76, 31б) – безвѣрѣтъзи (Сев. 38, 125 л.; Соф. 1286, 87 об.), страстьзи (П. 76, 31в) – окаяньзи (Сев. 38, 125 об.; Соф. 1286, 88 л.), чюдѣтитис (П. 76, 33б) – дивитис (Сев. 38, 130 л.; Соф. 1286, 91 л.). В отмеченных парах оба компонента принадлежат пласту церковнославянской лексики. Однако употребление некоторых лексем в списке П. 76 свидетельствует о том, что он лучше сохраняет южнославянскую лексику; некоторые слова находят параллели в современных южнославянских языках и диалектах: облѣче (П. 76, 21в) – совр. болг. *облекло* ‘одежда, платье’; приѣчати (П. 76, 21в) – болг. диал. *прилука* ‘удобный момент, случай’; шегѣвати (П. 76, 23б) – совр. болг. *шегувам се* ‘шутить, насмехаться, подтрунивать’; чакаѣти (П. 76, 34г) – совр. болг. *чакам* ‘ждать, ожидать’. Некоторые замены в списке П. 76 носят регуляр-

ный характер (вѣдѣти – знати, чюдѣтитис – дивитис), что может свидетельствовать о последовательно проведенной редактуре.

Еще одной отличительной особенностью списка П. 76 является наличие в нем конструкций с субстантивированным инфинитивом, которые отсутствуют в списках Сев. 38 и Соф. 1286. При этом в греческих списках может употребляться или соответствующая инфинитивная конструкция, или одиночный инфинитив. В ряде случаев использование в списке П. 76 конструкции *еже + inf.* представляет собой вторичное чтение:

П. 76 – прѣиди да лжемъ кспно еже спати понеже издавна желадхъ тебе еже да тзи мене насладдиши с (23 б); Соф. 1286 – прѣиди да лжемъ кспно спати понеже издавна желд тебе еже да тзи мене насладдиши с (66 об.); Сев.38 – прѣи да лжемъ коцпно спати понеже издавна желд тебе да тзи мене насладдиши се (96 об.); греч. – 1) δεῦρο, ὥραία μου σύμβιτε, κοιμηθῶμεν (οἱ) ἀμφότεροι, ὅπως καὶ σὺ ἐμοῦ ἀπολαύσῃ с (Ян., 780; Mon. gr. 552, с. 550). Избыточное употребление в списке П. 76 относительного местоимения *еже* указывает на вторичную грецизацию.

В подавляющем большинстве тех случаев, когда список П. 76 противопоставлен спискам Сев. 38 и Соф. 1286, чтения последних совпадают. Вообще списки Сев. 38 и Соф. 1286 в текстологическом и лексическом отношениях очень близки друг к другу. Но и между ними отмечаются некоторые расхождения: вставки, пропуски, замены, перестановки. В ряде случаев список Сев. 38 оказывается более последовательным при передаче греческого оригинала. Так, греческий артикль τῆν (В. п., ед. ч., ж. р.) в южнославянском списке Сев. 38 несколько раз переводится с помощью соответствующего относительного местоимения *уже* (в списке Соф. 1286 ему обычно соответствует *уже*). Такой грамматически правильный перевод представляет собой первичное чтение и отражает особенности пословного перевода.

Итак, списки Сев. 38 и Соф. 1286, вероятнее всего, являются вариантами одной редакции и заключают в себе первичные чтения, так как в большинстве случаев именно они совпадают с чтениями, представленными в греческих списках. Противопоставленный им неполный список П. 76 представляет собой другую редакцию, отражающую сознательно проведенную правку текста, возможно, с привлечением греческого текста.

Четвероевангелие Острожской Библии: тенденции языковых исправлений

Хан Чжи Хен

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История русского литературного языка, грамматическая норма, Библия

Summary. This report is about the main trends of the linguistic corrections in the Four Gospels of Ostroger-Bible.

Острожская Библия (далее ОБ) – первая полная печатная Библия на церковнославянском языке, изданная в Остроге в 1580–1581 гг. трудами князя Константина Острожского и его сподвижников. ОБ явилась вершиной славянской традиции Священного Писания и основанием для всех последующих изданий славянской Библии. С издания Библии в Остроге начинается процесс систематической книжной справки на Руси. В основу ОБ был положен список Геннадиевской Библии (1499 г.) (далее ГБ), который исправлялся преимущественно по греческим изданиям с привлечением других славянских рукописных источников.

Реконструкция филологических приемов острожских издателей осуществлялась, главным образом, на материале текстовых исправлений ([1], [2]). Что же касается собственно языковой правки ([3], [5]), то многие ее аспекты оставались на периферии внимания исследователей. По-видимому, именно это обстоятельство и определило трактовку Четвероевангелия ОБ как текста, изданного «с самыми незначительными поправками» [2, 204] и «почти в точности совпадающего с Геннадиевским текстом» [4, 99].

Проведенное нами исследование языковых исправлений, внесенных редакторами ОБ в текст Четвероевангелия, дает основания оценивать их деятельность не как «аккуратное копирование» [2, 214], а как последовательную и целена-

правленную книжную справку. Филологическая работа острожских книжников не сводилась к исправлению очевидных ляпсусов, встречающихся в ГБ (вѣ хра (л. 694) ⇒ в храмъ (л. 7) [МФ 12:04], по пѣсю (л. 702) ⇒ по пѣназю (л. 11) [МФ 20:02], тантъ (л. 707) ⇒ талантъ (л. 14) [МФ 25:16], кници (л. 709) ⇒ книжницы (л. 16) [МФ 26:57], свѣтика (л. 739) ⇒ свѣтилника (л. 35) [Лк 11:33], младець (л. 728) ⇒ младець (л. 28) [Лк 01:41], ѿ сѣме (л. 759) ⇒ ѿ сѣмене (л. 48) [Ин 07:42]). Результатом нормализаторской деятельности издателей ОБ явились многочисленные исправления грамматического характера, реализующие определенные программные языковые установки. К основным принципам, которыми руководствовались острожские книжники, относятся *устранение аграмматизмов* и *устранение немотивированной вариативности*.

В ОБ последовательной правке подвергнуты все допущенные писцами ГБ аграмматизмы – ошибки, заключающиеся в нарушении реализации грамматической категории, поддержанной отсутствием данной категории в живой диалектной речи:

а) формы «конгруэнтного» двойственного числа: не двѣ ли птици цѣнитисл ^еднномуу ^ассарію (л. 693) ⇒ цѣнитисл (л. 6) [Мф 10:29]; ѿ ставъ ^ас, възгласи ^аѣ, ѿ ре^ѣ что хощете да сътворю вама (л. 702) ⇒ хощета (л. 12) [Мф 20:32];

б) глагольные формы прошедшего времени: вси людѣ радова сѧ ѿ всѣхъ славныхъ бывающихъ ѿ него (л. 741) ⇒ радовахъ сѧ (л. 36) [Лк 13:17]; възаше же каменіе да вергоутъ на нь (л. 761) ⇒ възаша (л. 49) [Ин 08:59]; наченъ ѿ мѡисѣа, ѿ ѿ всѣхъ прѣкъ, сказаша ѿма ѿ всѣхъ писаніи (л. 751) ⇒ сказааше (л. 43) [Лк 24:27]; ѿ начала же създаніа мѡжа ѿ женоу сътвори ѿ естъ бѣ (л. 720) ⇒ сътвори (л. 23) [Мк 10:06];

в) формы причастий: слышавши бѡ жѣна ѡ немь ѣже дщи «имаше доухъ нечистъ пришедше припаде к ногамъ еѡ (л. 718) ⇒ пришедши (л. 21) [Мк 07:25]; ѿ възвращае же сѧ ѿ гроба, възвѣстивша всѧ сѧ единомѡ на десате, ѿ всѣмь прѡчїимь (л. 751) ⇒ възвращае (л. 43) [Лк 24:09];

д) формы сравнительной степени прилагательных: ѣже малѣиши ѣ ѿ всѣхъ сѣменъ (л. 696) ⇒ малѣише (л. 8) [Мф 13:32].

Преодолевая немотивированную вариативность, во всех грамматических позициях редакторы ОБ отдают предпочтение стандартному книжному варианту. Так, в позиции И. мн. существительные мужского рода с суффиксами -тель, -арь в ГБ представлены с двумя флексиями -и и -е (дѣлатели [Мф 21:35] / дѣлателе [Лк 20:10], мытари [Лк 03:12] / мыгаре [Мк 02:15]). В ОБ формы на -и подвергнуты правке: ѿ дѣлатели же видѣвше сна рѣша въ себѣ (л. 703) ⇒ дѣлателе (л. 12) [Мф 21:38], прїидша же ѿ мытари крѣтити сѧ (л. 730) ⇒ мыгаре (л. 29) [Лк 03:12], и в качестве единственно нормативной сохраняется только флексия -е.

В Р ед. у существительных среднего рода с суффиксами -ес-, -ен-, -ат- наряду с -е в ГБ используется также окончание -и (словесе [Лк 20:03] / словеси [Мф 05:32], времеѡ [Мф 26:16] / времени [Лк 12:56], ѡтрочате [Мф 02:20] / ѡтрочати [Мк 09:24]), которое в ОБ последовательно заменено на -е: единого словеси (л. 746) ⇒ словесе (л. 40) [Лк 20:03], пришеель ѣси сѣмо прѣже времени мѡчїити на (л. 692) ⇒ времеѡ (л. 05) [Мф 08:29], съ нѣси (л. 744) ⇒

сѧ нѣсе (л. 39) [Лк 17:29], въззопив ѿць ѡтрочати (л. 720) ⇒ ѡтрочате (л. 22) [Мк 09:24].

В позиции Р мн. (В=Р мн.) в ГБ допускается вариативность -и / -ен (людїи [Мф 13:15] / люден [Мк 11:32], дѣтїи [Лк 18:16] / дѣтен [Мф 14:21]). Внося исправления -ен ⇒ -и, острожские редакторы устраняют эту вариативность: боахъ сѧ люден (л. 722) ⇒ люди (л. 24) [Мк 11:32], отста- вите дѣтен (л. 720) / дѣтїи (л. 23) [Мк 10:14], развѣ женъ ѿ дѣтен (л. 699) ⇒ дѣтїи (л. 9) [Мф 15:38].

С двумя окончаниями в ГБ засвидетельствованы членные причастия И мн. м. р. -ен / -и (слышавши [Мк 06:02] / ѡбладающїи [Лк 22:25]). В ОБ формы на -и заменяются формами на -ен: да възходящїи свѣтъ видать (л. 739) ⇒ възходящїи (л. 35) [Лк 11:33], ѿ прѣдоущїи, прѣцааху емоу (л. 745) ⇒ прѣидущїи (л. 39) [Лк 18:39].

Данные факты свидетельствуют о том, что в отличие от создателей рукописного Геннадиевского свода, решавшими прежде всего задачу фиксации наличного актуального текста Священного Писания, перед острожскими книжниками при подготовке к изданию библейского кодекса стояла проблема его языковой нормализации. В результате их филологической «работы» ОБ после выхода в свет получает значение стабилизатора грамматической нормы.

Литература

1. Алексеев А. А. Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская Библия. Сборник статей. М., 1990.
2. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
3. Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893.
4. Рижский М. И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.
5. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bible (1499) und Ostroger Bible (1580 / 1581). Frankfurt a. M., 1972.

Статус заимствований в русском языке первой половины XIX в.: основные тенденции в оценке чуждого языкового материала

Л. Г. Чапаева

Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова

Иноязычные заимствования, народность, европеизм, свое и чужое, языковая полемика

Summary. At the first half of XIX century the principal cultural opposition «native ~ alien» determines the basic tendencies in the estimation of loan words. This opposition has ideological character in connection with discussion of the Slavophiles and westernists.

Тема иноязычных заимствований традиционно является дискуссионной в истории русского языка. На протяжении всего XIX века отношение к ним в среде образованного общества не было однозначным, а конкретные лексемы становились предметом языковой полемики. Принятие или непринятие иноязычного слова оказывалось связанным с общими концептуальными установками носителей языка, а вопрос о заимствованиях оказывается тесно связанным с определением сферы «чуждого» и отношением к нему.

Для языковой ситуации начала XIX в. характерно столкновение экстравертных и интровертных тенденций. Экстравертность карамзинистов привела к насыщению русского языка заимствованиями из престижного в то время французского языка. Вместо изгоняемых славянизмов карамзинисты приветствуют заимствования из европейских языков, поскольку они придают русскому литературному языку интернациональный характер, равенство с другими европейскими языками, русский язык становится способным адекватно передавать то содержание, которое может быть выражено на европейских языках.

Шишковисты выступают резко против подобного пути обогащения родного языка. Развивая вслед за немецкими романтиками и философами мысль о том, что каждый язык неповторим, и воспринимая язык как культурно-исторический организм, в истории которого отражаются особенности народного духа, А. С. Шишков полагал, что заимствования передают лишь поверхностный смысл чуждого слова, оторванного от внутренних связей и искусственно привитого к русскому языку. Пафос идей Шишкова направлен против усвоения чужой культуры в ущерб своей.

В 30-х годах противостояние и враждебность культур обостряются в связи с актуализацией принципа народности.

Оппозиция *народность ~ европеизм* становится базовой в русской культурно-языковой ситуации. Н. И. Надеждин рассматривает европеизм, т. е. «чужое», как слепое копирование и заимствование внешних европейских черт. Но если под европеизмом понимать принцип народности, ставший в Европе основанием культурного развития, то подражание, выражающееся в осознании собственной самобытности, присутствием европейским народам, признается положительным фактором языкового развития. Правда, источником пополнения не только лексики русского языка, но вместе с ней и родственных, нужных идей должны стать европейские славянские языки, обладающие развитой формой письменного литературного языка, отражающего высокий европейский уровень, но сохраняющего свою славянскую самобытность.

Именно с этой позицией для Надеждина европеизм как направление, характеризующее ориентацию русской культуры на Европу, обладает положительной коннотацией, так как речь идет о родственных по духу и языку славянах, живущих в Европе и развивающих европейские идеи естественным путем.

Таким образом, европеизм Надеждина в корне отличается от направления, развивавшегося карамзинистами. Надеждин гораздо ближе к позиции архаистов, которой в целом следовали и славянофилы 1840-х гг.

В грамматических и стилистических сочинениях 1840-х годов нет единства в оценке роли и места заимствований (обычный термин для них – *варваризмы*) в русском литературном языке. С одной стороны, присутствует объективный взгляд на их правомерность в русском книжном языке, так как это процесс неизбежный, по мнению И. И. Срезневского, несмотря на то, что в истории русского языка ориентация на западные образцы сыграла отрицательную роль: ра-

зорвала связь народного и книжного языков. Но новые заимствования из *живых* чужих языков, придают «дух жизненности», «силу современности» остановившемуся в своем изменении русскому книжному языку.

С другой стороны, пуристический взгляд на заимствования в русской филологии преобладает, отличаясь субъективностью оценок тех или иных заимствованных или калек. Ф. И. Буслаев, признавая ненаучность пуристического подхода, тем не менее, отрицательно оценивает «чуждое» влияние в языке, считает его «ложным», подчеркивает «невразумительность» для народа варваризмов, «отягощающих речь, как лишний нарост»

Вопрос о заимствованиях в лингвистической теории 1840-х гг. оказывается тесно связанным с неологией, под которой понимается не только образование новых слов, *неологизмов*, но и введение прямых заимствований или калек.

Н. Кириллов выдвинул тезис о том, что *новизна*, постоянное обновление является естественным законом развития природы. Язык, как знак «материальной оболочки мысли», должен иметь средства для отражения действительности, поэтому введение в язык новых слов путем калькирования, или через прямое заимствование из других языков необходимо. Но большинством грамматистов неологизмы иноязычного происхождения не рекомендуются к употреблению.

В филологической традиции уже усвоенные заимствования воспринимались как *свое*, а вновь входящие в язык – как *чужое*. Несмотря на то, что уровень развития русского

литературного языка не создавал опасности «заражения» иноязычным влиянием, новые заимствования воспринимаются негативно еще и в связи с тем, что «окнижнивают» литературный язык.

Со всей остротой вопрос о заимствованиях встает в связи с формированием философских, идеологических концепций и их языкового аппарата. Полемика о заимствованиях в 1830–40-х гг. в значительной степени отражала конфликт не столько языковых, сколько философских концепций. С каждым из новых иноязычных слов был связан комплекс общественно-политических взглядов, за борьбой вокруг отдельных слов скрывалась борьба различных идеологий и мировоззрений.

Попытки создать философский язык приводят к образованию идеологически обусловленных лексиконов внутри единой словарной системы русского литературного языка. В спорах об отдельных лексемах с очевидностью обнаруживается идеологический уровень противопоставления *своего* и *чужого*, *родного* и *иноязычного*. Отторжение того или иного заимствования обуславливается не столько семантикой и стилистикой слова, сколько его принадлежностью к лексикону иного идеологического лагеря. А поскольку прямые иноязычные заимствования свойственны, скорее, западникам, то в их лингвистических противниках оказываются и славянофилы, и сторонники официальной народности, и люди, далекие от идеологических споров, но придерживающиеся пуристических взглядов.

Греко-славянские параллели в гимнографических текстах: фрагменты слова Григория Богослова в песнопениях св. Пятидесятницы (на материале Цветной Триоди и Шаракана)

О. В. Чевела

Казанская духовная семинария, Казанский филиал военного артиллерийского университета

Герменевтика, греческий язык, древнеславянский язык, древнеармянский язык

Summary. The problem of using methods of hermenevtics when studying and interpreting anthemgraphic works is considered in this paper. The novelty of the research is in the following: greek-slavonic anthemgraphic is considered in historic and cultural context, in its attitude to songs of ancient oriental church.

Византийская гимнография, развивавшаяся под влиянием святоотеческой письменности, содержит немало извлечений из творений вселенских учителей. Фрагменты из 41-го слова Григория Богослова представлены в тропарях службы св. Пятидесятницы. Большая часть текста Слова вошла и в состав шаракана на седьмой день Пятидесятницы.

Греческий гимнограф сохраняет все формулы в неприкосновенности, за исключением незначительных трансформаций. Автор меняет местами компоненты синтагмы: $\phi\acute{\omega}\varsigma$, καὶ χορηγὸν $\phi\omega\tau\acute{o}\varsigma$, – $\phi\acute{\omega}\varsigma$, καὶ $\phi\omega\tau\acute{o}\varsigma$ χορηγὸν, устраняет повтор, используя синонимическую замену: $\delta\acute{\iota}$ οὖ πατῆρ $\gamma\acute{\iota}\nu\omega\sigma\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$, καὶ οὐὶδς δοξάζε\tau\alpha\iota, καὶ παρὰ πάντων $\gamma\acute{\iota}\nu\omega\sigma\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$ – $\delta\acute{\iota}$ οὖ πατῆρ $\gamma\upsilon\psi\omega\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$, καὶ οὐὶδς δοξάζε\tau\alpha\iota, καὶ παρὰ πάντων $\gamma\acute{\iota}\nu\omega\sigma\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$.

Каданс перестраивается с опорой на сакральную численность, меняя местами компоненты формулы и «сжимая» лексический ряд в триаду, построенную по одной ритмической модели:

$\mu\acute{\iota}\alpha$ σύνταξις, λατρεῖα $\mu\acute{\iota}\alpha$, προσκύνησις, δύναμις, τελειότης, ἀγίασμος – $\mu\acute{\iota}\alpha$ δύναμις, $\mu\acute{\iota}\alpha$ σύνταξις, [μία] προσκύνησις, [τῆς ἀγίας] τριάδος].

В процессе бытования текста на славянской почве первоначальный перевод претерпевает незначительные и закономерные изменения. Описательный перевод заменяется сложными образованиями по образцу греческих: $\zeta\omega\pi\omicron\iota\acute{o}\nu$ – жикотъ ткоран / жикоткорл, калькируется греческая конструкция с *дательным социативным*: πατρί καὶ οὐὶω συντετάμενον καὶ συναριθμοῦμενον – оцѡу и снѡу сѡчиненѡ и сѡчислѡемѡ, сохраняются греческий порядок слов. В древнем переводе глаголы, сложные с *syn-*, передаются приставочными образованиями с предлогом и *Тв. п.* – сѡ оцѡмѡ и снѡмѡ сѡчиненѡ и сѡпринчѡтѡкѡмѡ, что было наиболее распространенным способом передачи *Dat. soc.* В отдельных разночтениях представлен различный перевод греческих многозначных слов: $\sigma\upsilon\nu\alpha\rho\acute{\iota}\theta\mu\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ – сѡпринчѡтѡкѡмѡ / сѡчислѡемѡ, в тексте евфимиевской редакции передается первичное, этимологическое значение греческого слова $\sigma\upsilon\nu\alpha\rho\acute{\iota}\theta\mu\epsilon\omega$ «сосчитываю». Находит отражение ориентация

на систему эквивалентов, сложившихся в различных переводческих школах: $\zeta\omega\eta$ – жикотъ / жизнь.

Традиционные способы трансформации исходного святоотеческого текста использует и древнеармянский переводчик-гимнограф:

На уровне текста:

1) перестановку текстовых блоков исходного текста; 2) изменение порядка слов.

На уровне синтагмы-формулы:

1) компрессию (сжатие), 2) расширение текста (за счет включения библейских цитат и соотнесения параллельных мест, использование парных сочетаний, глосс-пояснений 3) лексические замены.

Переводчик объединяет в один текстовый блок синтагмы с начальным $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ «сам, само», как в составе формулы, так и в составе сложных образований.

$\eta\acute{\iota}\rho\epsilon\nu\alpha\zeta\omega\nu\tau\epsilon$, $\eta\acute{\iota}\rho\epsilon\nu\eta\zeta\eta\omega\nu$, $\eta\acute{\iota}\rho\epsilon\nu\alpha\eta\eta\eta$, $\omega\nu\epsilon\nu\alpha\eta\eta\eta$ [$\alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\acute{\iota}\nu\eta\tau\omicron\nu$, $\alpha\upsilon\tau\epsilon\zeta\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, $\alpha\upsilon\tau\omicron\delta\upsilon\nu\alpha\mu\omicron\nu$, $\pi\alpha\nu\tau\omicron\delta\upsilon\nu\alpha\mu\omicron\nu$] ($\psi\omega\sigma\upsilon\eta$ $q\eta$ $z\eta\nu\acute{\iota}\zeta\tau$ $n\eta\eta$ $\psi\omega\mu\eta$ $n\eta\eta\omega\nu$ $\psi\eta\eta\eta\tau\epsilon$ $\eta\eta\eta\delta\omega\nu$ ι $n\eta\eta\omega\nu$) $\eta\acute{\iota}\rho\epsilon\nu$ $\eta\acute{\iota}\rho\epsilon\omega\nu$ $\eta\eta\eta$ $\delta\eta\eta\eta$ $\eta\eta\eta$ $n\eta\eta$ $n\eta\eta$ $\eta\psi\omega\tau\epsilon\omega\iota$ [$\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ $\xi\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ $\tau\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ $\acute{\alpha}\epsilon\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\omicron\iota\varsigma$ $\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\kappa\tau\alpha\iota$]

В древнеармянском тексте присутствует вставка интерпретирующего характера, основанная на соотнесении параллельных мест. Гимнограф вводит в текст аллюзию из Евангелия от Иоанна: $\tau\acute{o}$ $\pi\upsilon\epsilon\theta\upsilon\mu\alpha$ $\theta\eta\lambda\epsilon\iota$ $\pi\upsilon\epsilon\iota$ – джѡ нѡѡже $\chi\omicron\psi\epsilon\tau\gamma$ дѡшѡтѡ, арм. $q\eta$ $h\eta\eta\eta$ $n\eta\eta$ $\psi\omega\mu\eta$ $z\eta\nu\acute{\iota}\zeta\tau$ [Ио. 3: 8]. Как видно из приведенного контекста, в древнеармянском переводе НЗ порядок слов точно следует греческому. Оставляя лексические единицы без изменения, переводчик-гимнограф изменяет порядок слов, расширяя евангельскую цитату счет повторов и синонимов, образующих диады и триады: $\psi\omega\mu\eta$ - $\psi\eta\eta\eta\tau\epsilon$ «хочет – желает», $n\eta\eta$ – $n\eta\eta\omega\nu$ – $n\eta\eta\omega\nu$ «где – сколько – когда»: $\psi\omega\sigma\upsilon\eta$ $q\eta$ $z\eta\nu\acute{\iota}\zeta\tau$ $n\eta\eta$ $\psi\omega\mu\eta$ $n\eta\eta\omega\nu$ $\psi\eta\eta\eta\tau\epsilon$ $\eta\eta\eta\delta\omega\nu$ ι $n\eta\eta\omega\nu$ «потому что он дышит где хочет, сколько и когда желает».

Подвергнут переработке фрагмент слова, построенный на основе риторического сопоставления противоположных, взаимоисключающих понятий. Армянский переводчик-гимно-

Пск. 3 лет. – Псковская 3 летопись по Строевскому списку XVI в.
СоК – Сказание о Константинополе XIV в. по списку XVI в. // Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.

Литература

1. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

2. Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1996.
3. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Инфинитивные сочетания с глаголами **имамь** и **имоу** в языке древнерусских летописей

И. С. Юрвева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«Будущее сложное I», глагол **имѣти**, древнерусские летописи

Summary. The research has shown that the verb **имамь** in infinitive constructions wasn't the auxiliary component of Compound Future forms, but always conveyed the meaning of obligation, inevitability. These constructions probably weren't characteristic of Novgorod area at all. One should also distinguish this kind of constructions from the infinitive constructions with **имоу**, where **имоу** performed a merely auxiliary function and didn't add any modal meaning.

1. Традиционно считалось, что глагол **имамь** в сочетаниях с инфинитивом в древнерусском языке мог утрачивать свое лексическое значение, выступая в качестве вспомогательного для выражения значения «чистого» будущего («будущее сложное I»). Со второй половины XX в. в науке стали высказываться идеи, что глагол **имамь**, как и **хочю** (**хощю**) и **начьноу**, в древнерусском языке никогда не был чисто вспомогательным.

2. Древнерусский глагол **имамь** всегда актуализирует значение обязательности, неизбежности, неотвратимости какого-либо действия: **молвашеть бо азъ славы дѣла не вѣжахъ. тогда ѿ дружинны. и нынѣ не славнымъ поутемъ. не имамъ понти** (ни за что не пойду – Киевская летопись, под 1185 г.).

3. Чаше всего конструкции с глаголом **имамь** встречаются в цитатах из Священного Писания или в устойчивых формулах в составе клятв и пророчеств, причем в очень архаичных контекстах, что свидетельствует о их древности: **изгинде же вѣларикъ рекъмын король оугорьскын. в силѣ тлажьцѣ. рекшю емю тако не имать встати градъ ганчъ (Галичу не встоять). нѣ кто избавляа и ѿ роукоу моею** (Галицко-Волынская летопись, под 1229 г. – ср. в Евангелии **не имать съде оспати камень на камени** Мк 13,2 Мст. Ев.).

4. В Новгородской I летописи обоих изводов «**имамь** + инфинитив» встречается только во вставных фрагментах южнорусского происхождения, ср.: **оже мы, братье, симъ не поможемъ, тѣ си имуть придатиса к нимъ (неизбежно перейдут на их сторону), тѣ онѣмъ волши бѣдетъ сила** (Синодальный список, под 1224 г., рассказ о битве на Калке); **се слышавъ володимиръ, повелѣ нсѣковати ажци сребрени асти дружиннѣ, рекъ сице, ако сребромъ и златомъ налѣсти не имамъ (никак не добыть мне) дружиннѣ, а дружиню налѣзу злато и сребро** (Комиссионный спи-

сок, под 996 г., текст ПВЛ). Вероятно, это говорит о нехарактерности таких конструкций для новгородской диалектной зоны.

5. Следует различать инфинитивные сочетания с формами **имамь**, **имашн**, **имать** и сочетания с формами **имоу**, **имеши**, **иметь**. Инфинитивные сочетания с формами **имамь**, **имеши**... для обозначения будущего времени в древнерусских текстах появляются позднее, чем сочетания с **имамь**. Именно на основе конструкций «**имоу** + инфинитив» развилось сложное будущее в украинском языке и некоторых русских говорах.

6. Возможно, что в определенный период с инфинитивной основой **имѣти** соотносились как парадигма **имамь**, **имашн**..., так и парадигма **имоу**, **имеши**... Формы **имоу**, **имеши**, будучи генетически формами глагола **ѣти**, стали, вероятно, восприниматься как новые формы презенса того же глагола **имѣти**. Меняется сам характер значения этих конструкций: новые конструкции с **имоу** никакого модального значения не выражают. Ср.: **а княгини моа. по моему животѣ. вже восхочеть в черницѣ понти пондетъ. аже не восхочеть нти. а како ен любо. мнѣ не воставши смотритъ что кто иметь чинити (будет / станет делать). по моему животѣ** (ГВЛ, 1283 г.).

7. Значение неизбежности, свойственное конструкциям с **имамь**, имеет общие семантические компоненты с «чистым» значением будущего, которое стало выражаться конструкциями с **имоу**. Вероятно, поэтому парадигма глагола **ѣти** и парадигма глагола **имѣти** могли беспрепятственно объединиться, тем более что формы 3 лица множественного числа у них изначально омонимичны – **имовуть**. При этом сочетания с **имамь**, когда уже сложилась парадигма **имѣти**: **имоу**..., видимо, воспринимались как архаичные и не соотносились с формами сложного будущего.

Эволюция семантики юридического термина **послух** на протяжении XIV–XVII вв. (по материалам Русской Правды – Троицкий I список второй половины XIV в., Судебника 1497 г. и Соборного Уложения 1649 г.)

И. А. Якунченкова

ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Юридический термин, полисемия

Summary. The linguistic analysis of the old Russian Law manuscripts shows that process of standardizations and unifications of juridical terms begins in the middle of XV century and stops in the middle of XVII century.

Термин **послух** отмечается в 12 статьях Русской Правды пространной редакции (ст. ст. 18, 21, 29, 39, 47, 48, 49, 50, 52, 77, 85, 110). При этом его значение варьируется в зависимости от контекста статьи. Так в статье 18: **О поклепней вире. Аще будет на кого поклепная вира, то же будет послухов 7, то ти выведут виру; паки ли варяг или кто ин тогда** [4: П, 326] – данный термин употребляется в значении «подтвердитель, свидетель» [7, 1239], «помощники, Eideshelfer juratores германского права, очистники, известные

в законодательстве западных славян» (В. Г. Демченко), «свидетель доброй славы» (В. И. Сергеевич, Гетц), «помощники ответчика (или истца), подтверждающие его добрую славу» (М. Ф. Владимирский-Буданов) (цит. по [4: П, 327–328]). Такое же значение данный термин имеет и в статьях 21 и 85, связанных с поклепом. В статье 48 Русской Правды: **Аже кто купецъ купцю дастъ куну в куплю или в гостьбу, то купцю предъ послухи кун не имати, послухи ему не надобе, но ти ему самому роте, аже ся почтеть запирати**

[4: II, 411] – данный термин проявляет новое значение «свидетель на суде, в тяжбе, при заключении сделки» [5, 188]. Такое же значение термина **послух** отмечается и в статьях 47, 48, 49, 50, 52, 110 при заключении сделок по займу и найму. В статье 29 Русской Правды пространной редакции: *А придет кровав мужъ. Аже придет кровав мужъ на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны, аще ли не будет на немъ знаменья, то привести ему видок слово противу слова; кто будет, или будет сам почал, а вылезут послуси, то то ему за платежь, оже и били* [4: II, 350] – исследуемый термин является полным синонимом термина **видок** и соответственно имеет значение «тот, кто является непосредственным наблюдателем чего-либо, очевидец» [5, 188]. Такое же значение отмечается и в статье 39. Кроме того, в статье 77 исследуемого памятника: *Не будет ли татя, то по следу жечнутъ; аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едутъ на след или отобъются, то темъ платити татбу и продажу; а след гнати с чужими людми а с **послухи**; аже погубят следе на гостиньце на велице, а села не будет, или на пуге, где же не будет ни села, ни люди, то не платити ни продажи, ни татбы* [4: II, 571] – термин **послух** имеет еще одно значение, отмечаемое Ланге: «свидетель, т. е. понятой» (цит. по [4: II, 570]). Таким образом, значение «тот, кто слышал» [2, 112], [9, 340], [3, 13], выводимое некоторыми лингвистами на основе анализа словообразовательной структуры данного термина, не подкрепляется материалами исторических словарей и текстами статей Русской Правды.

В результате постоянного стремления юридической терминологии к стандартизации и унификации термин **послух** уже в середине XV в. утрачивает одно из своих значений: «свидетель “доброй славы”, поручитель» [1, 508], в результате замены термином **сведетель**, на что указывает текст Археографического II списка: *О поклепной вире. Аще боудеть на кого клепнаа вира, то оже боудеть 7 **сведетели**, то ти имуть вируу; наky ли варягъ или инъ кто, то 2* [4: I, 302]. Также утрачивается к концу XV в. и значение

«понятой», не зафиксированное в Судебнике 1497 г. При этом термин **послух** отмечается в трех статьях памятника: 49, 51, 52 – в значении «свидетель на суде». И только в статье 67 термин **послух** употребляется в значении «очевидец»: *Да велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и новгородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а **послухам** не виде не послушествовати, а видевши сказати правду* [8, 87], которое утрачивается к середине XVII в. и в тексте Соборного Уложения употребляется уже только в единственном значении: «свидетель на суде, в тяжбе, при заключении сделки»: глава X, статья 250: *А вотчинные и дворовые купчие, и закладные, и данные, и иные всякие крепости в больших делех всяких чинов людем велеть на Москве и в городех писати, и в **послусах** писатися на площади площадным подьячим, а в селех, и в деревнях, и по подворьям таких крепостей в больших делех, опричь заговорных свадебных записей и духовных и заемных памятей, никому не писати* [6, 60] и др.

Как показывает лингвистический анализ памятников, юридический термин **послух**, подчиняясь законам терминологизации, эволюционирует от полисемантического к моносемантическому.

Литература

1. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003.
2. Гориков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984.
3. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
4. Правда Русская: Сборник. М., Т. 1; Т. 2. 1940–1963.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1975.
6. Соборное уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987.
7. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1989.
8. Судебник 1497 г. // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 11–108.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1986–1987.